

**На боевом посту**

**ВВ**

**11'91**

530

**ЖУРНАЛ**

**ВНУТРЕННИХ ВОЙСК**



**Что день грядущий нам готовит?**

**Женская колония: взгляд изнутри**

**Агата Кристи. «Свидание со смертью»**



# КАРАУЛ КАК КАРАУЛ

Фото  
Б. БУЛГАКОВА.



Северная глубинка. Цифра плотности населения на квадратный километр здесь начинается с нуля, и значительную часть этого населения составляют люди, лишённые свободы. Их обособленность от общества определена законом, на страже которого стоят внутренние войска. Фотозарисовка отражает будни войскового караула, возглавляемого сержантом Нуржигитом Сулейменовым (на снимке справа он ведёт смену на посты).

На остальных снимках: слева вверху – часовой рядовой Одил Дадамухамедов; внизу слева – в карауле обед; внизу справа – рядовые Александр Крутиков и Сергей Нехитров производят досмотр лесовоза.

За нашу Советскую Родину!

на боевом посту **ВН**

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ  
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И  
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ  
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

**11'91**

Издаётся с 1958 г.

**Учредитель – МВД СССР**

Главный редактор  
А.Г. ГОРЛОВ.

Редакционная  
коллегия:

В.Ш. АМЕРХАНОВ

(зам. главного редактора),

В.В. АФАНАСЬЕВ,

Б.Р. БОРУКАЕВ,

В.И. БУСЫГИН

(ответственный секретарь),

В.П. ВОРОЖЦОВ,

Ю.В. ДУРНЕВ,

Э.В. КАЛАЧЕВ,

И.Т. КОЗЛОВ,

Н.П. КУЗЬМИН,

В.В. МУРАТОВ,

Е.А. НЕЧАЕВ,

Л.А. ПАНКРАТОВ,

Л.Н. ПЕЧЕВОЙ,

Н.Н. ПРОКОПЕНКО,

Л.Л. СМЕРНОВ,

П.А. СТУДЕНИКИН,

В.Н. УСКОВ

(зам. главного редактора),

А.Г. УШАР,

В.С. ФРОЛОВ,

А.А. ШЕМАЕНКОВ,

В.И. ЯКУБОВСКИЙ.

■ НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ  
ОБЛОЖКИ: фото А. АЛЕКСАНДРОВА.



Слова из известной песни "Наша милиция нас бережет" сегодня наполнились особым смыслом. И это отчетливо осознают воины специальных моторизованных частей милиции внутренних войск, которым приходится нести патрульно-постовую службу на



538  
Фото  
А.АЛЕКСАНДРОВА.

# ТАКМЕ ВОТ РЕБЯТА

улицах больших городов, в районах, где полыхает пожар межнациональной розни.

Им нередко приходится слышать упреки в свой адрес. Для одних они слишком демократичны, другие считают наоборот. Но они четко знают свое дело: во что бы то ни

стало обеспечить порядок там, где его нет. И делают это в абсолютном своем большинстве профессионально.

НА СНИМКАХ: солдаты правопорядка во время занятий и на службе.

10 НОЯБРЯ —  
ДЕНЬ  
СОВЕТСКОЙ  
МИЛИЦИИ

# СЧАСТЛИВОГО ПЛАВАНИЯ!



# СОДЕРЖАНИЕ



## ■ ЭКСКЛЮЗИВНОЕ ИНТЕРВЬЮ

БОРУКАЕВ Б. «Во главу угла — вопрос о безопасности народов...» . . . . . 4

## ■ В ОСОБОМ РАЙОНЕ

КИСЛЫЙ Ю. Эта «странная» война . . . . . 7  
РАСЬКО А. «Уедете — начнется месть...» . . . . . 11

## ■ ОКТЯБРЬ В СУДЬБАХ

КОВАЛЕВСКИЙ А. Комиссар Петропавловской крепости . . . . . 13

## ■ ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

ЗАЙКА Л. В режиме чрезвычайного... . . . . . 27  
СИМОНОВ А. — Почем нынче автомат? — 9 лет на троих . . . . . 31  
Письма читателей . . . . . 35  
БОЛДИН И. Труба — дело . . . . . 37  
УШАР А. Слабый пол под сильной охраной . . . . . 39

## ■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

ГОНЧАРОВ В. Куда летит планета? (стихи) . . . . . 17  
ЭСЕНОВ Р. Ворон — птица ночная (повесть, начало) 19  
КРИСТИ А. Свидание со смертью (роман, продолжение) . . . . . 66

## ■ ПУБЛИЦИСТИКА

ЛЕОНОВ Б. Служение истине . . . . . 44  
МУРАТОВ В. Конъюнктура бездуховности . . . . . 50  
ИЛЬИН Д. Привержены патриотической теме 53  
СТАШКОВ А. Смерть «Хамелеона» . . . . . 55

## ■ КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

СЕВОДНЯЕВ В. День рождения следопыта . . . . . 92  
Клуб знакомств «Возможна встреча» . . . . . 94  
Конкурс войсковых всезнаек . . . . . 96

## ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

■ *Очерк о непростой судьбе бывшего командира роты специального назначения майора В. Спиридонова.*

■ *Межнациональный конфликт — тема рассказа Виктора Муратова «И метнулись тенями горы...»*

■ *О таинственном ниндзюцу — древнем искусстве шпионско-диверсионной работы рассказывает инструктор рукопашного боя Р. Ронин в первом материале цикла «Черные демоны».*

Журнал  
зарегистрирован  
25 сентября 1990 года  
в Госкомпечати СССР  
под № 241

ATTENTION  
FOREIGN READERS!  
East View Publications  
handles:  
o subscriptions  
o back issues  
o advertising  
for Na boevom postu.  
For further details,  
please contact us at:  
EAST VIEW PUBLICATIONS,  
12215 North 28th Place,  
Minneapolis, MN 55441 USA  
voice: (612) 550-0961  
fax: (612) 559-2931

Адрес редакции:  
107120, Москва, Б-120,  
Сыромятинский  
проезд, 8.  
Телефоны:  
361-82-57,  
361-81-71



Художественное  
оформление  
Е. К. Селиновой,  
Э. П. Копылова.  
Корректоры  
Е. Ю. Гаарилова,  
И. Ю. Семибратова.

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы материалов.

Сдано в набор 5.09.91 г.  
Формат бумаги 70x108<sup>1/16</sup>.  
Уч.-изд. л. 13,3

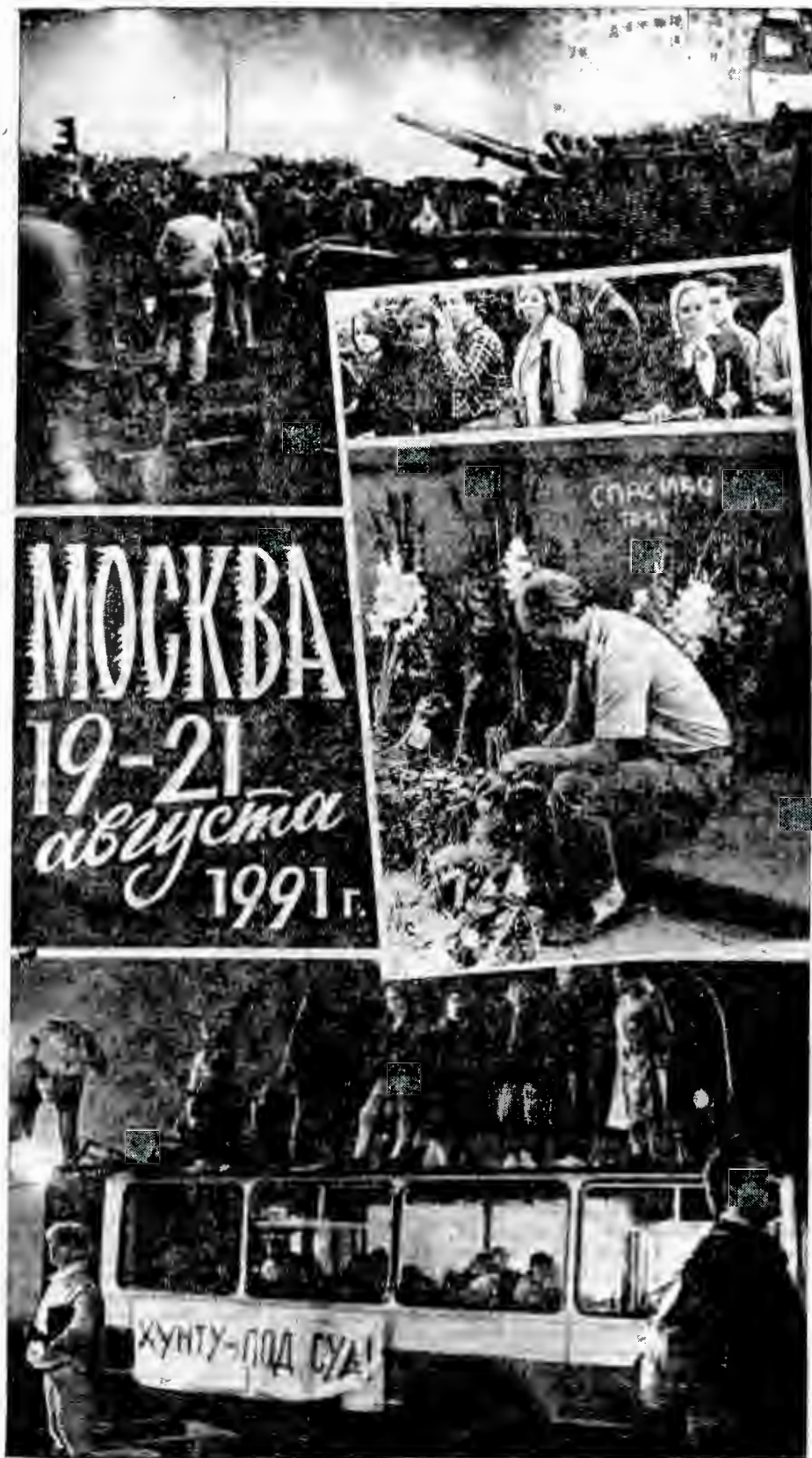
Подписано к печати 22.11.91 г.  
Усл. печ. л. 8,4 <sup>1</sup>/<sub>4</sub> п. л.  
Зак. № 2732 Цена 90 коп.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда»,  
123826, Москва, Д-317. Хорошевское шоссе, 38.



Фоторепортаж О. СМЕРНОВА

507



Генерал-майор Борис БОРУКАЕВ:

# «Во главу угла — вопрос о безопасности народов...»

Проблемы войск в переходный период — они волнуют всех военнослужащих, от солдата до генерала. Им и посвящена беседа нашего корреспондента с первым заместителем начальника штаба внутренних войск МВД СССР.

— Борис Рамазанович, в редакционной почте десятки писем с острыми, продиктованными болью сердца вопросами: «Что ждет внутренние войска в наше смутное, непредсказуемое время! Сохранятся ли централизованные структуры управления соединениями и частями! Будут функционировать войска союзного подчинения или все силы перейдут под юрисдикцию суверенных республик! Какая судьба уготована войсковым частям, дислоцированным на территории Прибалтики, Грузии, Армении, Молдовы!» Согласитесь, очень трудно выполнять служебные задачи в «подвешенном» состоянии, не зная, каким испытаниям подвергнет офицеров и прапорщиков завтрашний день...

— Да, с конца 50-х годов, когда осуществлялась коренная реформа правоохранительных органов страны, внутренние войска не испытывали таких потрясений, какие выпали на их долю сегодня. Командование глубоко понимает и разделяет озабоченность и тревогу личного состава, принимает все меры для того, чтобы вывести войска из тупиковой, кризисной, а если быть до конца откровенным, — трагической ситуации, в которой они оказались после событий 19—21 августа.

В Главном управлении командующего внутренними войсками выработаны предложения, которые охватывают вопросы о статусе войск в переходный период до подписания Союзного договора, внесении некоторых изменений в управление внутренними войсками и передаче выполняемых ими задач министерствам внутренних дел Латвийской, Литовской и Эстонской республик. Эти предложения подготовлены для рассмотрения в высших органах власти страны.

В чем суть концепции? Главное — сохранить боеспособность и мобильность внутренних войск в условиях формирования нового союза суверенных государств. Одновременно поставлена цель добиться повышения оперативности управления вой-

сками, улучшения их взаимодействия с органами внутренних дел. Вопрос: как? Предлагается наиболее оптимальный вариант: сохранив единую структуру войскового организма, передать в оперативное подчинение республиканским МВД конвойные части и специальные моторизованные части милиции. При этом будут расширены полномочия министров внутренних дел по использованию СМЧМ на всей подведомственной территории для охраны общественного порядка, борьбы с преступностью, ликвидации чрезвычайных обстоятельств, не связанных с межнациональными и межреспубликанскими конфликтами. Личный состав конвойных частей, как и раньше, будет выполнять задачи по охране исправительно-трудовых учреждений, конвоированию лиц, содержащихся под стражей, обслуживанию судебно-следственных органов.

В ведении центра, таким образом, остаются оперативные части, части по охране важных государственных объектов, военные училища и войсковая авиация.

Полагаю, нет необходимости ломать копыя, доказывая, что части оперативного назначения должны иметь федеральный статус как межреспубликанские силы поддержания правопорядка — по аналогии с войсками ООН. Они могут использоваться только централизованно — по решению Президента и под контролем Государственного Совета — для оказания помощи правоохранительным органам, когда те не в состоянии влиять на ситуацию.

Теперь несколько слов об охране важных государственных объектов и специальных грузов. Передать эти функции полностью в ведение республик было бы нецелесообразно. Во-первых, система охраны объектов оборонной промышленности и ядерной энергетики строится с таким расчетом, чтобы обеспечить их надежное прикрытие в военное время. А это требует поддержания тесного взаимодействия с Генеральным штабом Вооруженных Сил, различными ведомствами Министерства обороны.

Во-вторых, необходимость централизованного управления «промышленными» частями диктуется сложностью поставленных перед ними задач, реальной опасностью терроризма, диверсий, крупных аварий на охраняемых объектах с тяжелыми последствиями для населения. Предотвратить их могут только федеральные войска, которые не привлекаются к охране общественного порядка, имеют все необходимое для систематической и целенаправленной боевой подготовки.

— Вы привели весомые аргументы, Борис Рамазанович. Не исключено даже, что предложенная главком модель функционирования внутренних войск, которая рассчитана на переходный период, может быть использована и при формировании системы управления федерально-республиканскими силами общественной безопасности после подписания Союзного договора. Главное достоинство концепции — учет интересов как суверенных республик, так и Союза в целом.

К сожалению, это не все до конца осознают. Некоторые республики, в особенности Украина, торопятся перевести дислоцированные на их территории войска под свою юрисдикцию, что противоречит действующему законодательству Союза ССР. Понятно, субъекты федерации самоопределились, им хочется иметь свои, неподконтрольные центру вооруженные формирования. Но давайте в конце концов подчиним национальные эмоции и политические амбиции здравому смыслу, поставим во главу угла вопрос о безопасности народов. Не нужно обладать богатым воображением, чтобы представить, к каким трагическим последствиям может привести раскол войск, если, упаси Бог, возникнет ситуация, когда отдельные республики начнут таяжбу за спорные территории или какие-то лидеры попытаются использовать республиканские части для сведения счетов с оппозицией. А такие тенденции уже сейчас видны, что называется, невооруженным глазом.

Глубоко убежден: только союзные войска служат единственным надежным гарантом защиты прав, достоинства, имущества граждан в межнациональных и межреспубликанских конфликтах, от которых, по всей видимости, мы не застрахованы и в будущем. Разрушить фактор общего спокойствия — безумие. Это югославский вариант, только в более крупном масштабе.

Такова политическая сторона проблемы. Рассмотрим ее военно-экономический аспект. Не каждая из суверенных республик — участниц Союзного договора в состоянии самостоятельно решать важнейшие вопросы организации служебно-боевой деятельности внутренних войск. Поэтому ряд управленческих и координационных функций должны выполнять МВД и ГУКВВ. Это взаимодействие с Генштабом Вооруженных Сил Союза по подготовке войск к выполнению задач в системе территориальной

обороны страны в военное время. Это подготовка офицерских кадров и младших специалистов. Далее. Комплектование войск призывными ресурсами, разработка нормативных документов, материально-техническое и учебно-методическое обеспечение, собственное капитальное строительство и контроль за реализацией капложений в интересах войск в других ведомствах.

— А какой кусок «пирога» остается министрам внутренних дел республик!

— Внушительный. Министры наделяются правом участия в определении объема служебных задач для СМЧМ и частей по охране ИТУ, контролю за использованием сил и средств, проведению учений и тренировок с личным составом, подготовке предложений по созданию новых и перестроению существующих частей и подразделений.

Кроме того, командование войск согласовывает с министрами внутренних дел кандидатуры командиров частей, находящихся в оперативном подчинении республиканских МВД.

При таком распределении функций между центром и правоохранительными органами республик по руководству внутренними войсками вся тяжесть организационных вопросов, связанных с обеспечением воинских частей союзного и территориального подчинения всем необходимым, ляжет на ГУКВВ, которое располагает соответствующими структурными подразделениями для их решения.

Выгодно это республикам? Конечно, выгодно. Им не придется создавать дополнительные управленческие звенья в системе МВД. Будут сэкономлены финансы, материальные средства.

— Притча во языцех — социальная и правовая незащищенность военнослужащих и членов их семей. Сколько было за последнее время перьев сточено и бумаги изведено, сколько горьких слов прозвучало с парламентских трибун в безуспешных попытках повернуть державные власти лицом к этой проблеме. Увы, результаты обратно пропорциональны затраченным усилиям. Защитник Отечества как был, так и остался самой уязвимой фигурой в социальном и юридическом плане. Не получится ли так, что суверенные республики, ссылаясь на ограниченность своих прав по руководству территориальными частями, постараются спихнуть бремя самых острых военных проблем на центр!

— Вот поэтому в документе, суммирующем предложения ГУКВВ, одним из первых пунктов следует вопрос о необходимости уточнить круг обязанностей министров внутренних дел республик по созданию условий для жизнедеятельности находящихся в их ведении частей и подразделений, обеспечению социальных и юридических прав военнослужащих и членов их семей.

— Сколько уже было подобных предло-

жений и пожеланий! Наверное, без помощи ЭВМ и не подсчитать. А отдача...

— Реальность: наш главк — всего лишь маленькое звено большого государственно-го механизма, и при всем желании он не в силах решить те проблемы, которыми призваны заниматься высшие органы власти. И все же... как говорят, капля камень точит. Одно предложение, второе, третье, десятое. А дальше — срабатывает закон диалектики: количественные изменения переходят в качественные.

Предложения ГУКВВ учтены при подготовке проектов законов «О статусе военнослужащих», «О всеобщей воинской обязанности и военной службе», «Об обороне СССР». В частности, за солдатами, сержантами, прапорщиками, офицерами внутренних войск (выведенных, как известно, из состава Вооруженных Сил страны) сохранен юридический статус военнослужащих со всеми правами и льготами. Это немаловажно.

Но по-настоящему серьезная подвижка произойдет тогда, когда будут внесены изменения и дополнения в действующее законодательство о внутренних войсках, четко распределены права и обязанности союзного и республиканских МВД — в том числе и по вопросам правовой, социальной защиты военнослужащих... Следующая задача — совершенствование механизма реализации законов, регламентирующих все стороны деятельности войск в новых условиях. Впрочем, это тема отдельного разговора...

Сегодня проблема проблем — судьба военных, выполняющих конституционный долг на территории «неприсоединившихся» республик.

Что касается Прибалтики, то здесь все точки над «i» расставлены: в ближайшее время выводим оттуда оперативные и милицмейские части; конвойные, по просьбе самих же республиканских правительств, оставляем до середины 1992 года, пока не будут созданы соответствующие национальные формирования.

В Грузии, Армении, Молдове, видимо, тоже произойдет поэтапная передача республиканским МВД задач по охране ИТУ, надзору в них, конвоированию, обеспечению судебно-следственных органов и охране правопорядка.

Будут специально оговорены вопросы социальной защиты тех, кто пожелает продолжить службу на прежнем месте. Остальные переведутся в Союз. В войсках достаточно вакансий, ни один офицер и прапорщик, прибывший из-за «границы», не останется за бортом. О каждом из них будет проявлена максимальная забота.

— Каким будет механизм вывода войск?

— Он прост по замыслу, но, безусловно, очень сложен по реализации. Выводимые части расформируются, личный состав, техника, вооружение, материальные средства идут на доукомплектование войск в других регионах. Специальные комиссии из представителей заинтересованных служб

МВД согласовывают с правительствами «неприсоединившихся» республик круг вопросов, связанных с определением сроков и последовательности расформирования воинских частей, передаче их функций местным правоохранительным органам, порядок взаимных расчетов и компенсаций в связи с переездом и обустройством на новом месте военнослужащих и членов их семей. Кстати сказать, эстонцы и литовцы обещают сохранить для личного состава конвойных частей все социальные гарантии и готовы, проведя индексацию, компенсировать разницу стоимости жизни в Союзе и республиках.

— Борис Рамазанович, что ответили республиканские МВД, ознакомившись с предложениями ГУКВВ по совершенствованию системы управления внутренними войсками?

— В целом нашу концепцию пока поддерживают Таджикистан, Узбекистан, Эстония, Латвия, Литва, Грузия и Молдова. В основном согласны с ней и одновременно внесли встречные предложения Россия, Азербайджан, Армения, Казахстан, Кыргызстан и Туркменистан, Украина и Беларусь настаивают на выполнении принятых ранее решений о передаче под их юрисдикцию всех частей внутренних войск, дислоцированных на территории этих республик.

— Все-таки настаивают!

— Давайте не будем забывать: каждая республика — это суверенное государство, имеющее право отстаивать свою точку зрения на те или иные вопросы военного строительства.

Однако тут надо внести ясность: даже если примеру Украины и Беларуси последуют другие участники Союзного договора и мы передадим под их юрисдикцию внутренние войска, все равно сохранится необходимость в межреспубликанских силах поддержания правопорядка. И не так уж важно, останутся ли они в системе МВД или будут переданы в Сухопутные войска, как это принято во многих странах мира. Главное — их предназначение: защита конституционных прав и свобод граждан, оказание помощи пострадавшим при чрезвычайных обстоятельствах, происшествиях и стихийных бедствиях.

— Незаживающая рана страны и войск — Карабах. Долго еще нести военным свой тяжкий крест в этой горячей точке!

— Обратимся к коммюнике, подписанном в результате переговоров между Азербайджаном и Арменией с участием Б. Ельцина и Н. Назарбаева: в числе обязательных условий прекращения огня — вывод из зоны конфликта всех вооруженных формирований за исключением частей внутренних войск и Советской Армии. Так что нести нам свой крест до тех пор, пока не погаснет костер межнациональной вражды. Если съведем войска, не дождавшись нормализации обстановки в НКАО, крупномасштабное вооруженное столкновение двух республик неизбежно.

# ЭТА «СТРАННАЯ» ВОЙНА

**П**О БЭТЭЭРУ лупили с двух сторон. Справа, из окопа, армянские боевики — в этом майор Владимир Иванов не сомневался: через триплекс были отчетливо видны мелькавшие над бруствером бородатые лица. Оттуда снайпер вывел из строя бронетранспортер с мангруппой майора Олега Фетюкова: влетевшая в бойницу пуля повредила электропровод. В это время группа Иванова находилась в селе Бузлук. Услышав по радиации тревожный сигнал, офицер с бойцами поспешил на выручку попавшим в беду однопольцам.

«Боевики — горстка, справимся, — подумал Иванов. — Но вначале нужно разобраться, что за публика с левой стороны. Численность — не меньше взвода. Многие в милицеской форме, на «фиданов» вроде не похожи. Неужели азербайджанские омонцы? Странно, мы, кажется, с ними не воюем... А эти палят из всех стволов».

Повернув башню, майор крикнул механику-водителю: «Прибавь газу! Будем брать этих вояк!»

Стрелявшие пустились наутек, продолжая на бегу вести огонь. По броне гулко стучали стальные горошины.

Объехав подбитый бэтээр (там — полный порядок, все целы), боевая машина быстро настигла улепетывающих стрелков. Те, не выпуская из рук оружия, залегли.

Иванов откинул крышку люка: «Старшего ко мне!» В ответ — молчание.

— Ладно, черт с вами, сам подойду.

Навстречу поднялся худощавый мужчина в камуфляже. Представился: «Полковник...» «Документы!» Все сходится. «Кто такие?» Так и есть, подразделение ОМОН МВД Азербайджана. Проводит операцию против боевиков, засевших в населенных пунктах Эркеч, Бузлук и Маншид Шаумяновского района.

«Ну и дела! — в сердцах плюнул майор Иванов. — В комендатуре об операции ничего не известно. Услышали пальбу — помчались в села для выяснения обстановки. И нарвались! Как же это в республиканском МВД забыли о нашей части в Шаумяновске? Хороши коллеги...»

— Почему открыли огонь по бэтэеру?

— Думали, армянский броневичок.

— Какой армянский?! На бортах войсковые эмблемы.

— За инцидент придется ответить, майор. Из-под земли достанем.

На этом переговоры закончились. Иванов разрешил увезти раненых. Остальным приказал ждать прибытия офицера из комендатуры района чрезвычайного положения.

...Через несколько дней его снова приговорили к смерти. На сей раз армянские боевики, у которых он со своими воинами изъезжал автомат иностранного производства.

Майор Иванов (по просьбе его сослуживцев я изменил в материале фамилию) держится мужественно. За себя, в случае чего, сумеет постоять. А вот семья... Кто защитит ее, если приговорившие, не дай Бог, вычислят адрес?

Это один из фрагментов сложной мозаики карабахских событий. Если когда-нибудь будет написана правдивая история СССР, кровавую драму в НКАО наверняка назовут «странной» войной. Во всяком случае, именно такой она видится военнослужащим внутренним войск, присланным в Карабах для поддержания общественного порядка, защиты граждан от произвола вооруженных экстремистов.

Ну разве, скажите на милость, не странно, что подразделения ВВ выполняют поставленные задачи, находясь в прямом смысле между двух огней? С одной стороны, достают незаконные формирования «фиданов». С другой — подбрасывают жару формирования вполне законные, созданные под крышей МВД Азербайджанской Республики. Что касается армянских боевиков, тут у военных вопросов не возникает: пока мирному урегулированию международного конфликта местные радикалы предпочитают продолжение политики «киными средствами», войска вынуждены на огонь отвечать огнем, защищая мирное население, а заодно и свои КПП, заставы и автоколонны. А вот с набивающимися в «коллеги» азербайджанскими омонцами — такие проблемы, что в пору караул кри-

чать: упаси, Боже, от друзей, а с врагами как-нибудь сами разберемся.

Знакомый офицер, съевший на конвойной службе не один пуд соли, рассказывал: «Когда в Карабахе впервые увидел этих расхристанных ребят с уголовными наколками и небритыми физиономиями, схватился за голову: ба, да это ж мой родной «контингент». Поистине ирония судьбы: тут каждый второй еще вчера под конвоем топал, а теперь в руках — автоматы. Милицейская форма — не подступись. Такие навоюют. А расхлебывать заваренную кашу нам придется».

Возможно, мой приятель преувеличивает. В 1991 году отряд неоднократно проверялся сотрудниками Главного управления охраны общественного порядка, Главного управления по работе с личным составом, Академии МВД СССР, изучались личные дела бойцов: ни одного факта зачисления на службу в ОМОН ранее судимых лиц не установлено. И тем не менее расхлебывать крутую кашу войскам приходится. Да еще как!

**ПАРАДОКСАЛЬНАЯ** логика «странной» войны: правоохранительные органы, ОМОН Азербайджана, призванные стоять на страже законности и порядка, действуют по закону средневековой вендетты: око — за око. Тут вспоминают и 200 тысяч азербайджанских беженцев, изгнанных бородачами из Армении в 1988 году, и стертый с лица земли Баганис-Айрум, и многие другие преступления «фиданов». Военные акции, начатые армянскими экстремистами, возвращаются, словно бумеранг, по траектории кровной мести, но поражают не зачинщиков смуты, которые всегда успевают укрыться за чужими спинами (так укрываются боевики за живой стеной женщин, стариков и детей, проводя коварные операции по захвату заложников), а не искушенных в политике трудаг, чей вековечный удел — оплачивать векселя рвущихся к власти «отцов нации». Когда сила права без сопротивления отступает перед правом силы, трудно рассчитывать на иной поворот в зоне конфликта. Конституция? Закон? Справедливость? Милосердие? Оставьте либералам их наивные иллюзии. У войны не женское лицо: смерть — за смерть.

Сценарий действий омонцев всюду один и тот же: грабежи, насилие, избиение стариков и женщин, захваты заложников. Затем — «мирные» беседы под дулами автоматов. Местных жителей «угаваривают» подписать заранее размноженные заявления о добровольном выезде в Армению. В случае отказа — угрозы расправиться с заложниками. После таких бесед люди готовы подписать все что угодно, лишь бы живыми вырваться из рук «стражей порядка».

По этому сценарию разворачивались кровавые события весной и летом нынешнего года в Аскеранском, Шушинском, Мардакертском, Гадрутском районах. Как сообщили мне в военно-политическом от-

деле комендатуры, недавно было обследовано 13 сел, покинутых армянами. Всюду следы погромов жилья, школ, больниц, государственных учреждений. «Очищенные» омонцами населенные пункты заселяются азербайджанскими беженцами. В Шушинском районе, например, дележом пустующих домов занимался лично председатель райсовета. Своя рука владыка!

**Над пылающим костром межнациональной вражды греют руки и местные мафиози. В заблокированных селах процветает «прифронтовой» бизнес. Оборотистые дельцы скупают у соседей продукты, товары и загоняют их односельчанам с баснословным наваром. Огромные барыши приносит торговля оружием, которого требуется все больше и больше. А выкупы за освобожденные захваченных заложников! А «налоги», взимаемые с изгнанных жителей за выезд в Армению! Недаром в народе говорят: «Кому война, а кому — мать родна».**

Неужели некому привлечь к ответу виновников чудовищных беззаконий? Отчего же, силы для этого есть. Но в условиях «странной» войны они оказались парализованными. И преступники в милицейской форме, представляющие государственную власть (и успешно ее дискредитирующие), все больше нагледют от безнаказанности (я далек от того, чтобы подводить под эту черту весь личный состав азербайджанского ОМОНа, там, безусловно, есть немало честных, порядочных бойцов, более половины офицеров ранее проходили службу во внутренних войсках — жаль, что не они определяют моральный облик отряда). Главными же виновниками происходящего называют... Догадались, кого? Правильно, военнотружущих. Формальный повод для обвинений: при проведении так называемых проверок паспортного режима омонцы одно время действовали в населенных пунктах, внешнюю охрану которых осуществляли подразделения внутренних войск. И вот слева трещат очереди газетных строк: военные — свидетели и соучастники преступлений, к барьеру! С противоположной стороны — в унисон: — другие упреки: в нерешительности, пассивности, неспособности дать отпор армянским боевикам.

Оставим все эти обвинения на совести клеветников и хулителей. Каждому воздастся «по делам его». Вот факты, которые проливают свет на то, как «взаимодействовали» войска и ОМОН.

Неправда, что военнотружущие были равнодушными свидетелями преступлений.

Коменданты участков, докладывая наверх об обстановке в районах, выражали глубокое возмущение бесчинствами омоновцев. Гадрутский комендант лично обращался к начальнику Джебрайльского РОВД (оттуда при поддержке большой группы бакинских сотрудников совершались бандитские налеты на села района): прекратите беззакония, положите конец грабегам и насилиям. Призыв к благоразумию был гласом вопиющего в пустыне. К такому же результату привели обращения коменданта и начальника военно-политического отдела комендатуры района чрезвычайного положения в более высокие инстанции. Представители МВД Азербайджана, следственных органов Союза оставляют вопросы военных без ответа. Зато все жалобы на чинимый омоновцами произвол с завидной настойчивостью переадресовываются в комендатуру: пусть военные отдуваются за чужие грехи, к роли громоотвода им не привыкать.

**Немного статистики. В ходе проведения операции против армянских боевиков с 3 по 5 июля в Гадрутском, Шаумяновском, Мардакертском районах производилось задержание подозрительных лиц. Заместитель прокурора НКАО дал санкцию на арест 60 человек. Арестовано значительно больше, причем только 10 — в соответствии с указанной санкцией, остальные — случайные люди. Задержание невиновных привело к накалу обстановки.**

**Лес рубят — щепки летят!**

Не меньше страдают от произвола экстремистов из противоположного «лагеря» жители азербайджанских сел. И вот какая тут закономерность наблюдается (все в духе «странной» войны): как только трезво мыслящие лидеры армянской общины НКАО предпринимают попытки вступить в диалог с соседями, договориться о примирении враждующих сторон — тут же вспыхивают новые очаги насилия. По данным комендатуры, весной нынешнего года началось потепление в отношениях между армянами и азербайджанцами. Люди, безмерно уставшие от необъявленной войны, стали протягивать руки друг другу через разделявшую их незримую границу. Но противники диалога быстро свели на нет все усилия, затраченные на подготовку переговоров. Только за период с 28 июня по 8 июля были зверски убиты 13 азербайджанцев, 8 из них сожжены. В ответ — волна террора против армян. Так набирает силу кем-то искусно управляемая цепная реакция вражды и ненависти.

— Дестабилизируют обстановку не местные жители, — сказал народный депутат

СССР В. Габриелян, один из активных инициаторов диалога. — Этих людей мы выявили. Принимаем меры, чтобы нейтрализовать их, заставить убраться из зоны конфликта.

«Свои» ли, «чужие» боевики, заброшенные в НКАО из Армении — принципиальной разницы, по-моему, нет. Каждая вылазка вооруженных экстремистов независимо от их принадлежности — это новый круг вендетты, в губительный водоворот которой все глубже затягиваются внутренние войска.

Логика, здравый смысл подсказывают: во избежание прямых столкновений военнослужащих и омоновцев необходимо совместно с МВД Азербайджана четко определить зоны ответственности в действиях войск и правоохранительных органов, каждую операцию согласовывать с руководством комендатуры, неукоснительно следуя духу и букве Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения». Это повысит эффективность боевой работы по разоружению незаконных формирований «фидаинов».

Увы, кому-то очень невыгодно поступать в соответствии со здравым смыслом. Ибо тогда труднее будет подставлять военных как заложников политических игр, к чему всячески стремятся исповедующие принцип «чем хуже — тем лучше».

В такой атмосфере несут службу офицеры, ставшие свидетелями проверок паспортного режима в армянских селах. «Не хотим быть соучастниками преступлений», — эти горькие слова сегодня у многих на устах.

**ГЛАВНАЯ** задача внутренних войск, дислоцированных в НКАО, — обеспечить общественную безопасность на всей территории особого района. Создание этой благородной миссии помогает военным находить выход из самых крутых, двусмысленных ситуаций, в которые они нередко попадают благодаря «коллегам» из ОМОНа.

Когда головорезы в милицейской форме пытались ворваться в село Киров Шушинского района якобы для проведения следственных мероприятий, воины находившегося там подразделения по приказу офицера комендатуры силой оружия остановили их. В этот же день из села на бэтэре вывезли трех беременных женщин. Одна из них была на грани помешательства от пережитого кошмара. Омоновцы глумились над ней, угрожая вспороть живот. «Фидаина рожать собираешься? Сейчас поможем». Муж не выдержал, бросился защищать жену. Его скрутили, кроша зубы, затолкали в рот ствол автомата и расстреляли на глазах обезумевшей от ужаса женщины.

В населенных пунктах Ехцаог, Мецкаладераси бойцы спецназа во главе с подполковником В. Еловским разоружили бесчинствующих «стражей порядка». Изъятые автоматы сдали в Лачинский РОВД.

У одной из таких стычек — трагический

финал: в перестрелке с омоновцами погиб прапорщик Иван Старожицкий. Скорбный символ — если сделать акцент на имени: еще один Иван сложил голову на незримом фронте межнациональной вражды, заплатив жизнью за чью-то бездарную политику. Нелепая случайность? А если поставить ее в один ряд с приговором майору Иванову?

Но вооруженные столкновения внутренних войск с «союзниками» из ОМОНа — не самая большая «странность» необъявленной войны в Карабахе. Это — цветочки. Ягодки — вот они...

Послушаем начальника заставы в селе Сейсулан майора Владимира Меньшова — «афганца», кавалера ордена Красной Звезды:

«Если в ближайшее время не изменят практику применения войск и наши бойцы будут по-прежнему привлекаться для совместных действий с ОМОНам в армянских населенных пунктах, может случиться непоправимое: в одном бою схлестнутся два войсковых подразделения. Каким образом? Рассказываю о том, что испытал на собственной шкуре.

Застава охраняет армянское село, окруженное азербайджанскими населенными пунктами. Согласно Закону СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения», наша задача как силы, осуществляющей этот режим, — способствовать скорейшей нормализации обстановки, восстановлению законности и правопорядка. Что мы и делаем.

В селе нынче спокойно. Люди стали выходить на работу. Под прикрытием бэтэров собран урожай. Кстати, колхоз первым в автономной области завершил уборочную страду. А до этого народ жил в страхе. Паковали вещи, к выселению готовились. Отовсюду слухи: армян будут депортировать до тех пор, пока не изменится демографическая пропорция в НКАО в пользу азербайджанцев (нет народа — нет проблемы). А тут еще омоновцы нагрянули с проверкой паспортного режима. Похватили самых уважаемых в селе людей. И — выкуп гоните, если хотите, чтобы они вернулись живыми-здоровыми. Заломили астрономическую сумму. Всем миром собирали деньги для спасения односельчан. Такая вот невеселая картина открылась перед нашими офицерами и солдатами.

Взяв под охрану село, дали людям слово: произвола не допустим. Есть задача — обеспечить безопасность населения. И застава выполнит ее при любых обстоятельствах.

А обстоятельства не заставили себя долго ждать. В один прекрасный день случайно узнаем: готовится новый «визит» ОМОНа. Под прикрытием подразделения милицейской части внутренних войск. Что делать? Пропустить омоновцев, которые будут грабить жилища, арестовывать ни в чем не повинных людей? Предать тех, кто поверил нашему слову? Нет, в обиду село не дадим. Надо стоять до конца, а там — будь что будет.

К счастью, комбат, которому приказали обеспечивать «мероприятие», — мой старый знакомый. Вместе в Афгане воевали. Решил так: выйду навстречу, объясню ситуацию. Поймет. А нет — встану на их пути с автоматом. Только через мой труп войдет отряд в село.

В общем, «приготовились к встрече. Ждем. Но «визит» отменили. Пронесло, как говорится.

После всего этого меня могут обвинить в проармянских настроениях. Ответу: точно так же поступил бы, охраняя азербайджанцев. Разве имеет значение национальность, когда страдают женщины, старики, дети? Есть закон, и никто не вправе его обойти. Ни ОМОН, ни войска.

**Закон суров, но таков закон. Увы, в строгом Законе о правовом режиме ЧП много белых пятен: не определены статус и полномочия коменданта, вопросы взаимодействия комендатуры и правоохранительных органов.**

**При отсутствии четкой правовой основы деятельности коменданта района чрезвычайного положения сохранить нейтралитет, разделяя противоборствующие стороны, — все равно что пройти босиком по лезвию бритвы. Этим пользовались некоторые члены Оргкомитета по НКАО, открыто призывавшие войсковых офицеров занять проазербайджанскую позицию.**

**С**лушая Меньшова, вспомнил встречу с бойцами заставы в селе Умудлу. В июле им пришлось пять раз отражать налеты армянских боевиков. Держались стойко, мужественно. В бою захватили главаря банды. «Низкий поклон отцам и матерям воинов за то, что воспитали таких героев. Эти русские парни спасли наше село, — говорили убежденные седины аксакалы. — От имени всех жителей Умудлу мы написали письмо Президенту Азербайджана с просьбой наградить солдат и офицеров».

Кстати, это же подразделение в соседнем армянском селе охраняло поле во время уборочной страды.

А если воинов из Умудлу пошлют в Сейсулач обеспечивать операцию омоновцев? Вдруг не сумеют договориться командиры не открывать огонь по своим? Гоню прочь эти мысли. А в памяти слова офицеров комендатуры: «В Карабахе сегодня все возможно».

Смутное время. «Странная» война...

**Подполковник Ю. КИСЛЫЙ,  
наш спецкор.**

564

# «УЕДЕТЕ — НАЧНЕТСЯ МЕСТЬ...»

Сколько было и есть в нашей стране «горячих точек»! Одно только их перечисление заняло бы немало места... Погромы и убийства на национальной почве стали уже, к сожалению, зловещей приметой времени. Газетные сообщения порой напоминают боевые донесения с военных действий. И где бы ни полыхал пожар национальной розни — на линию огня первыми выходят воины внутренних войск. На них часто — последняя надежда.

В этих заметках не будет количества убитых и раненых, не будет сведений об изъятом оружии. Это всего лишь взгляд на общую беду, взгляд молодого офицера внутренних войск, вылетавшего в нелегкую командировку.

...ИЗ КУЧИ тряпья выбрались голодные собаки и, поскуливая, бросились прочь. Солдатские сапоги увязли в рубашечках и юбочках, распашонках и демисезонных пальто, сваленных во дворе.

Перед входной дверью на коврике аккуратно выставлены калоши и детские сандалики, сквозь дверной проем синеет кусочек безоблачного неба, а дальше, внутри — пепелище...

Жертв резни убрали, лишь кое-где предательски проглядывают наспех присыпанные ржавые пятна крови.

Солдат с рацией махнул рукой:

— Сержант, смотри!

На краю канавы осколками зеркала играл оставленный без присмотра малыш. Худющая спинка, руки и ноги, как спички, чумазый, будто из кочегарки.

— Здравствуй, малыш! — солдат потрепал его за плечо.

Непонимающие детские глаза...

Странно и дико видеть беззащитное нагое тело ребенка и чувствовать спиной автомат, бряцающий о титановые листы бронжилета.

В вязком полуденном мареве скрипит калитка. Шаркая, подходит старик-аксакал:

— Салам-алейкум!

Первым отвесив легкий поклон, старик протягивает лепешку, разливая из чайника в пиалы зеленый чай.

Трещит рация.

— «Пятый», я—«Второй», на связь.

— «Второй», я—«Пятый», — раздраженный пересоший голос. — На маршруте, прием.

Вновь тягучие, нелепые шаги по вымершей от полуденного зноя земле.

У сожженных домов ветер разносит фотографии. На них — счастливые семьи, улыбающаяся невеста, застолье... Папа, мама, марьядная первоклассница... Невозможно поверить, что это когда-то было...

Окружившая нас шумная ватага мальчишек-соразанцов бойко заверещала на своем языке. Некоторые говорят по-русски...

— Это все «они», — тычет один в фотографию. — Они хотели на машине уехать, но ее подожгли, и они сгорели. — Пока-

зывает на остов сгоревшей легковушки. — Там, — машет рукой в сторону полуразрушенного дома, — тоже «они» жили. Но те успели убежать, а папа их шкаф домой притащил...

Ночью в кварталах, подобных этому, можно услышать шорохи — это орудут мародеры... Они ползают на четвереньках среди разрушенных «выгоревших домов», роясь в белье, среди детских игрушек. Какое отвращение вызывают эти незранные, невымытые мужчины с мешками награбленного в трясущихся руках!

Отважившиеся вернуться домой, рассказывают:

— Приехали, а многих вещей уже нет. Видели у соседей, да ведь не войдешь же забирать...

Когда ночью из самолета летит несведущий человек, он недоумевает: «Смотрите, сколько стогов сена горит!» Ибо человек не в состоянии представить, что «сено» — это пылающие дома, что там насилуют и убивают, колот вилами и сжигают живьем в облитых бензином коврах...

«Пойдешь убивать, громить — получишь сто рублей. Если кого-то убьешь — дадим сразу тысячу! Вот так их «агитировали», — со слезами на глазах рассказывают местные женщины.

На крышах близлежащих домов засели наблюдатели из местных. «Оперативная разведка» заинтересованной стороны организована настолько квалифицированно, что толпы погромщиков начинают рассеиваться задолго до приближения наших машин...

Кстати, до недавнего времени мы не признавали понятия «толпа». Дескать, на наш этот термин. Как оказалось, существует своеобразная психология толпы, есть в ней и свои вожди...

Вот что думает об этом младший сержант Иван Бузурович:

— Поначалу люди в толпе кажутся благожелательными, все смиреннькие, не кидаются, создается впечатление, что не опасно, ничего плохого не произойдет. Потом страсти накаляются, все начинают звать, недалеко и до беды...

Рядовой Андрей Черкасских:

— Когда тебя начинают мутузить ни за что ни про что ошалевшая женщина или бросает в тебя камень ребенок, не то что больно — обидно становится. Не знаю, почему. За нашу убогость, что ли. За убогие мазанки-халупы, за полуголодное существование людей: зеленый чай на завтрак и ужин, лепешка на обед...

Ребята из внутренних войск здесь часто расспрашивают, причем у собеседника взгляд оживает, кажется, он только и жаждет услышать садистски-желанный ответ о том, как очередь из автомата снесла голову человеку.

Вот так и сейчас сидящая в кафе девушка с трепетом посмотрела мне в глаза:

— А ты... там, в Баку, в Фергане... Ну, того, бил палкой?

Отпив глоток горячего кофе, затянулась сигаретой. Она, наверно, будет учить своих детей только черному и белому, без оттенков и сомнений...

— Они свиньи, их надо убивать,—иногда заявляли о так называемом «меньшинстве» в горячих точках, где мне пришлось побывать.

Эта ничем не обоснованная объективно жестокость многократно усиливается в толпе. В толпе молодых, сильных людей, ничем не обремененных, не чувствующих ни перед кем ответственности.

«Заинтересованные» агитаторы били без промаха, когда у общежитий собирали толпу студентов. Как водится, водка, «косяки» с «травкой».

— Вперед, на площадь! Вооружайтесь! — неслышимо юркие человечки всюду совали свой пакостный нос.

В это время местные милиционеры пребывают, мягко говоря, в «ауте», а проще — испытывают противный, унижающий страх. Не за себя — за свою семью, которую могут вырезать тут же...

Вот начальник РОВД кричит издали, с двухсот метров:

— Мальчики, девочки! Разойдитесь, спать пора!

И еще один момент: местные жители, со страхом отзываясь о мафии собственной, говорят и о заграничной... К примеру, во время осмотра автобуса наряд, возглавляемый старшим лейтенантом Виктором Лаптевым, обнаружил пистолет западно-германского производства.

К тому же армейские радиостанции глушатся приборами явно не советского производства. Но это детали, да и не все ли равно, из какого пистолета будешь убит?..

Снова наступает вечер. Если бы можно было «включить» на круглые сутки солнце, то исчезли бы такие страшные ночи. А вместе с ними и грабежи, насилие, мародерство. Вместе с ними — удивительно красивые луна и звезды, на которые ребятам и посмотреть некогда...

Рядовой Равиль Сафин:

— Невозможно быть «взвинченным на все сто» неделями подряд. Напряжение первых дней спадает — и внешне, когда мирная жизнь вроде бы начинает налажи-

ваться, и внутренне, когда позволяешь себе не оглядываться ежесекундно по сторонам, можно подумать о чем-то своем. Сейчас вспоминаю: больше всего не хватало общения на русском языке. Как ни крути, а лишний раз к тебе никто не подойдет. Не могу сказать, что на нас смотрели отчужденно, но понять можно: мы уедем, а людям оставаться. Нас часто угощали чаем, арбузами. Но, несмотря на то, что вроде все стихло, нет-нет да и попадаешь в различные «ситуации». Раз мы с рядовым Виктором Даниловым несли службу в автопатруле. Остановились на дороге, и тут нам показалось, что вроде кто-то вскрикнул, потом звякнуло железо. Затем из кустов вышли двое мужчин. Без пропусков. Пока их обыскивали, я осмотрел кустарник. Вижу — мужчина лежит с распоротым животом. Передали по рации о случившемся, преступников положили лицом к земле, но оружия не нашли. Позже метрах в пятнадцати на крыше железного гаража обнаружили нож с пятнами крови.

Здесьние ребята быстро выучили русские фразы и к месту и ни к месту приветствовали:

— Эй, солдат! Доброе утро! — Хотя солнце уже клонилось к закату...

Без опасения и боязни они время от времени окружали солдат и... смотри в оба! — не то отцепят магазин от автомата или скрутят антенну — не угладишь за сорванцами. Для них уже не существовало пылающих домов как чего-то особенного — они к этому привыкли, а вот «дядя-солдат» который шепчет в микрофон рации «Я—«Вега-44», у меня все нормально, прием!», для них интересен.

Дети есть дети, и среди пепелищ на всю улицу раздаются мальчишески голоса со смешным акцентом:

— Я — «Вега», прием!

Вот тебе, бабушка, и военная тайна!

А тут еще мужчина с «Никоном» в руках, не таясь, навел объектив на отъезжающих солдат и щелкнул. Потом сел в подъехавшую «Мазду», явно не корреспондентскую, и укатил прочь.

Все чаще и чаще местные жители повторяли солдатам: пока вы здесь — будем вооружаться и сидеть тихо, уедете — начнется кровавая месть.

Тупорылый «Ил» круто пикировал на посадочную полосу. По внутренней связи раздавался голос командира:

— Пятьдесят метров до земли!

— Двадцать...

«Когда же?»

— Десять метров!

— Есть контакт!

Ткнувшись в бетонку, «Ил» резко затормозил. Дома!

Надолго ли?

Позади Фергана, Ош, Душанбе, Ереван, Баку...

День провели дома, второй... А на третий — команда «сбор».

Куда летим?

Лейтенант А. РАСЬКО.

# 1917 КОМИССАР Петропавловской КРЕПОСТИ

**В** ГОД, КОГДА студент Принцип застрелил Фердинанда, Георгию Благонравову исполнилось девятнадцать лет. Мог ли сын служащего из заштатного подмосковного Егорьевска в день провозглашения высочайшего манифеста об объявлении войны кайзеру представить себе, в какой водоворот страстей будет он втянут через три года?

В марте 17-го прапорщик 180-го запасного пехотного полка вступает в члены РСДРП(б) и избирается председателем Егорьевского Совета. В июне — Благонравов делегат I-го Всероссийского съезда Советов. В числе 35 большевиков он избран членом ВЦИК, избран вместе с Лениным, Сталиным, Крыленко, Ногиным, Шаумяном. А кандидаты в члены ВЦИК — Бубнов, Володарский, Дзержинский, Коллонтай, Невский, Подвойский.

В стране смутное время. Царь в Тобольске, Распутин — в Фонтанке. Кого винить теперь? Миллионы людей сорваны войной с обжитых мест, оторваны от привычных дел. У миллионов в руках оружие. Известно, на что способен обозленный человек с ружьем.

Зрела революция.

В ночь на 24 октября, когда поезд, в котором ехал Благонравов с молодой женой, приближался к Петрограду, большевики собрались на заседание ЦК. Прямо с вокзала явившись в Смольный, он уже в 9 часов утра был в Петропавловской крепости с предписанием «О приведении в боевую готовность крепости и установлении связи со Смольным» за подписью Подвойского и Антонова-Овсеевко.

Гарнизон крепости колеблется. Солдаты отказываются выступать на чьей-либо стороне. Благонравов привозит в крепость Троцкого, зажигательного оратора. Ему удается изменить настроение солдат гарнизона, но офицеры держат нейтралитет.

Около 12-ти часов Благонравов на командантском автомобиле мчится в Смольный с твердым намерением предложить наступательный план действий — атаку Зимнего. Но там уже опередили его: в помещении Военно-Революционного комитета

(ВРК), куда Благонравов затащил встретившийся ему Антонов-Авсеевко, у карты Петрограда обсуждали детали Подвойский и Чудновский. По их замыслу, Петропавловская крепость должна стать главным опорным пунктом восстания. Но крепость может стрелять только из винтовок и пулеметов: орудия, грозно стоящие на парапетах, поставлены исключительно для большего эффекта, стреляла лишь пушка, возвещавшая время.

С трудом отыскав на дворе арсенала несколько трехдюймовых орудий, показавшихся пехотному прапорщику годными для стрельбы, солдаты вытащили их за стены крепости. Под угрозой революционного суда к пушкам доставлены гарнизонные артиллеристы. Составляется ультиматум: «Временное правительство объявляется низложенным. Предлагаем войскам капитулировать. Председатель ВРК Антонов-Овсеевко, комиссар Петропавловской крепости Благонравов».

Темнеет. Непредвиденное и мелкое обстоятельство неожиданно ставит под угрозу план восстания: в крепости нет фонаря для условного сигнала. После долгих поисков фонарь удается найти, но нет возможности поднять его на мачту, чтобы он был хорошо виден. Трегубович занимается фонарем, а Благонравов направляется к орудиям.

«Октябрьская ночь вступала в свои права, фонари мерцали тусклым светом, и лучи их дрожали на темной зыби Невы, — вспоминал потом Благонравов. — Жизнь города шла обычным порядком: трамваи с резким звоном и шумом вереницей тянулись через Троицкий мост, мелькали автомобили и фигурки пешеходов, ничто не предвещало октябрьского боя».

Артиллеристы отказываются стрелять — орудия проржавели, в накатниках ни капли масла.

Давно истек срок ультиматума. Зимний молчит. Из Смольного требуют начинать немедленно. Ожидая взятия Зимнего, Ленин не вышел на открытие съезда Советов. Ему нужен Зимний. «Владимир Ильич ругался, кричал, — вспоминал Подвойский. — Он готов был нас расстрелять».

Вновь в крепости появляется Антонов-Овсеев.

— Вы же говорили, что все в порядке! — набрасывается он на Благодрава. — Из-за вас может черт знает что произойти!

Он приказывает вызвать артиллеристов с морского полигона, и после небольшой беготни, связанной с ложным известием о взятии Зимнего, моряки без малейших колебаний открывают беглый огонь по дворцу. В то же мгновение выстрелило новое орудие «Авроры»...

«Моя революция!» — заявил Маяковский. Интеллигенция, выросшая на идеях Чернышевского и Тургенева, приветственно размахивая шляпами, выплеснулась на улицы. Но очень скоро развеялись сны Веры Павловны. А о такой ли революции мечтали Ленин и Зиновьев, сидя у костра на берегу озера Разлив? На деле оказалось, что захватить власть проще, чем толково ею распорядиться.

Из воспоминаний В. И. Бонч-Бруевича:

«Начались пьяные погромы. Приходилось для уничтожения вина делать облавы, чтобы овладеть этими господами. Рабочие стали приводить невероятное количество бандитов. Мы сажали их в Петропавловскую крепость, в «Кресты», и ведь многие из них были с окровавленным оружием. Таких громил накопилось невероятное количество».

А всего в нескольких сотнях километров от Питера немецкие снаряды рвали на куски людей в серых шинелях. И в городе было неспокойно. После захвата Зимнего дворца открылась тайна дворцовых подвалов, слухи о винных складах поползли по городу, и караул Зимнего дворца уже не в силах был остановить хлынувший туда поток любителей спиртного.

14 ноября ВРК, обсудив положение, решил: караул в Зимнем заменить, выделить для охраны дворца группу надежных матросов, а винные склады вновь замуровать. Назначенный после Чудновского комендантом Зимнего дворца Благодрав за две с небольшим недели вынужден был несколько раз менять состав караула. 26 ноября ВРК вынес решение об уничтожении всех винных складов и запасов спирта, как представляющих опасность.

Пожарными машинами накачали полные подвалы воды, а потом стали все перекачивать в Неву. «Потекли из Зимнего мутные потоки: там и вино, и вода, и грязь — все перемешалось, — вспоминал комендант Смольного Мальков. — Толпа все густеет. Некоторые, самые отчаянные, становятся на четвереньки и пьют эту пакость. Иные тащат ведра и бутылки. День или два тянулась эта история, пока от винных погребов в Зимнем ничего не осталось».

21 ноября на заседании ВРК Благодрав включен в комиссию по борьбе с контрреволюцией. Как малочисленная эта организация при рождении: Скрыпник, Флеровский, Благодрав, Галкин, Трифо-

нов. Правда, через несколько дней состав ее увеличился до семи человек, несмотря на категорические возражения Благодрава против включения в ее состав левых эсеров, а потом...

3 декабря Петросоветом Благодрав назначается чрезвычайным комиссаром по Петрограду. Ему вменено в обязанность уничтожить винные склады, очистить Петроград от хулиганских и контрреволюционных банд, разоружить и арестовать бесчинствующих.

В Петрограде насчитывалось до 700 винных складов. В ночь на 4 декабря винные погромы достигли наибольшего размаха. В городе было зарегистрировано 69 нападений на винные склады и лавки.

6 декабря город был объявлен на осадном положении. Петросовет обратился к населению Петрограда: «Темные силы пытаются создать анархию и беспорядки в стране. Они толкают бессознательных и слабых людей на пьянство и погромы. Не прикасайтесь к вину: это яд для нашей свободы! Не допускайте погромов и эксцессов: это смерть для русской революции!»

Это — канун созыва Учредительного собрания...

Благодрав руководил операциями против мятежа чехословаков в Челябинске, возглавлял транспортный отдел ВЧК и административный отдел НКПС. В сентябре 1932 года его назначили первым заместителем наркома путей сообщения. Наркомат в те дни возглавлял А. А. Андреев. Они были знакомы с октября 1917-го года, когда комиссар пешей Ярославской дружины Андреев выполнял поручения ВРК через комиссара Петропавловской крепости Благодрава. Они были одногодками, но сколько партийных и государственных постов прошел Андреев! Судьба была благосклонна к нему. Но уже в январе 1935 года VII Съезд Советов подверг суровой критике работу транспорта. Андреева сменил Каганович. Не знаю, читал ли он когда-нибудь о крыловском квартете, но уже через месяц весь наркомат пришел в движение. Бывший киевский чекист Яков Лившиц сменил Благодрава на посту замнаркома, а тот — Л. Серебрякова на посту начальника управления шоссейных дорог.

30 января 1936 года были приговорены к смерти Пятаков, Серебряков, Лившиц, всего 13 человек, половина из них — работники НКПС. Это железный нарком Каганович рассчитался с железнодорожниками за собственную некомпетентность. Позже репрессированы бывшие наркомы путей сообщения Невский, Рудзутак, Кобозев, заместители наркома Левченко, Торпаченков, почти все начальники дорог.

Когда и как он был арестован, я не знаю. В БСЭ указана дата его смерти — 9 февраля 1938 года. Что испытывал он: страх, злость или горечь? Никто теперь этого не расскажет.

А. КОВАЛЕВСКИЙ,  
г. Санкт-Петербург.

## К ЮБИЛЕЮ ПАМЯТНОГО ПАРАДА

# 1941 Звездный час Василия АГАПКИНА

**К**ОГДА Я ОСЕНЬЮ 1941 года в управлении дивизии в Безбожном переулке впервые увидел Василия Ивановича Агапкина, за спиной 57-летнего интенданта I ранга было уже несколько десятилетий кадровой службы в армейском строю, дирижерство в образцовом оркестре, сотни концертов, смотров, парадов. Мне, вдосталь насмотревшемуся в солдатской казарме на откровенное солдафонство кое-кого из командиров, он предстал военным интеллигентом словно из иного мира. Несколько раз встречая его в клубе 1-го полка, где шла профессиональная учеба полкового оркестра и куда любил наведываться Василий Иванович, я не уставал любоваться его молодцеватой выправкой, одухотворенным выражением лица и эдакой старомодной деликатностью и приветливостью в общении с младшими по чину и возрасту.

Девятилетним воспитанником начал путь военного музыканта, штаб-трубач Агапкин со временем сам стал пробовать силы в композиции, сочиняя марши, вальсы, мазурки. Но в сокровищницу духовой маршевой музыки и отечественной музыкальной культуры навсегда вошел его поистине бессмертный марш «Прощание славянки», созданный в 1912 году.

После Октябрьской революции марш вместе с автором пришел в Красную Армию, затем в войска ОГПУ. Звучал он на фронтах гражданской, верную службу служил и с первых дней Великой Отечественной войны.

Но все былое словно померкло в тот день, когда на жизненном горизонте пожилого дирижера блеснул незабываемый ноябрьский парад сорок первого года.

Незадолго до него В. И. Агапкин стал начальником военных оркестров Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения имени Ф. Э. Дзержинского. Тогда именно я и повстречал его в Безбожном переулке.



То были дни критические для судьбы столицы, оцетинившейся «ежами» и баррикадами, опоясанной противотанковыми рвами. Фашистские орды спешили еще до зимних морозов овладеть Москвой. В обращении к солдатам восточного фронта говорилось: «Перед вами Москва! За два года войны все столицы континента склонились перед вами, вы прошагали по улицам лучших городов. Осталась Москва. Заставьте ее склониться, покажите ей силу вашего оружия, пройдите по ее площадям. Москва — это конец войны. Москва — это отдых. Вперед!»

За каждую пядь дрались доблестные защитники Москвы. С 20 октября в городе и прилегающих районах действовал режим осадного положения, введенный постановлением Государственного комитета обороны. Эвакуировались из столицы важнейшие предприятия, правительственные учреждения, дипкорпус.

Бессменную вахту на страже порядка в прифронтовом городе несли воины-дзержинцы. Части дивизии не только обороняли Москву на ее ближних подступах, они изготовились защищать ее и в границах Садового кольца. Несколько раз в сутки звучали сигналы воздушной тревоги, и я, прихватив винтовку, противогаз и каску, согласно боевому расчету занимал пост у входа в бомбоубежище штадива.

И в такой вот драматический и, казалось бы, совсем неподходящий момент принимается решение провести на Красной площади традиционный парад в честь 24-й годовщины Октября. Готовился он в необычайно сжатые сроки и в обстановке строжайшей секретности.

Автору этих строк, участвовавшему в бытность начальником политедела дивизии имени Ф. Дзержинского в нескольких праздничных парадах, нетрудно представить разительное отличие от них того, вошедшего в легенду. Сейчас по меньшей мере за полтора месяца парадный расчет начинает регулярные тренировки.

Ничего этого в 1941 году не было. Вызванный 31 октября с фронта к Сталину маршал Буденный получил указание готовить парад и принимать его. Вместе с генерал-лейтенантом Артемьевым, которому поручено командовать парадом, срочно производится расчет сил и средств. Личному составу частей и учебных заведений, привлекаемых к параду, внушается: надо подтянуть строевую выучку и продемонстрировать ее на небольшом смотре у Крымского моста, чтобы поднять дух москвичей.

А как с музыкантами? 2 ноября военный комендант города генерал-майор Синилов объявляет Агапкину, что ему предстоит руководить сводным оркестром. В течение дня 3 ноября спешно подсчитываются все наличные музыкальные резервы, вызывается окружной оркестр из Горького, составляется план репетиций...

Ничтожно мало времени. И неслыханная для скромного капельмейстера ноша ответственности. Мне и сейчас не ответить на вопрос, почему высочайший выбор пал на Агапкина. Ведь не столь уж сложно было бы срочно доставить самолетом из Куйбышева комбрига Чернецкого, инспектора оркестров Красной Армии.

4 ноября музыканты впервые собрались в Хамовническом манеже, куда приехали С. М. Буденный и комендант города. Их не удивила экипировка оркестрантов — противогазы, винтовки. 5 ноября в шесть утра состоялся второй сбор, и маршал спяте лично проводит смотр оркестру.

В ночь на 7 ноября резко похолодало,

разыгралась снежная метель. У музыкантов на Красной площади замерзли клапаны инструментов, коченели пальцы. Они, однако, не подвели. А у неподвижно стоявшего дирижера подошвы сапог так примерзли к подставке, что он не мог без риска рухнуть сдвинуться с места, когда оркестр, освобождая площадь для кавалерии, артиллерии и танков, перемещался к зданию ГУМа.

Парад, явившись словно чудо, удался. О нем сказано и написано немало. Главное: ожидавшие со дня на день падения Москвы были потрясены. Самый факт проведения парада приравнивался к выигранной стратегической операции. Отменно справился со своей миссией и сводный оркестр. За отличное дирижирование Агапкину была передана личная благодарность Верховного.

...Через три с половиной года, 24 июня 1945 года, на Красную площадь пришли Победители. С оркестром дивизии в ликующем параде Победы участвовал и полковник Агапкин. Но тот осенний день, когда ему доверили дирижировать на параде Веры в Победу, он запомнил навсегда. Для него это был поистине звездный час.

Возвращаясь через полвека к тем знаменательным, вошедшим в историю событиям, я с горечью думаю о том, как же мы иногда плохо знаем и как мало ценим людей, украсивших биографию страны.

Листаю том вышедшей к 40-летию Победы Энциклопедии «Великая Отечественная война». Там нет не только фамилии Агапкина — забыли о генерале Синилове, военном коменданте столицы в самый драматический момент ее обороны. А ведь в историческом постановлении ГКО от 19 октября («Сим объявляется...») персонально названы всего три человека: командующий Западным фронтом генерал армии Г. К. Жуков, начальник гарнизона Москвы генерал-лейтенант П. А. Артемьев и комендант города генерал-майор К. Р. Синилов. Именно на него возлагалась охрана строжайшего порядка в городе и в пригородных районах. Зато полно в 830-страничном томе фамилий людей, не имевших ни малейшего отношения к фронтовым делам да и к победе над врагом вообще. Не стану их называть: это давнишняя наша боль и беда...

Приведу в заключение выглядевший курьезным эпизод в кабинете Сталина. Обсуждая детали предстоящего парада с Буденным, Верховный спрашивает:

— Вам фамилия Агапкина знакома?

— Знакома, товарищ Сталин, по кинофильму орденоносца Александрова «Волга-Волга».

— Это который дворник-то? Вы путаете Агапкина с Охапкиным...

Знаменитый марш «Прощание славянки» старый конник знал еще с первой мировой, а вот об авторе его, увы, не слышал...

И. БЕЛИКОВ,  
генерал-майор в отставке.

562

**Виктор ГОНЧАРОВ**



Он трижды падал в бою, обливаясь кровью. Одно ранение, что называется, было просто «музейным» — немецкая пуля пробил комсомольский билет и прошла через грудь навылет. Но нет, билет не попал в музей, а похоронная команда не закопала его в очередной братской могиле. Биография была не окончена, собственно, тогда она только начиналась — сложная, страстная, трудная биография поэта и художника, который впоследствии признается: «Истину ловить люблю на собственное «я». Так писал о Викторе ГОНЧАРОВЕ — авторе многих поэтических книг, талантливом живописце и скульпторе — другой большой мастер и тоже фронтовик Владимир Тендряков. Видимо, излишне говорить, что в наше непростое время Виктор Михайлович верен своему правилу. Болью и тревогой за судьбу Родины пронизаны его новые стихи.

## КУДА ЛЕТИТ ПЛАНЕТА?

### Я ВЕРЮ

Пред ликом святым Арарата,  
У входа в хозяйственный склад,  
Кинжалом убили солдата,  
Чтоб взять у него автомат.  
Схватили бандитов, связали.  
Доставили. Надо б судить.  
Но сверху —  
«Не стоит, — сказали. —  
Нельзя беспощадными быть...»  
Дожились мы, братцы, до дрожи!  
Нас бьют, обирают, казнят.  
И очень выходит похоже,  
Что топят слепыми котят.  
Смотрите, как воют и лают,  
Как хитро улыбятся рты,  
Как рай подлецы обещают  
За толстой стеной нищеты.  
В потоках кровавых держава  
Уже потеряла покой.  
То слева стреляют, то справа,  
То ухает над головой.  
Однако я знаю и верю,  
Что громом рожденный — грядет!  
Любому стозубому зверю  
Он кость в зоопарке найдет.  
Смотрите, не спите, ребята!  
Нас тащат куда-то назад.  
...Кинжалом убили солдата,  
Чтоб взять у него автомат.

### ФУТБОЛ

Мы с Костей встретились,  
Он друг мой фронтовой.  
В Москве с вокзала на вокзал  
Проездом.  
— Что, старина,  
Мы держим хвост трубой,  
Мы цену жизни  
Поняли под Брестом.  
У многих молодых  
Душа сейчас пустой,  
Как детский мяч,  
В недобрых играх стала.  
Им дела нет,  
Что, жертвуя собой,  
Кто стал землей,  
А кто куском металла.  
Нам некого и незачем хулить,  
Упрек, он  
В этом деле не подмога.  
Да и осталось нам  
С гуль-гулькин клювик жить,  
И мы свой крест несем  
По воле Бога...  
Дружок мой — футболист.  
Он так мячи гонял —  
Ладони отбивала вся Европа!  
Он в сорок первом  
Ноги потерял,  
Но не покинул своего окопа.

Когда б не он...  
 Да что там вспоминать!  
 Давно забыта оборона эта.  
 Нам Родина,  
 И та теперь не мать.  
 Судья, скажи,  
 Куда летит планета?..  
 Мы у вокзала сели на скамью,  
 Он хлеб достал,  
 Два огурца и сало.  
 Мы помянули молодость свою,  
 Глядим потом —  
 А костылей не стало.  
 У инвалида сперли костыли!  
 Да не мальчишки —  
 Алкаши украли.  
 Я б мог услышать  
 Стон самой Земли  
 И скрежетание  
 Ее зубов из стали.  
 Шумел, сочувствовал,  
 Витийствовал вокзал,  
 Не соглашаясь  
 С дикостью такою.  
 А он полслова даже не сказал.  
 Он улыбнулся и махнул рукою.  
 Скрипя протезами,  
 Он как-то гордо шел.  
 Работа работа,  
 Лицо в крупинках пота...  
 — Не помогай, — сказал он, —  
 Этот гол  
 Я сам вобью  
 В бесстыжие ворота.  
 Судья, скажи...  
 А, впрочем, наплевать  
 На то, что скажет  
 Этот суд неправый!  
 Когда такое стали вытворять,  
 То, надо полагать,  
 Нас обошел лукавый.  
 Да разве мы  
 Предположить могли,  
 Что выведем породу живоглота?  
 У инвалида сперли костыли!  
 Не лезет это  
 Ни в одни ворота.  
 Судью на мыло!  
 Слишком злой футбол!  
 А может, это голывы футболят?  
 И под шумок и свисты  
 На престол  
 Помазанника сатаны возводят?

## ХУДОЖНИК

Был человек,  
 Теперь лежат цветы  
 И равнодушный камень на могиле.  
 Убили сына Коли Калиты,  
 Машиной парня у подъезда сбили.  
 Нам долгожитель этих тихих мест  
 Сказал, что следствие  
 Ведется неумело,  
 Что это преднамеренный наезд  
 И хорошо продуманное дело.  
 Какая чушь, какая волчья сыть!  
 Все в нашем уютном мире  
 шито-крыто.  
 Где силы взять отцу,  
 чтоб дальше жить,  
 Чтоб штихель не уродовал  
 самшита?  
 Друзья мои, а что ж те небеса,  
 Что Коле в жизни счастье  
 обещали?  
 Сын из металла делал чудеса,  
 Его скульптуры город украшали.  
 Красивый, сильный,  
 с трезвой головой,  
 С хорошими и умными руками...  
 Над нами, русскими,  
 какой-то рок дурной  
 И чернокрылый грай  
 над головами.  
 Кто знает,  
 где и что кого-то ждет,  
 Мы все под властью  
 высшего лимита.  
 Художник, горе затаив, живет,  
 Доверясь штихелю  
 да плашке из самшита.  
 За что? Про что?  
 Гадают так и сяк.  
 А может, за фамилию убили?  
 Теперь на русских вешают собак  
 Времен еще дорюриковской пыли.  
 Князь Калита,  
 он земли собирал,  
 Он видел Русь великой  
 и могучей.  
 А нас сейчас раздели по Урал  
 И предлагают лапти да онучи.  
 Судьба нас бьет, как уток,  
 на лету,  
 Но мы находим в тяжкий час  
 защиту.  
 Не отвлекайте Колю Калиту.  
 Он режет, режет,  
 режет по самшиту!

Народный писатель Туркмении Рахим ЭСЕНОВ,  
ветеран внутренних войск.



ПОВЕСТЬ

ЯБЛОКО ОТ ЯБЛОНИ

Муторно на душе у Керима. Времена-то какие настали! Казалось, мир перевернулся. Выстрелы, кровь. Разбой охватил города и села. Соседи, жившие бок о бок в мире и согласии, теперь пошли войной друг на друга. Можно ли поверить, что извечно улыбочивые узбеки, некогда принявшие под свой кров единовѣрных турок-месхетинцев, теперь нещадно изгоняют их из жилищ, избивая смертным боем и старых, и малых... Не верилось, что киргиз, такой же покладистый и миролюбивый, как туркмен, поднял руку на таджика, армянин устроил засаду, чтобы подстрелить идущего по дороге азербайджанца. Пещерная логика: слышать лишь себя и свою истину, убивать всех несогласных, а под свободой понимать свободу разрушать...

В откровенных беседах со студентами, в дискуссиях обрѣтал Керим душевный покой. А вопросов они задавали уйму и самые невероятные: почему натянуты отношения Президента страны и председателя Верховного Совета РСФСР, достоверно ли, что КГБ читает все письма и инкомыслящих берет на «карандаш», почему слова руководителей республики расходятся с делами, когда речь заходит о языке, плюрализме, демократии?..

И Керим раскованно, свободно, не прибегая, как прежде, к эзоповскому языку, говорил все, что думал. Почти сорок лет он преподавал в институте, читая курс археологии, удостоился звания профессора, но на лекциях, в беседах со студентами и своими коллегами не всегда бывал откровенным до конца: времена были таковы... А сейчас, после памятного апреля восьмьдесят пятого, Керима словно прорвало, хотя и до этого студенты, аспиранты льнули к нему, зная, что их наставник, в отличие от многих преподавателей, душевно щедрее, мыслит не по шаблону и всегда дает умный совет.

Однажды (это произошло на заседании студенческого научного кружка) белобрысый, шупленький студент, видно, из первокурсников, но уже обративший на себя внимание смысленностью, сообразительностью — к таким Керим всегда бла-

ПРОВАН



говорила, — робко протянул профессору тоненькую, пожелтевшую от времени учебническую тетрадку... На ней бледно проступала фамилия Керима и чуть ниже его же рукой было старательно выведено: «Образ великого вождя И. В. Сталина в устном творчестве народов СССР».

Профессор молчал — он не то чтобы смутился, а просто вспоминал, когда написал эту студенческую работу. Как это было давно! Еще на втором курсе института ему, отличнику учебы, предложили выступить на пленарном заседании студенческого научного общества с докладом, и научный руководитель посоветовал выбрать тему, связанную с образом любимого вождя всех народов. Керим с радостью согласился: выступить со словом о вожде считалось высокой честью и знаком особого доверия.

— Да, это мой первый опус, — профессор не без любопытства перелистал пожелтевшие странички, заполненные убористым почерком. — Где вы его откопали?

— В архиве нашей библиотеки, — смущенно шмыгнув носом студент. — Хранилась как самая лучшая научная работа студентов. Это заведующая библиотекой вам передала...

«Какая там наука — сплошная компиляция...» — горько подумал Керим, но промолчал и, поблагодарив за неожиданный подарок из далеких студенческих лет, сел за стол, вчитываясь в полувыцветшие строки. Они всколыхнули в его памяти то шумное заседание студенческого общества. Но особенно запомнилась необычная записка, пришедшая из многолюдного зала. Анонимный автор спрашивал: «Почему докладчик сравнивает образ нашего дорогого и любимого вождя с образом горного орла? Неужели не знает, что у туркмен образ орла ассоциируется с образом хищника-стервятника? Позволительно ли называть нашего отца и вождя хищником?»

Вопросов тогда набралось множество, но ни один из них не волновал Керима так, как этот, явно провокационный, на котором, гляди, шею сломаешь. Будь он вчерашний школьник, как все его сокурсники, спрос невелик. Тогда и сам бы к тому отнесся поспокойней. А ведь Керим — коммунист с фронтовым стажем, член факультетского партбюро, прошел солдатскую школу, да еще во внутренних войсках, считавшихся державной опорой. Ответишь невпопад — в антисоветчине, нелояльности обвинят. Тут не только с партбилетом и институтом распраешься, но и за решетку мигом угодишь...

И Керим лихорадочно обдумывал ответ. Удивительно, что в таких ситуациях слова сами рвались наружу.

— У каждого народа, будь он мал или велик, — волнуясь, заговорил Керим, предвительно прочтя вслух записку с вопросом, — бытует своя этика, эстетика, то есть нормы поведения, понимания красивого... Со своими особенностями, нюансами, которые складываются, формируются под влиянием образа жизни народа, его эконо-

мического уклада, нравов и обычаев. А народы Закавказья, сравнивая образ Иосифа Виссарионовича с образом могучего орла, видят своего вождя таким же сильным, зорким, дальновидным, то есть прозорливым... А туркмены, к примеру, лаская своих детей, сравнивают их с ягненком, козленком, джейраном... Образ же «как мая» — «белая верблюдица», особенно у сельчан, ассоциируется с чем-то красивым, нежным, а «инера» — особая порода верблюдов — с сильным, гордым... Почему? Потому, что туркмены испокон века считали это умное, полезное животное опорой и надеждой декханского хозяйства. К примеру, как лошадей в хозяйстве русского крестьянина. Недаром у туркмен, арабов распространено женское имя Джамал<sup>1</sup> — символ красоты, величия и плодородия, а грузины таким именем нарекают и мужчин, как это делали и средневековые тюрки. Туркмен, лаская свою любимую, говорит ей: «Се менин ак маям!»<sup>2</sup>.

Керим отыскал глазами в зале сокурсника Геннадия Стародумова, собиравшегося жениться на однокурнице, с которой он дружил еще со школьной скамьи.

— Я представляю, если бы мой друг Геннадий, — улыбаясь, продолжал Керим, — в порыве нежности признался бы своей Валентине: «Ты — моя белая верблюдица!», то она, пожалуй, вкатила бы ему оплеуху...

В зале засмеялись, а сокурсники Керима зааплодировали ему.

После Валентина, между прочим, шутиливо обмолвилась, что дать Геннадью оплеуху едва ли бы решилась, но такое сравнение всю жизнь не простила бы...

И вдруг Керим, подняв над головой записку, бросил залу:

— У кого могла родиться кощунственная мысль сравнить нашего любимого вождя с хищником?! Видно, у ее автора мозги набекрень!.. Я передам ее в ректорат, пусть отыщут анонимщика... — с этими словами он спрятал записку в карман.

Ответив на вопросы своих товарищей, под шум и гомон расходившейся молодежи, он покидал конференц-зал, когда его остановил высокий худощавый студент, видно, из старшекурсников. Керим видел его на общих профсоюзных собраниях института, хотя имени его не знал, но догадывался, что тот с юридического факультета. По тому, как тот заговорил, пряча глаза, Керим понял, что перед ним автор пакостной записки. Он так униженно просил не губить его — не передавать записку в ректорат, тем более с такими комментариями, которые Нефесов высказал перед собранием общества; он так дрожал от страха — ведь теперь записка могла вызвать не только его исключение из института (а ведь он уже на выпуске), но и отца... Садылов... Не раз скрещивались пути Керима с его от-

<sup>1</sup> Джамал — верблюд, верблюдица.

<sup>2</sup> Ты — моя белая верблюдица.

цом, немало позорного и зловещего связано с его именем... Поступив в институт, Керим надеялся, что вырвался из-под его давления, и вдруг — его сын Аннагельды, просит о пощаде... И Керим порвал записку, чтобы оттолкнуть от себя недавнее, но неотвязное прошлое...

Прожив жизнь, в которой было все — счастье и горе, радости и огорчения, — на судьбу свою Керим не роптал, довольствовался тем, что есть, но всегда имел перед собой цель. Она-то и не давала ему хандрить или пасовать перед трудностями, нить, быть недовольным всем и вся... Учась в школе, он хотел стать учителем истории; в армии же, мечтая демобилизоваться, — учиться в вузе, непременно на историка, а закончив институт, поступить в аспирантуру. Завершая кандидатскую диссертацию, он уже подумывал о докторской. С годами написал и ее, опубликовал в Москве монографию о древней Нисе, получившую признание и за рубежом. Он мечтал о своей школе археологов — добился и этой цели: в республике и за ее пределами у профессора Керима Нефесова появилось немало талантливых учеников, последователей. Но самым большим своим счастьем он считал юбилей его престарелого отца. Ислиму-ага сегодня исполняется девяносто лет. Отпросившись с лекций, Керим поспешил домой, чтобы в узком семейном кругу отметить эту дату. Мать Керима умерла всего несколько лет назад. Керим был очень к ней привязан и после ее смерти почувствовал какую-то пустоту, которую старался заполнить заботами об отце.

Всю жизнь Керим Нефесов, как и его отец, будучи дитем своего века, самозабвенно верил всему, что говорилось от имени партии и народа устами их вождей, директивами руководящих органов, искренне верил, что их слова не расходятся с делом. Что им владело? Страх или беспредельная вера в то, что говорилось с высоких трибун, печаталось в газетах? И то, и другое, хотя белый свет не виделся ему сквозь розовые очки, уж ложь-то от правды отличал, остро чувствовал несправедливость.

Мор страшного тридцать седьмого не обошел стороной и семью Нефесовых. Переболели тогда все; и те, кто не погиб, выжил в том аду, не вправе забывать муки безвинно загубленных людей. Их страдания имели долгое продолжение — и в годы войны, и в сорок седьмом, и в начале пятидесятых. Одни погибли от пыток и расстрелов, другие от голода и унижения... Нефесовым повезло — они выжили...

Прошлое всколыхнулось в памяти Керима, и он не помнил, как подкатил к знакомой автостоянке, вечно забитой машинами, выключил двигатель и направился к разноголосому шумевшему Текинскому базару. Купив фрукты и зелень к столу, Керим направился к цветочному ряду и увидел белобрысую голову своего студента, того, что распал в архиве библиотеки его до-  
клад. Павел — так звали студента — ув-

леченно выбирал цветы. Рядом с ним Нефесов увидел седовласого мужчину. До чего же знакомый профиль! Ба, да это Виктор Рекунов, друг детства из небольшого поселка, где долго после войны жил Ислим-ага Нефесов, а Керим завершил там вечернюю школу-десятилетку. Дружили семьями, ходили друг к другу в гости...

И Керим Нефесов окликнул его... Оказалось, Павел — сын его давнего друга. Профессор на радостях пригласил Рекунова в гости, на празднество. Тот не отказался:

— Рад, что мой приезд совпал с юбилеем Ислима-ага. — Рекунов чуть вытянул руку с букетом алых гвоздик. — Сразу два дела и решим... Посоветоваться хочу...

Дома их встретил отец, сидевший по обыкновению перед телевизором. Жена хлопотала на кухне, собирая праздничный стол. Братья с семьями пока не подошли — было еще рановато.

Ислим-ага смотрел какую-то передачу, кажется, репортаж с сессии Верховного Совета, но, увидев вошедшего в гостиную сына с Рекуновым, телевизора не выключил, лишь приглушил громкость; он бодро поднялся с жестковатого кресла, ласково улыбаясь Рекунову, которого, как ни странно, сразу же узнал, обнял гостя, спросил о семье, делах, а когда Виктор вручил ему букет цветов, даже прослезился. Старик не заикнулся о Павле, отце Виктора, — знал, что тот погиб в сталинских лагерях. Недавний офицер-фронтовик, дошедший с боями до Эльбы, награжденный многими высокими наградами, в начале 50-х был арестован по какому-то надуманному обвинению и осужден «особым совещанием» на двадцать пять лет лагерей.

Оставив гостя на попечение отца, Керим прошел на кухню, чтобы помочь жене, Ислим-ага, беседуя с Рекуновым, искося поглядывал на экран телевизора, а когда там появилось одутловатое лицо очередного оратора, усилил громкость и, послушав, удрученно воскликнул:

— Что я говорю?! Две головы в одном казане не сварятся!..

— Это ты о ком, отец? — спросил Керим, показавшийся в дверях гостиной.

— О тех же — двух башлыках! — распаялся старик. — Когда у отары много чабанов, то овцы дохнут напрапалую. Расплоднили президентов и президентиков. А толку? Демократия демократией, а у людей охоту от труда отбили. Допрыгались, до безработицы докатились. Это у нас-то! Чем же теперь народ кормить — разговорами?.. И руководители-то пошли, что наговорят целый короб обещаний, а выполнять — их нету... Да их никто и не слушает!

— Каждый народ имеет такого правителя, какого он заслуживает... — кивнул Керим.

— А что в двадцатых годах, при Лени-

<sup>1</sup> Башлык — председатель.

не у нас другой народ был? Хуже? — возразил старик, с недоумением поглядев на сына. — Тогда мы были достойны одних руководителей, а теперь других? Прежде Совнаркомы были как Совнаркомы, их постановления, распоряжения исходили, словно указы от самого Аллаха или его пророков... Ослушаться никто не смел. ЦК тогда в счет не шел, не все знали, где он и находится... А республика, народ знали только Гайгысыза Атабаева, первого председателя Турсовнаркома. Партия потом набрала силу, власть к своим рукам прибрала, а Сталин, прятаясь за Ленина, за его авторитет, воцарился на престоле...

— У самой партии, отец, власти как таковой не было, — возразил Керим. — Она была у партаппарата. Функционеры во главе со Сталиным и подмяли под себя Советы.

— Помню, давно это было, — почему-то горько усмехнулся Ислим-ага, — один аксакал проговорился при мне, дескать, какая разница между Николаем Кровавым и Сталиным — цари они и есть цари, тот свой народ уничтожал, и этот его не щадит... За такие разговоры тогда без суда и следствия давали самое малое десять лет тюрьмы, откуда прямая дорога не на свободу, а на кладбище. Ох как я разошелся, раскипятился, чуть ли не за грудки схватил аксакала: «Как посмел родного вождя с кровопийцей-царем сравнивать?!» Он, бедняга, так напугался, думал, что донесу на него... После, как завидит меня где — за версту обходит. Я забыл о той истории. Спустия много лет, старик, умирая, позвал меня к себе. Лежал он бледный, немощный, увидев меня, поднялся, сел на постель и двумя руками пожал мне руку, приговаривая: «А ты, Ислим, настоящий джигит! Живи долго, сынок!»

Голос у Ислим-ага задрожал, он отвернулся. Рекунов, тяжело вздохнув, опустил голову.

Керим вдруг почувствовал, что с произительной болью любит отца.

— Вы, Ислим-ага, честный человек и обошлись с тем аксакалом благородно, — заметил Рекунов. — Другой бы донес, даже от страха. Тогда таких людей, наверное, мало было...

— Всякие встречались, сынок. И тогда честные люди не редкостью были. — Ислим-ага, уже обращаясь к Кериму, напомнил: — Ты помнишь Грамкова? Он спасал меня дважды. Первый раз, еще не зная меня. А ведь был чином из НКВД...

— Неужели это так? — недоверчиво спросил Рекунов. — А вот моего безвинного отца взяли — мухи в жизни не обидел, разве что бил арага в войну. А пришли шпионаж в пользу секретных служб США... Он же с боями до Берлина дошел, на теле живого места от ранений не было. Попытки, допросы во внутренней тюрьме МГБ dokonали. Вскоре после этапа он умер в лагере. Хочу вот, — обратился он к Кериму, — вернуть ему доброе имя. Написал в КГБ. Ответили, приглашают на завтра... — он протянул Кериму повестку.

— А ты не знаешь, кто был следователем по делу твоего отца? — Керим вглядывался в закорючку подписи на повестке: в ней было что-то знакомое.

— Как не знать?! Курбан Пиян. Помнишь, он у нас в районе был начальником райотдела МГБ, а после его перевели в Ашхабад.

— Сакылов... Пиян — это его прозвище. — Керим не мог оторвать взгляд от подписи.

— Я почему-то всегда думал, что это его фамилия. И в письме в КГБ указал... прозвище.

Керим ясно различил каллиграфически выведенную главную букву «А», в которой уместилась «С» и дальше была полностью выведена фамилия «Сакылов», только последняя ее буква витиевато, скрипичным ключом завивалась вверх и прямо опускалась вниз. «Ба! Да это Аннагельды Сакылович Сакылов, сын Курбана Пияна. Тот самый анонимный оппонент на первой в жизни Керима научной конференции... Так он уже в КГБ! По стопам отца пошел».

И нахлынули воспоминания, обжигая сердце Керима...

## НОЧНЫЕ ВИЗИТЕРЫ

Проснулся Керим, сам не зная от чего: то ли от злобещего крика совы, прорезавшего душную ночь, то ли от стука.

— Керим-джан, балам<sup>1</sup>, — услышал он за дощатой дверью прерывистое дыхание старого толстого перса Амира-заде, хозяина двора, у которого мальчик с родителями квартировал. — Выйди с рогаткой, убей эту проклятую птицу...

— Иди, сынок, — раздался заспанный голос матери. — Помоги старику, сделай доброе дело...

Отец, видимо, так крепко спал, что не слышал происходящего.

Крики ночной птицы доносились откуда-то из густых ветвей старого тутовника, нависшего над домом. Керим спугнул ее оттуда, но она перелетела в виноградник. Он запустил туда камнем. И тогда птица вроде покинула двор.

Когда Амир-заде и Керим собрались идти досыпать, сова снова подала голос, теперь уже из сада, чуть ли не с крыши дома хозяина. Амир-заде в ужасе схватился за голову, и сам начал гоняться за птицей. Шумел, хлопал в ладоши, бросался комьями сухой глины, но сова, перелетая с дерева на дерево, будто привороженная, не хотела покидать облюбованный ею двор...

«Черный ворон» вовсе не выглядел черным. Скорее, был сероватым. А люди называли его так, видно, потому, что выполнял он ночами темную и страшную работу. Денно и ночью сновал он по серым от пыли ашхабадским улицам, свозя в тюрьму

<sup>1</sup> Балам — дитя мое.

известных в городе людей, которых почему-то именовали «врагами народа». И говорили о них шепотом, с оглядкой: «Слышали, ночью забрали такого-то и такого...»

На этот раз «черный ворон» бесшумно остановился за целый квартал от двора, где Ислим Нефесов, отец Керима, снимал две небольшие комнатки у некоего Амиразаде, иранского подданного, жена которого Мяхри-хонум и их взрослый сын Ашраф, коренные ашхабадцы, являлись советскими гражданами.

Никто еще не знал, куда направлялись вышедшие из страшного автомобиля четверо энкаведэшника, но за ними уже наблюдали отовсюду — из щелей калиток и ворот, через неплотно задернутые оконные занавески. Когда они проходили мимо, люди облегченно вздыхали, иные крестились, кто-то шептал молитвы, благодаря Аялаха и всех его пророков.

В машине за рулем остался один шофер. В серой рубашке с широким воротником алаш и в кепочке-шестиклинке, в которой любили щеголять местные армяне и азербайджанцы.

Между тем четверо неторопко, словно крадучись, двигались по улице, погрузившейся в сумерки.

Двое из них были в военной форме с винтовками на ремне, с примкнутыми штюками. Не разбирая пухлой пыли на мостовой, они шлепали по ней сапогами. А двое в штатском осторожно шагали по тротуару, выложенному желтым кирпичом. У одного из них походка была развязная, вихляющая, у другого — строгая, подтянутая, и шел он по-военному, будто печатая шаг. Первый — высокий, в темном элегантном двубортном костюме, одетом на полосатую тельняшку, в цилиндре и с блестящей тростью, вертевшейся в его руке пропеллером. Встречные принимали его за циркача, не успевшего переодеться и в таком необычном наряде возвращавшегося домой. Он вертел задом, как подвыпившая кафешантанная кокетка, от этой детской привычки избавиться не мог, и люди прозвали его Курбан Пиян — Курбан Пьяный. Прозвище так пристало к нему, что не всегда люди могли даже вспомнить его фамилию.

Чувствуя, что за ним в темноте следят десятки глаз, он рассуждал о цирковом искусстве, спорте, мировых матчах по французской борьбе — нес такую ахинею, что порядком надоел своему молчаливому и не очень-то разговорчивому товарищу. Тот не выдержал.

— Курбан, кончай арапа заправлять, — ворчливо произнес шагавший рядом плотный человек в черной длинной косоворотке, подпоясанной витым шелковым поясом, в темных брюках с широкими штанинами, подметавшими пыль на тротуаре. — По делу идем, а не трепаться. Суди о том, что сам хорошо знаешь, а не понаслышке. Лучше займись тем, что у тебя хорошо получается...

Среди своих сослуживцев Курбан был известен необычным зрением, ночью видел

лучше, чем днем, как сова, и поэтому его часто посылали на ночные операции, тем более что в ту пору НКВД редко вершил свои дела днем.

Он тут же перестал играть тростью, посмотрел по сторонам — не видно и не слышно ни души.

Каждый вечер оперативные работники НКВД «выезжали на охоту» и останавливали «черный ворон» за квартал-два от того места, где намечалась операция. Иначе не удавалось взять тех, кого приказано: сбежали. Лишь при одиночных арестах автомобиль подавали к самому дому, где жила очередная жертва.

Судя по тону и уверенным движениям, плотный человек, одетый под рабочего, был старшим по званию и должности, а высокий, нарядившийся цирковым артистом, находился в его подчинении.

Оперативники постоянно переодевались — и в крохотном предбаннике «воронка», как ласково называл Курбан Пиян страшный автомобиль, висели на вешалках драные телогрейки, старые туркменские халаты, тельпеки и дырявые чарыки. Тоже реквизиции, принадлежавшие НКВД.

Старшему наряда вообще не по душе была эта комедия с преображением (начальство любило внешние эффекты, но кого можно было этим обмануть?!), на этот раз и сам он не стал особенно переоблачаться, да и Курбану Пияну не позволили гримироваться: разнарядка не обременительная, всего-то восемнадцать... Старший наряда вел себя сдержаннее, скромнее, но в доверительные разговоры с сослуживцем не вступал: коллегия Наркомата поощряла доносительство, считая, что это в сочетании со страхом укрепляет ряды партии, чекистскую дисциплину. И хоть был он начальником отдела Наркомата, Курбан Пиян, несомненно, уже не единожды строчил на него, своего непосредственного начальника, доносы. Грамков догадывался, что его юркий подчиненный вхож к самому наркому, но на дуэлище его не реагировал, виду не подавал, прикрываясь, как всегда, маской флегматичности.

А Курбан Пиян, через силу умеряя свой пыл, чтобы принародно не забежать вперед старшего по званию, недовольно поглядывал на него. Он считал, что Грамков тянет резину. И вообще без всякой охоты арестовывает врагов народа. На операцию идет будто из-под палки... И к подчиненным не требователен. Не мешало бы наркому рапорт подать... Совершенно секретно!..

И он представил, как нарком, прочтя доносение, довольно выпятит нижнюю губу и, выбрав из всех остро отточенных карандашей синий, наложит резолюцию, вызовет к себе кадровика и прикажет подшить новый документ в личное дело начальника отдела Грамкова... Через год-другой оно, распухнув новыми доносами, «загорится» синим пламенем, пожирая заодно и своего хозяина.

Бойцы, дойдя до уголовного дома, остано-

вились. Один, взяв винтовку наперевес, завернул за угол и стал прохаживаться возле невысокого забора, утыканного поверху бутылочными осколками и ржавыми железками, а другой встал на часах у зарешеченного окна дома под высоким кряжистым тугтвником. Оба получили строгий приказ: «По любой живой мишени, появившейся на заборе или крыше, стрелять без предупреждения».

Еще вечером Курбан Пиан, инструктируя их, показал чертеж дома, обозначенный номером восемнадцать: здесь живет еще один враг народа Ислим Нефесов, родственник, а значит, и сообщник иранского, турецкого и немецкого шпиона Недирбая Айтакова<sup>1</sup>, замыслившего со своей разветвленной, законспирированной террористической организацией взорвать железнодорожный мост через Амударью. Это должно служить сигналом к началу в республике вооруженного восстания с целью отделить Туркменистан от СССР и присоединить его к Ирану или Турции. «Усекли, какого зверя идем брать?! — Курбан Пиан многозначительно оглядел участников операции. — Так что держите уши на макушке...»

Опередив Грамкова, Курбан Пиан носком штиблет толкнул калитку — она легко открылась, и перед энкавэдэшниками выросли две фигуры: одна — крупная, с заметным даже в темноте брюшком, это был Амир-заде, другая — его сына Ашрафа, тоже высокого, но стройного, известного в городе голубятника.

Страдавший одышкой старый перс, обутый в сандалии на босу ногу, в легкой летней рубашке с закатанными рукавами только что возился в кладовке, перебирая высушенные за лето инжир, урюк, но, услышав шаги на улице, суетливо бросился открывать калитку.

— Я — Грамков, — представился старший наряда. — Начальник отдела НКВД.

— Они знают вас, — угодливо вставил Курбан и тут же строго спросил Ашрафа: — Объект на месте?

— До ужина был дома, — прошептал Ашраф, поглядывая на закрытую дверь квартиры Нефесовых.

В темноте Грамков пытался разглядеть Ашрафа. Какой он из себя? Он производил впечатление суетливого, запуганного. Месяцев шесть назад оперуполномоченный Курбан Пиан завербовал этого парня.

— Пригласи понятых! — приказал Ашрафу Курбан Пиан, беря тем самым на себя роль старшего наряда.

Грамков флегматично молчал, вглядываясь в темное окно Нефесовых. Ашраф исчез в темноте и вскоре привел с собой невысокого шуплого человека, тяжело припадавшего на протезную ногу. Это был Рамазан-ага, живший по соседству сапожный мастер, известный в округе своими отменными мягкими хромовыми сапогами и

туфлями на рантах, издававшими скрип, слышимый за целый квартал.

— Вторым понятым будет мой отец, — прошептал Ашраф.

## ПОБЕГ

Оперуполномоченный подтолкнул плечом Амира-заде, решительно шагнул к двери Нефесовых и негромко постучал. За дверь раздался неясный возглас, послышался плач ребенка.

— Хаджигуль-баджи, — неуверенно проговорил старый перс. — Не бойтесь, это я. Откройте дверь...

— Что случилось, Амир-ага? — спросил за дверью заспанный женский голос. — Мы все уже спим. А мужа дома нет...

— Откройте, пожалуйста, — умоляющим тоном просил Амир-заде. — На одну минуту.

— Неужели вы не поняли меня, Амир-ага? Как же я открою дверь ночью постороннему мужчине, если дома нет мужа? Побойтесь Аллаха, хоть вы и не мусульманин...

— При чем тут Аллах, Хаджигуль-баджи?! — досадливо воскликнул Амир-заде. Он растерянно взглянул на стоявшего рядом Курбана Пиану и, когда тот кивнул, добавил: — Не бойтесь. Со мной сосед и гости... из НКВД.

Дверь осторожно отворилась.

Грамков, шурясь от света неяркой лампы, словно нехотя вошел первым. За ним следом буквально ворвался Курбан Пиан. Неуверенно зашли понятые и молча встали у раскрытой настежь двери.

Обшарив глазами первую комнату, Курбан Пиан решительно направился во вторую, меньшую, где едва умщались узкая койка, стол и старый бельевой шкаф.

Подросток Керим, разбуженный стуком в дверь и громкими голосами, лежал на отцовской койке, не понимая, что происходит. Но вскоре догадался: ищут кого-то. От наклонившегося над ним человека пахнуло чем-то знакомым, мальчик еще не ус-



<sup>1</sup> Недирбай Айтаков — первый председатель ЦИК Туркменской ССР.

511

пел испугаться, как тот сорвал с него одеяло, пощупал постель. затем заглянул под койку, открыл дверцу шкафа и со злостью захлопнул. Подошел к окну выходившему на улицу, и увидел там маячившую тень часового. выругался сквозь зубы и вернулся в первую комнату

— Куда же он уехал? — Грамков, казалось, с сочувствием оглядывал сухую, темнотликую Хаджигуль, державшую на руках годовалого сына. Из-за ее широкого платья сверкал испуганными глазенками другой мальчишка, лет трех, стоявший босыми ногами на голом кирпичном полу. Керим, робко подойдя к матери, тоже прижался к ней, вслушиваясь в разговор взрослых.

— В Баку... — растерянно ответила она.

— Почему в Баку? — спросил Курбан Пиян и, нагнувшись, разметал по полу постель, на которой только что спала Хаджигуль с малышами, словно что-то искал под подушками. Завернул кошму до середины, потоптался на месте: а вдруг под ногами подземный ход? — Может, он в Красноводск или в Джебел подался? Там ваших родичей много. Отвечай!..

— Откуда мне знать? Он — мужчина, и ответа передо мной не держит...

Керим удивленно взглянул на мать: сказать такое об отце?! О его любимом отце?.. Откуда подростку знать о всех хитростях взрослых?..

— Ты, старая сука, не финти! — оскалил зубы Курбан Пиян. — Отвечай по существу!

Керим съежился... Стало страшно за мать. И вообще, почему она так странно себя ведет? И совсем не старая она. Ей двадцать восьмой год. И Керим с удивлением заметил, что одета она небрежно, видно, так в одежде и легла с вечера и что она, наверное, нарочно выбрала из-под платка рано поседевшую от какой-то болезни прядку волос. Она всегда прятала ее от глаз своих детей. А теперь, казалось, старалась выглядеть старой, невежественной и несколько глуповатой.

— Ты мне мозги не пудри, чучело ого-родное! — Курбан Пиян подошел к небольшой этажерке, стал терпеливо перелистывать все книги и журналы, радостно оскалился, отыскав сборник «Весь Туркменистан» с речами и статьями К. Атабаева и Н. Айтакова. Он потряс им перед носом Хаджигуль. — А это что?! Да лишь за эту контрреволюционную пачкотню увезем тебя и твоих щенят вместо мужа!

— Я — малограмотная. — женщина как-то неестественно вобрала голову в плечи. Керим от боли и обиды едва сдерживал слезы, настороженно глядя на большезубого, на Грамкова, на молчаливых понятах... — Книг не читаю...

В комнате воцарилась тишина. Было лишь слышно тихое, но частое постукивание — это от волнения подрагивала деревянная нога сапожника, выбивавшего дробь о кирпичный пол.

— Товарищ начальник, — Курбан Пиян повернулся к Грамкову, — вы только

взгляните на этого щенка, какими глазами он сверлит нас?!

— Какими? — усмехнулся Грамков, но взглянул не на Керима, а на Курбана Пияна: в нем было что-то свиное — то ли от неморгающего взгляда, то ли от бессмысленного выражения глаз.

— Классового врага! Заложил в них пули — в нас выстрелит...

— Глаза как глаза, — флегматично бросил Грамков. — Мы их тоже не щадим... Пацан он еще...

После Хаджигуль вспоминала: «Не помню, сынок, как ты тогда смотрел на энкавдэшников, но мне казалось, что глаза большезубого видела раньше, очень давно, у Каспия, когда на наш аул нагрянули разбойники... Нападали они, как шакалы трусливые, в пугину, когда все мужики в море уходили, оставались одни дети, женщины да старики. Запомнился такой же изверг, с лошадиными зубами, улыбка на губах притворная, а в узких глазах — холод стылый да ненависть дикая... У того плеть и сабля кривая за поясом, а у этого наган с расстегнутой кобурой. И оба одинаково упивались властью над бабами и детишками...»

— Поздно уже, сворачиваемся... — Грамкову хотелось охладить пыл не в меру разошедшегося уполномоченного, но так, чтобы не выдать себя с головой жалостью к врагам народа, особенно в присутствии подчиненных. — Проворонили...

Оперуполномоченный осклабился и, подбежав к Грамкову, что-то зашептал ему на ухо. Затем он, к удивлению Грамкова, вытащил из кармана пиджака пачку ордеров на арест, заранее подписанных наркомом, но еще без фамилий, и довольно улыбнулся:

— Вы, наверное, забыли? Заполним на двоих — ну хотя бы понятах возьмем — и делу конец. Иначе подбор будет, нарком с нас двоих шкуру спустит...

Грамков никогда не прибегал к чистым бланкам ордеров и Курбану не давал. Откуда же тот раздобыл? Майору вдруг неодолимо захотелось послать этого шаркуна по-русски куда подальше... Да не пошлешь: перед ним был главный наркомовский наушник. В самом НКВД что ни день исчезали следователи, оперуполномоченные, начальники отделов... Осадил такого блюдолиза, сам очутившись в «черном вороне». Грамков мог бы давно расчитаться с этим подлецом, да совесть не позволяла... Всякий поступок, добрый или злой, имеет свое продолжение... Ничего не проходит бесследно... Эту заповедь, некогда услышанную им из уст деревенского священника, он никогда не забывал и придерживался одного правила: не можешь творить добро людям, старайся, если можешь, не вредить им. Правда, далеко не всегда это удавалось.

Выслушав ретивого подчиненного, Грамков критически оглядел хромого сапожного мастера. Затем остановил свой взгляд на толстяке Амие-заде и решил лучше арестовать его и сына: за них непременно

вступится иранский консул, и их тут же освободят.

— Где ваш сын?

— В кладовке. — Голос Амира-заде дрогнул, видно, догадался, что начальник неспроста спрашивает о сыне. — Урюк перебирает...

— Сходите за ним...

— Нет, нет! — запротестовал Курбан Пиян. — Лучше пусть сбегает мальчишка, — он кивнул на Керима. — Скажи Ашрафу, что его отец зовет...

Амир-заде поблел.

— Керим-джан, балам, — старый перс погладил по голове мальчонка, — скажи Ашрафу: пусть закроет кладовку, а голубятню запрет на замок — коты на дворе... Пускай поспешит.

Керим с опаской посмотрел на чернеющее ночью окно. Хаджигуль забеспокоилась: на дворе темень, чего доброго, ребенок испугается, зайкой станет. И она пошла за Ашрафом вместе с Керимом, за ним с ревом кинулся трехлетний Рахман.

Ни в кладовке, ни у голубятни они Ашрафа не нашли. А когда собрались возвращаться, кто-то тихо окликнул их. Из виноградника показался Ашраф.

Хаджигуль в точности пересказала слова отца, Ашраф попросил повторить еще раз...

— Вы идите домой, — задумчиво произнес Ашраф, выслушав Хаджигуль. — Я только пиджак надену, прохладно стало...

Ашраф не пошел к дому. Он побежал через виноградник и скрылся в ночи.

В ту ночь «черный ворон» увез старого Амира-заде. Но довести до тюрьмы семнадцатого врага народа (такова была ночная разрядка) им не удалось: толстяк Амир-заде, страдавший одышкой, умер в переполненном «черном вороне» от разрыва сердца.

Начальство НКВД не обратило внимания на этот факт: главное, чтобы совпадало число арестованных, а живых или мертвых — не столь важно.

Побег Ашрафа, недавней гордости Курбана Пияна, наделал много шума. Тайный осведомитель НКВД объявился в Иране, где его дядя по отцу служил в жандармерии. Тамошняя печать со слов беглеца заговорила об эпидемии арестов в СССР, о гибели безвинного бехаиста Амира-заде. Забила тревогу и печать США, где находились видные деятели бехаизма. Да и персидский консул сделал официальный запрос по поводу ареста и исчезновения гражданина Ирана.

Курбан Пиян, отводя от себя удар, первым побежал к своему благодетелю, нарком: «Грамков беспечен, — доносил он, — по его вине сбежал наш агент...» Тот потребовал личное дело агента и, ознакомившись, обрушился на оперуполномоченного.

— Ты и твой начальник отдела — оба идиоты! — негодовал нарком, крутя в руке красный карандаш. — Этот недорезок с первого дня измывался над вами!.. А вы

ушами хлопали. Читай да вдумывайся, мозгами, мозгами!..

Нарком, выхватив из личного дела несколько листов со знакомым витневатым почерком Ашрафа, небрежно бросил их обомлевшему оперуполномоченному.

А Курбан Пиян, потеряв дар речи, загнипнотизированно следил за карандашом, вертевшимся в червнх пальцах наркома: давно замечено — если карандаш будет заложен за ухо, буря пройдет стороной, если же он в сердцах бросит его на стол, то песенка твоя спета, готовь белье и сухари — пойдешь этапом вслед за теми, на кого сам вчера наделал наручники.

— Читай, читай! — с издевкой повторил нарком и, куражась, нарочито медленно перекладывал из руки в руку карандаш, будто намереваясь швырнуть его на стол.

В доносах Ашраф писал, что все туркмены, особенно новоспеченные интеллигенты — прожженные националисты и антисовечки. Он своими глазами видел, как юноши и девушки аула Кеши, разводя в курбан-байрам<sup>1</sup> костер газетами с портретами руководителей партии и правительства, прыгали через огонь, приговаривая: «Твой красный цвет нам, а все наши болезни и горести тебе!» Или почему-то у сельских учителей любима поговорка: «Ай-ланайн кэнэм сеиден!»<sup>2</sup>.

От досады загорелое лицо наркома поблело.

— Грамкову еще простительно, человек он — русский, обычаев наших не знает, — теперь карандаш, свисая, чуть держался кончиками пальцев. — Ты-то туркмен и ритуалы курбан-байрама знаешь... Может, огонь они разводили газетами с портретами Гитлера, Муссолини?..

— А поговорка учителей? — Курбан Пиян робко поднял глаза на наркома. — Воздыхают о старом, противопоставляют нашей счастливой жизни. Как будто...

— Ты, Курбан Пиян, неуч, — от бессилия засмеялся нарком. — Или же слишком хитер. Тогда ты далеко пойдешь... Неужели не знаешь, что эта поговорка принадлежит Махтумкули?..

Кабинет наркома Курбан Пиян покидал словно пришибленный. Лицо его, крупное, потное, выражало и недоумение, и страх, а больше всего последнее. Что с ним теперь будет? Говорить с ним дольше у наркома не хватило терпения. Пятясь от него задом, Курбан Пиян от порога заметил, что тот по-прежнему зауценно, как жонглер, вертел карандаш пальцами левой руки. А что если выскользнет? Он почувствовал подступающую к горлу тошноту, отдававшую в низ живота...

<sup>1</sup> Курбан-байрам — мусульманский праздник.

<sup>2</sup> Выражение тоски, сожаления по доброй старине.

(Окончание следует)

проблемы,  
события,  
люди

ВОИСКА



Вот уже несколько лет части и подразделения внутренних войск выполняют свои многотрудные задачи в республиках Закавказья. Реакция на их пребывание в этом регионе неоднозначна. Действия войск в режиме чрезвычайного положения порождают всякого рода слухи и домыслы.

Наш корреспондент обратился в Главную военную прокуратуру, которая осуществляет высший прокурорский надзор за действиями военнослужащих ВВ МВД СССР в Закавказье. На вопросы отвечает первый заместитель Главного военного прокурора генерал-лейтенант юстиции Л. М. ЗАЙКА.

# В режиме ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО...

— Леонид Михайлович, на страницах печати высказываются претензии и звучат обвинения в адрес представителей внутренних войск МВД СССР, осуществляющих свои функции в районах Закавказья. И этот поток хулы нескончаем...

— Скажу больше, немалую лепту в этот разноголосый, но громкокричащий хор «хулителей» вносят и народные депутаты различных уровней, вплоть до союзного. Что особенно огорчает: широкий набор непарламентских выражений со стороны именно парламентариев. Как-то походя, не вдаваясь в истину, произносят они словосочетания — «антиконституционные действия», «геноцид народов», а солдат внутренних войск нередко наделяют ярлыками: «озверевшие солдаты», «фашисты», «пьяные звери в человеческом облике» и т. д.

Под лозунгом восстановления исторической справедливости экстремистски частные группировки и отдельные политические лидеры нагнетают антиармейскую истерию, разжигают межнациональную вражду и рознь, подстрекают население к гражданскому неповиновению, массовым беспорядкам, преступлениям, дезорганизации работы предприятий, учреждений и транспорта.

**— В этих условиях неизбежно идет в ход оружие!**

— Оно все чаще применяется в межнациональных конфликтах, что ведет к гибели людей, в том числе и военнослужащих внутренних войск. А ведь именно их усилиями удается сдерживать массовые столкновения и крупные кровопролития. Остается только сожалеть о том, что здравый смысл и объективный, взвешенный анализ не становятся главным аргументом в разрешении конфликтов.

**— Видимо, нет особой нужды подробно говорить о необходимости и целесообразности пребывания внутренних войск на территории закавказских республик!**

— Да, в этом регионе они находятся по решению союзного и республиканских правительств, а правовой основой для этого является Закон СССР от 3 апреля 1990 года «О правовом режиме чрезвычайного положения», в строгом соответствии с которыми внутренние войска и действуют.

Отмечу, что перечень мер, разрешенных к применению для обеспечения режима чрезвычайного положения, подробно изложен в Законе СССР от 26 марта 1990 года «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка». Эти меры чаще всего и вызывают адекватную реакцию лиц, к которым они применяются, а также их «защитников».

Вместе с тем практика прокурорского надзора свидетельствует о том, что, действуя в строгом соответствии с требованиями названных выше Законов, военнослужащие войск оказывают существенную помощь в стабилизации обстановки в регионе. Достаточно сказать, что только в НКАО в течение последних 6 месяцев за нарушение Закона «О правовом режиме чрезвычайного положения» задержано около двух тыс. человек, из них 80 обособленно подвергнуто комендантом района чрезвычайного положения административному аресту на 30 суток каждый, а 4 человека — штрафу до одной тысячи рублей, обезврежено несколько отрядов «боевиков», изъято большое количество огнестрельного и холодного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ.

— Такие действия войск, вероятно, не бесконфликтны!

— К личному составу ВВ МВД СССР, несущему службу по охране общественного порядка в районах чрезвычайного положения, командование предъявляет повышенные требования о тактичном отношении к гражданскому населению. Однако в силу специфики выполняемых задач и в условиях реальной угрозы жизни, особенно при изъятии оружия, проведения досмотров, имеют место случаи применения военнослужащими оружия, спецсредств, причинения гражданам повреждений. Надо иметь в виду, что действия, совершаемые при защите государственных интересов, а также жизни и здоровья самих военнослужащих от противоправных посягательств путем причинения правонарушителем вреда, соразмерного со степенью посягательства, действующим законодательством признаются обоснованными.

И хотя применение оружия является мерой крайней, очень часто приходится применять именно ее, поскольку другие формы воздействия на правонарушителей оказываются безрезультатными, а угроза жизни и здоровью как граждан, так и самих военнослужащих — вполне реальной.

**— Не порождают ли подобные обстоятельства нарушение законности!**

— Анализ прокурорской деятельности в закавказских республиках показывает, что военная прокуратура при осуществлении высшего надзора за исполнением законов не делает никаких скидок на экстремальность ситуации. И тем не менее, нарушения законности в этом регионе во внутренних войсках сведены практически к ничтожным цифрам. Если по всем войскам в 1990 году выявлено более 60 незаконных приказов, то в частях, дислоцированных в республиках Закавказья, этот показатель равен нулю. И вовсе не потому, что в административной деятельности командиров имеются существенные различия по сравнению с другими регионами. Скорее даже наоборот: командир части в чрезвычайных условиях и наделен полномочиями чрезвычайными. Но это лишь дополнительный стимул для того, чтобы каждый свой шаг сверять с законом.

**— А как обстоят дела с законностью среди гражданского населения!**

— К сожалению, подобного нельзя сказать о тех, чей покой и жизнь охраняют солдаты внутренних войск. На долю последних гораздо чаще выпадают камни, бутылки, пули и гранаты, чем благодарность и признательность.

Военные прокуроры в пределах своей компетенции прилагают усилия к тому, чтобы защищать права военнослужащих ВВ. Одним из характерных способов этого

573

является правоприменительная деятельность.

Но лица, совершающие нападения на военнослужащих, как правило, люди гражданские, и военные прокуроры после соответствующих проверок возбуждают уголовные дела, производство по которым в соответствии с законом осуществляют территориальные органы прокуратуры.

Другим, не менее важным направлением деятельности органов военной прокуратуры являются мероприятия общенадзорной направленности, т. е. осуществление надзора за исполнением законов воинскими частями, учреждениями, должностными лицами и отдельными военнослужащими. Именно это даже в большей мере, чем следствие, позволяет стоять на защите прав военнослужащих.

Как-то сложилось, на наш взгляд, ошибочное мнение о военном прокуроре, как о лице, осуществляющем лишь обвинительные функции. Вместе с тем практика свидетельствует о том, что все чаще именно военный прокурор является одним, а нередко и единственным гарантом обеспечения защиты и восстановления нарушенных прав военнослужащих. Не случайно ежегодно только по инициативе военных прокуроров восстанавливаются нарушенные права более 10 тыс. военнослужащих. С удовлетворением следует отметить, что военнослужащие внутренних войск в этом длинном списке занимают весьма незначительное место. В 1990 году эта цифра составила всего 118 человек, а в регионе Закавказья и вовсе права лишь двух военнослужащих были ущемлены и восстановлены по предложению военных прокуроров.

Этому есть объективные объяснения: во-первых, не секрет, что повышению правовой компетенции командиров различных уровней в войсках придается решающее значение, а во-вторых, и на этом нельзя не акцентировать внимание, сама по себе экстремальная ситуация, нахождение под постоянным прессингом общественного мнения в сочетании с повышенным чувством ответственности за принимаемые решения требуют взвешенных, выверенных шагов. Кто позволит себе недостойно относиться к подчиненным, которые каждый день и час рискуют ни много ни мало своим здоровьем, а нередко и жизнью?

Принимаемые командованием внутренних войск решительные меры по искоренению правонарушений в своей совокупности способствуют тому, что количество негативных проявлений последовательно снижается, изменяется и их качественная структура.

— Леонид Михайлович, в последнее время в связи с проведением военной реформы повсеместно осуществляется широкий комплекс организационных, правовых и воспитательных мероприятий, направленных

на дальнейшее укрепление дисциплины, организованности и порядка. Что можно сказать по этой проблеме!

— Значительное место здесь принадлежит законодательству, которое призвано служить надежным гарантом охраны прав военнослужащих.

Весьма существенное новшество в нашу повседневную армейскую жизнь внесет предполагаемый к рассмотрению Верховным Советом СССР пакет законодательных актов по вопросам обороны. Необходимость принятия этих законов — требование жизни. Бесспорно, что наибольший интерес в свете правовой защищенности военнослужащих (в том числе и внутренних войск) представляет проект Закона СССР «О статусе военнослужащих». Этот документ ждут в войсках с нетерпением и надеждой. Ведь за годы существования нашего государства такого законодательного акта не имело. И не случайно военная прокуратура в своей деятельности довольно часто встречается с ситуациями, когда весьма серьезные направления боевой службы, учебы и жизнедеятельности войск регулируются не законом, а множественными подзаконными и ведомственными актами, инструкциями и приказами, которые в этих случаях служат «заполнителями» правового вакуума. Природа, как известно, пусты не терпит. Подобное положение, с одной стороны, создает питательную среду для всевозможных злоупотреблений, допускаемых отдельными командирами, а с другой — лишает военных прокуроров возможности осуществления высшего надзора за законностью в деятельности военных должностных лиц.

Не стану подробно останавливаться на сильных сторонах этого закона, как и на его недостатках, поскольку это еще проект. Но уже сам факт того, что в нем предусматривается ряд гарантий защиты прав военнослужащих и определяется конкретный механизм их реализации — радует.

Назову уже реально воплощаемые меры по социальной и правовой защите военнослужащих. Я имею в виду объявленное приказом министра внутренних дел СССР 1991 г. № 130 постановление Кабинета министров СССР от 20 февраля 1991 года № 46 «О прохождении военнослужащими МО, МВД и КГБ СССР действительной военной службы на территории республик Закавказья». Представляется, что конкретное проявление заботы государства о личном составе позволит поднять престижность военной службы и послужит стимулом к сознательному и добросовестному выполнению конституционных обязанностей.

— По мнению представителей внутренних войск, в указанном регионе принятое решение будет способствовать снятию напряженности с комплектованием частей личным составом и повышению профессионализма в выполнении служебного долга!

— Да, это верно, но, как ни печально, еще приходится говорить о том, что именно профессионализма в ряде случаев и не хватает нашим военнослужащим. А это приводит порой к тому, что малочисленные группы «боевиков» и экстремистов разоружают целые подразделения, и утраченное таким путем оружие оборачивается против своих же. Там же, где бандитам дается грамотный и решительный отпор, последствия бывают плачевные для самих же нападающих. Вот только один пример.

В с. Джанятаг Мардакертского района НКАО личному составу внутренних войск, ОМОНа и оперативной-следственной группы МВД СССР при проведении операции по проверке паспортного режима и изъятию оружия было оказано вооруженное сопротивление. Военнослужащие, действуя в рамках закона, открыли ответный огонь. Один из нападавших гражданин А. Бегларян был убит, а К. Багдасарян — ранен. В ходе операции изъято 9 автоматов, 3 карабина, 1 винтовка, 3 охотничьих ружья, 7 ручных гранат и большое количество различных боеприпасов.

— К сожалению, ситуация складывается таким образом, что ослепленные националистическими идеями боевики и часть населения проявляют агрессивность, что нередко приводит к гибели военнослужащих. И это в условиях, когда они охраняют мирных жителей и их труд. Видимо, нужен четкий механизм реализации уже существующих законодательных актов по защите прав и интересов военнослужащих!

— Обстановка свидетельствует, что реальное исполнение действующего законодательства — это лишь дополнительный фактор, обеспечивающий защиту прав и законных интересов военнослужащих. Я имею в виду принятое правительством страны в соответствии с Указом Президента СССР от 5 сентября 1990 г. «О некоторых мерах по усилению социальной и правовой защиты военнослужащих» постановление о введении обязательного государственного личного страхования военнослужащих. Необходимость наличия института страхования Главной военной прокуратурой аргументировалась и предлагалась давно, однако принято оно практически под давлением общественных движений, прежде всего таких, как комитеты солдатских матерей. Конечно, получение родителями или другими родственниками определенной страховой суммы вместо живого и здорового военнослужащего — утешение довольно слабое, но с учетом складывающейся ситуации в стране — это шаг весьма своевременный.

Считаю, что очень важно остановиться на таком вопросе, возникающем на практике, как обеспечение материальных гарантий выплаты страховых сумм. Дело в том, что

в соответствии с действующим положением страхование военнослужащих проводится за счет средств, выделяемых из союзного бюджета МО, МВД, КГБ, других министерств и ведомств, в распоряжении которых находятся воинские формирования. Следовательно, и страховые суммы выплачиваются из средств этих же ведомств. Представляется, что было бы вполне логичным, если бы страховые суммы, выплаченные военнослужащим или их наследникам за гибель и ранение, наступившие в ходе погашения межнациональных конфликтов или в борьбе с националистическими проявлениями, в конечном итоге возмещались соответствующему ведомству из бюджета той республики, на территории или по вине которой наступили последствия, образующие страховой случай.

Это было бы вполне справедливо.

— И последнее, Леонид Михайлович. Много идет разговоров о том, что внутренние войска применяют оружие и спецсредства по мирному населению, как оккупанты и мародеры. Каково на этот счет мнение Главной военной прокуратуры!

— В связи с многочисленными запросами и требованиями как народных депутатов, так и ряда общественных организаций о правомерности применения оружия военнослужащими внутренних войск МВД СССР в Закавказье Главная военная прокуратура проанализировала все эти случаи за последние 2 года. В результате тщательных проверок не установлено ни одного факта применения оружия или спецсредств (резиновые дубинки, газ «Черемуха»), не вызывавшегося чрезвычайными обстоятельствами или превышающего предоставленные законом полномочия.

524

# — ПОЧЕМ НЫНЧЕ АВТОМАТ?

## — 9 лет на троих.

**П**оздним декабрьским вечером патрульный наряд внутренних войск неспешно шел по ереванской улице, всматриваясь в подворотни, которые были чернее ночи. Солдаты настороже — уже были случаи нападения бородачей, «чернорубашечников», которые злы, коварны, жестоки... «Стой!» — окрик заставил тень остановиться, прижаться к стене. «Да все нормально, ребята, — чернявый незнакомец развел руками, будто показывая, что он безоружен. — Еще ведь не комендантский час. Даже покурить успеем. Держите, у меня «Арин-Берд», клевые сигареты. Откуда сами?»

«Спасибо, только покурили», — солдаты научились уже отличать искреннее угощение от подачек. Типчик встретился подозрительный — вон как заискивает, улыбается фальшиво. Бородастый меж тем повел беседу. Сам, мол, отслужил, знает, что такое «ирзачи на ногах и «кирзуха» на обед. А потом вдруг, заговорщически подмигнув, предлагает: «Ребята, я знаю, сейчас здесь в частях бардак полный — одни приезжают, другие уезжают... Вы бы втихаря не могли бы мне ствол стащить? Заплату нормально. Все будет шито-крыто, вы меня не знаете, я — вас. Договоримся?»

Стали «торговаться». Покупатель предложил две тысячи. Солдаты «на полном серьезе» возмутились — мало. Порешили на трех. Встреча была назначена на завтра.

Встретились, как было условлено. Покупатель извинился, что трех «штуку» не наскреб, предложил тысячу восемьсот, а остальное — «натурой», вином и наркотиками. «Годится!» — сказали военные и... повязали дельца, некоего Феликса С. А «деловыми людьми» с нашей стороны были, может, и не очень веселые в той серьезной обстановке, но очень находчивые капитан Ротарь, прапорщик Мунтян и рядовой Горбань.

Вот так в воюющем Закавказье порою разворачиваются «торги», при которых по справедливости достается «и нашим, и вашим». Нашим — поощрения за бдительность и неподкупность, а «им» — зарешеченное окно...

• • •

Теперь же расскажем другую историю. В ней все вышло, в конечном итоге, наоборот — «наши» оказались на скамье подсудимых, а «те» — остались с носом.

Младший сержант Д. Анников, рядовые

М. Оглоблин и Д. Богданов занимались в своей части полезным, но внешне незаметным, или, говоря высоким слогом — малопrestижным трудом. Они наводили порядок в кладовой оружейной мастерской. Работа подходила к концу, когда обнаружилась находка, приведшая сослуживцев сначала в удивление, потом — в тихую волнующую радость важного открытия и, наконец, в лихорадочные раздумья. В одном из ящиков лежал... автомат с прибором бесшумной стрельбы и четырьмя магазинами.

**Более чем на треть (до 7,3 тыс.) выросла преступность с применением огнестрельного оружия, что в определенной мере вызвано увеличением хищений оружия и боеприпасов (до 1,4 тыс., или в полтора раза).**

Осмотрев находку и убедившись, что автомат самый что ни на есть боевой, они положили его обратно в ящик. В этот момент, как утверждали много позже, они не задались вопросом, почему автомат находится там, где быть ему не положено. Кто-то невольно скалмбурил «Положено — не положено, да не нами положено — пусть себе лежит».

Однако, на всякий случай, когда отделение по ремонту стрелкового вооружения собралось вместе, Анников, как бы невзначай, сообщает об автомате еще четверым солдатам. Те лишь пожали плечами. Правда, ефрейтор В. Кулинич, который вскоре должен был вылетать в НКАО, предложил отнести автомат на склад. Но это ненавязчивое предложение повисло в воздухе.

Прошло несколько (!) недель. Автомат преспокойно лежал в том же ящике, его никто не искал. Анников и Оглоблин даже поинтересовались, будто бы ненароком, на складе вооружения, все ли на месте. Кладовщик бодро ответил: «А то как же!»

Тут-то и заработала лихорадочно ищущая мысль Анникова: «Если автомат ничейный, то почему он не может стать моим? Правда, есть еще Оглоблин (Богданова младший сержант в расчет не брал — «салага»,

будет молчать как рыба). Если все сделать по уму — это будет хорошая добыча. Где-то в «Коммерсанте», что ли, или в какой-то «молодежке» писали — десять-пятнадцать «штуки» за «калашников» дают. Если пополам — можно прибархалиться к дембелю. «Купца найдем, вон, даже «Комсомолка» скупает оружие, не спрашивая, откуда оно...»

Но, поразмыслив предметнее, Анников понял, что нужен еще один компаньон, который, во-первых, может легко выйти в город и вынести автомат; во-вторых, имеет там знакомых из тех самых кругов, которые пользуются «пушками» или их покупают.

Насчет такого «нужника» двух мнений быть не могло — Женечка, рядовой Евгений Аксенов. Бывший санинструктор, «пролетевший» на чем-то в санчасти, Женечка тем не менее по-прежнему был «уважаемым» человеком. Позара, кладовщики, водители, штабные писаря — все у него были «схвачены». В «самоходы» ходил безбоязненно, умело и регулярно. Девочки в общеджитии были. А главное, офицеры тоже к нему весьма благоволили, так умел Женечка всем втереть очки, угодить, понравиться.

Разговор с глазу на глаз вскоре состоялся и был деловым. Аксенов уже имел в Москве дружка, готового приобрести и «пушку», и патроны, и спецсредства. Не скрывал, что свое отсидел, что в родную Тулу из красивой столицы ехать не собирается. В блококаменной есть где развернуться — фарцовка, спекуляция, хаты для ночлега, кабаки... Женечке обещал модные шмотки, фирменное «пойло», «колеса» и прочее, прочее для кайфовой жизни. Но для всего этого нужны были «бабки», большие причем.

Итак, в условленное время Анников, Аксенов и Оглоблин собрались в кладовой, где лежал заветный автомат. С этого момента, когда он был взят из ящика, и стала троица сослуживцев преступной группой, начались действия, подпадающие под статьи 218 ч. 1 и 218 ч. 2 Уголовного кодекса РСФСР.

Разобрать, спрятать, вынести с территории военного городка автомат было делом техники. Но тут же начались сплошные проколы. Во-первых, тот самый дружок, его фамилия Лисин, в условленное место не пришел. Почему? Да потому, что это был тертый калач: он проверял, не ведет ли за собой Аксенов хвоста, да и цену решил сбить таким путем, не понесет же солдат автомат обратно, значит, согласится на любые условия.

Оставив автомат в общеджитии у знакомой, встревоженный Аксенов докладывает о своем в операции Анникову. На следующий день в «самоход» идут уже вдвоем. Лисина вновь не оказалось. Торги пришлось вести с его напарником, который предложил всего тысячу рублей, причем отдать их пообещал позже, когда убедит-

ся, что автомат действительно боевой. Уловка эта ясна как белый день — пусть знают служивые, что они уже повязаны, пусть чувствуют, кто от кого в этом деле теперь зависит.

**Совершено 228 нападений на объекты хранения оружия с целью его захвата, в том числе 93 — на органы внутренних дел, при этом в руки преступников попало 4,5 тыс. единиц нарезного оружия (возвращена четвертая часть).**

Возвратившись на другой день из самовольной отлучки, Аксенов принес деньги. Анников и Оглоблин получили по 300 рублей. Кому достались оставшиеся 100, из материалов уголовного дела не ясно. Скорее всего их присовокупил к своей доле Аксенов. В конце концов, не важно, сколько в данном случае заработали Анников и Оглоблин — на 30 сребренников больше или меньше. Странно другое — эти деньги у них украли, так по крайней мере они утверждают, в ту же ночь, когда они их получили. Вернее, получил Оглоблин и положил в карман своей куртки, а утром, после подъема, их в кармане не обнаружил. Но здесь много неясностей. Суд лишь сделал частное определение в адрес заместителя командира роты материального обеспечения, который, узнав, что у Оглоблина пропали 600 рублей, во-первых, не доложил об этом по команде и, во-вторых, ничтоже сумняшеся, способствовал сбору денег с солдат роты, чтобы возместить Оглоблину ущерб. Откуда у подчиненного такая сумма денег, офицера не заинтересовало. Прояви он тогда элементарное любопытство, и огнестрельное оружие, возможно, не гуляло бы столь долго по чужим рукам.

Но есть еще и другая сторона медали — разве не могли Анников и Оглоблин инсценировать кражу денег, чтобы (а чем черт не шутит!) попробовать увеличить свой бюджет вдвое за счет доверчивых сослуживцев? Кто сегодня в этом может усомниться? Понятно, что возбуждать уголовное дело по факту хищения крупной суммы денег в подразделении, да еще и отсутствие командира роты, который находился в отпуске, замполит не решился и выбрал простой выход — собрать с миру по 30—40 рублей, и никаких проблем — все шито-крыто.

Полученные деньги кружили голову. Анникову все чаще вспоминались слова Аксенова: «Если что будет еще, давай, там у нас все купят...»

Следующим для продажи был предназначен прибор бесшумной стрельбы. Чтобы не продешевить, как в предыдущий раз, о цене договорились заранее. 300 рублей Лисин выложил не торгуясь. Что было еще

для продажи на очереди? Трудно сказать. Видимо, в ход уже шло все, что «плохо лежит»: 9 боевых патронов к автомату, несколько учебных гранат, велась речь и о продаже бронезиelta.

Оглоблин в этих делах уже не участвовал. Сообразив, чем может закончиться подобная предпринимательская деятельность, он решил выйти из игры.

**В розыске находится 12,3 тыс. стволов. Зарегистрировано 320 фактов вооруженного противодействия работникам милиции при пресечении преступлений (рост на 11,9 процента).**

Из информационно-методического бюллетеня Главного управления по работе с личным составом МВД СССР, 1991, № 1.

Теперь ответим на вопросы: зачем Лисин покупал оружие и боеприпасы и какова дальнейшая судьба приобретенного им автомата с прибором бесшумной стрельбы? Как и следовало ожидать, Лисин все это использовал в целях наживы. Автомат он продал некоему гражданину П. за 7 тыс. рублей, прибор бесшумной стрельбы за 700 рублей. Тот, в свою очередь, намеревался использовать оружие по назначению — но, как заявил следователю, только при защите собственной жизни. Когда П. узнал от Лисина, что солдат «трясут», то быстро сообразил: цепочка обязательно выведет на него. «Третий калач», он хорошо понимал, что при добровольной сдаче оружия подпадет под действия статьи 218 Уголовного кодекса РСФСР, где сказано, что «лицо, добровольно сдавшее огнестрельное оружие, боевые припасы или взрывчатые вещества, хранившиеся у него без соответствующего разрешения, освобождается от уголовной ответственности». И поэтому поздним декабрьским вечером, ровно за девять дней до Нового года, в 153 отделение милиции г. Москвы явился человек, который передал дежурному заявление следующего содержания

«Я... добровольно выдаю АКМ, четыре магазина, прибор бесшумной стрельбы и девять боевых патронов».

К заявлению П. приложил сверток с вышеуказанными предметами.

С момента обнаружения недостатки автомата на складе АТВ и до его добровольной сдачи в отделение милиции прошло немногим более недели. Экспертиза установила, что из него не стреляли (как говорится, слава Богу). Затем было следствие, продлившееся полгода. Его материалы составили два увесистых тома. И, наконец, суд.

«Да за что ж мне такое горе на старость, а, сыночек!..» — негромко причитала маленькая, скорбившаяся от свалившегося

на нее несчастья женщина — мать Оглоблина. Ее крупные, раздавленные тяжелой крестьянской работой руки комкались мокрый от слез платок. Рядом с ней молча плакали матери Анникова и Аксенова. Мужчины держались тверже, но и им было нелегко: сколько стыда пришлось претерпеть за все это время. Как смотреть в глаза односельчанам, как пережить позор, что покрыл их отцовские головы?..

Нет, не учили родители своих отпрысков воровству. «Сами никогда себе в жизни не позволяли взять чужого и сына таким же старались растить, — скажет после суда мать Анникова. — Даже не знаем, как он на такое решился?»

Финал всей этой грустной и грязной истории закономерен. Суд военного трибунала, взвесив все «за» и «против» в действиях и поведении подсудимых, признал их виновными в хищении огнестрельного оружия по предварительномуговору группой лиц и приговорил Анникова к 4 годам лишения свободы с пребыванием в исправительно-трудовой колонии усиленного режима, Аксенова — к 3 и Оглоблина — к 2 годам прохождения службы в дисциплинарном батальоне. Решением суда с них также взысканы в долевым порядке деньги в сумме 1300 рублей, как полученные незаконным путем.

Есть еще в этой истории ряд действующих (а вернее сказать — бездействующих) лиц, чьи халатность, безответственность заслужили и сурового упрека, и серьезного наказания. Начальник службы майор С. Белентьев, его подчиненный лейтенант Г. Агарков, замполит роты лейтенант А. Капарулин, другие офицеры после случившегося только руками разводили: и подумать не могли, видно, недоглядели... Да, и не думали, когда надо было, и не глядели, куда надо было.

И в колониях, и в дисбатах получают газеты. Наши «герои» наверняка прочитают заметку «Вновь огонь по военным»:

«...В районе населенного пункта Ерасх был ранен из пистолета старший лейтенант С. Стрижак. Этой же ночью группа неизвестных на западной окраине городка Сисиан совершила бандитское нападение на воинский караул. В результате убит сержант А. Бабенко и ранен рядовой А. Белуха».

«...Четверо вооруженных неизвестных напали на войсковой наряд, выставленный для охраны военного вертолета, потерпевшего аварии у села Нораван Сисианского района на юго-востоке Армении. В перестрелке убит сержант, ранен солдат. Похищены 4 автомата, пулемет и патроны».

Бандиты стреляют по солдатам. Из какого оружия? У кого они его купили? За сколько?

Вопросом этим задаются осужденные Анников, Аксенов, Оглоблин. Думают, находясь за решеткой. А в это время их однопольчане противостоят бандитам в воюющем Закавказье.

Майор А. СИМОНОВ.

# ТВЕРДАЯ РУКА ПЛЮС КОНСОЛИДАЦИЯ

Парни в краповых беретках продолжают гибнуть в горячих точках. Несмотря на героические усилия, войскам никак не удается обуздать беспредел, творимый экстремистско настроенными лидерами обманутых и втянутых в гражданскую войну целых народов. А политики весьма робко ведут диалог, чтобы в конце концов развести враждующие стороны.

А тут еще не сегодня-завтра, глядишь, да появится новый очаг противостояния. Не развязан узел противоречий в Южной Осетии, где на уничтожение несдающегося маленького народа брошена артиллерия, нацелены ракеты, не урегулирован межнациональный конфликт в Нагорном Карабахе, кровоточат раны в Приднестровье, а уже новые фюллеры вбивают клин между чеченцами и ингушами. Дудаевские выборы под стволами автоматов породили так называемые отряды самообороны, еще больше разъединили и без того обеспокоенных своим нелегким завтрашним днем людей.

Президент, парламент России, к которым еще тянется тоненькая ниточка доверия многострадальной страны, однозначно высказались за мирный путь урегулирования тугоплавленных проблем Чечено-Ингушетии, признали незаконными притязания Дудаева на государственную власть в республике. Но подчинится ли этому призыву новоявленный претендент на диктатуру? Как показывает логика развития событий, вряд ли.

Командиры «краповых беретов» с беспокойством прислушиваются к сообщениям из этого крайне взрывоопасного региона: «Неужели и туда их бросят?» И хотя понимают, что, если такое случится, они пойдут не для умирения, а как щит для простых людей, для защиты народа. Но от этого легче не становится. Где стреляют, там жертвы, там может пролиться кровь. А как уже устали солдаты внутренних войск от бесконечных тревог, от скоропалительных вылетов в районы этой странной войны, которая ведется на территории некогда дружного Союза свободных республик, ведется по существу между этими же республиками!

Устали солдаты. Устали офицеры. Под-

нимают голоса протеста против использования войск в качестве сдерживающей силы и генералы. Так, генерал-майор Анатолий Куликов, буквально не вылезавший из очагов конфликта на Кавказе, со всей определенностью заявил: пора вывести внутренние войска из этой опасной зоны. Что это, слабость военачальника? Скорее — твердость, стремление уберечь своих подчиненных, забота о человеке, который всегда дороже всех сокровищ. Это призыв к политикам: хватит прятаться за щиты «краповых беретов!» Попробуйте Муталибов и Гер-Петросян сами урегулировать конфликт, погасить очаг напряженности!

Странные вещи происходят: на войска пытаются операться, а потом их же и обвиняют. Подобное имеет место не только в Закавказье. В Прибалтике вон сколько гневных слов брошено в адрес армии, внутренних войск. А когда было принято решение, скажем, о выводе частей из Латвии, посыпались в МВД СССР телеграммы: мол, пока некому охранять исправительно-трудовые колонии — оставьте до лета будущего года подразделения внутренних войск. Вы же сами, господа хорошие, нагнетали страсти вокруг них как частей оккупационных войск. Что-то расходятся у вас призывы с делами.

Когда же закончится этот беспредел? Кто же защитит солдата с буквами «ВВ» на погонах?

Защитить должно государство, которому присягали на верность молодые воины. А государство это само под угрозой распада. Союз, если еще его можно назвать таковым, трещит по швам. Остается надежда на Россию, президент которой Борис Ельцин попросил чрезвычайных полномочий. Помнится, такие полномочия в свое время получил Михаил Горбачев, но так и не воспользовался ими. Воспользуется ли ими для спасения России Ельцин?

Да, Ельцин не Горбачев. Он известен своей решительностью. Однако без союзников и ему не справиться. Кроме твердой руки, сильной исполнительной власти нужна и консолидация сил в обществе. Во имя России, во имя ее сплочения.

Андрей КРУПНОВ.



НАШ АДРЕС:  
107120, Москва,  
Сыромятнический  
проезд, 8,  
редакция журнала  
«На боевом посту»

## Вот такая философия

Уважение к себе, говорят, прямо пропорционально любви окружающих. И до той поры, пока я не стал офицером, скажу честно, я себя уважал. Меня любили родители, жена, друзья, и даже родной город, в котором я жил, казалось, благоволил ко мне каждым булыжником на мостовой. Скажу больше: я был счастлив.

Я был счастлив, когда стал курсантом. Жена долго смеялась, наткнувшись на мои старые письма к родителям. Первокурсник с восторгом описывал свои первые курсантские будни и наивно полагал, что он нашел свое место в жизни. Вот некоторые строки из них: «...Я выполняю свой святейший долг мужчин перед государством. Родина так нуждается в моей защите...»

Сколько лет прошло со дня написания этих писем? Лет восемь. Много изменений произошло за эти годы и в моей личной судьбе, и в судьбе страны. И все бы ничего, но я почувствовал, что мое государство не заботится обо мне.

На первом месте службы мы оказались с трехмесячным ребенком на руках. Сменили четыре места жительства, судить об обустроенности которых можно по тому, как вскакивала по ночам с постели жена и склонялась над кроватью крошечной дочери от боязни, чтобы ее не укусила крыса. Преодолевать все эти неудобства нам помогли молодость, юмор и вера в то, что все это временное.

Друзьям мы писали веселые письма, описывая наш страшный быт, и они весело смеялись, читая наши послания, сидя в удобных мягких креслах в своих уютных и надежных квартирах. Они завидовали нашей романтике.

Катастрофически не хватало зарплаты, и наши родители были вынуждены основательно помогать нам. Ни мебели, ни телевизора, ни хорошей посуды на те деньги, что у нас были, мы купить не могли. Все сбережения уходило на продукты.

Больше всего нам хотелось иметь свою квартиру: хорошую, просторную, светлую, сухую. И поэтому, когда мне предложили

перевестись на новое место службы в крупный город, я втайне от всех радовался. Вскоре я увез свою семью навстречу счастью. Но «счастье» повернулось ко мне другой стороной.

Одна за другой последовали длительные командировки. «Как там мои девочки?» — с тревогой в сердце проводил я каждый день вдали от семьи. А что у них могло быть хорошего в снова снятой сырой коммуналке? Мои просьбы и обращения к вышестоящему начальству улучшить жилищные условия нашей семьи остались неуслышанными. Зато мы услышали голос беды. Тяжело заболела и едва не умерла наша трехлетняя дочь.

У двери реанимационной палаты, где двое суток просидели мы с женой, я перестал любить свое государство, я возненавидел свой патриотизм.

Мы по-прежнему живем в ненавистной нам квартире, хотя врачи при выписке дочери строго-настрого предупредили, что жить в сырости ей нельзя. Но кому до этого дело, у кого найдется хоть пять минут, чтобы вникнуть в наше горе!

От безнадежности я перевелся в другую часть в надежде хоть там встретить участие. Нам по-прежнему не хватает зарплаты, мы все меньше и меньше шутим по этому поводу. По-прежнему через тысячи километров летят к нам письма от тех, кто нас любит и кому мы действительно нужны. И теперь мы завидуем своим друзьям, ведь у них все хорошо, а они перестали завидовать нам. Теперь мы рады все бросить и вернуться домой, да крепко держит служба, где нет у нас никаких прав, а это, поймите меня правильно, сильно угнетает.

Простите, что письмо у меня получилось такое. За меня писала моя боль. Тяжело и невозможно жить, сознавая, что честный человек ни на что не может рассчитывать.

Я защищаю свою Родину, но кто защитит меня, мою жену, мою дочь от всей грязи нашего общества, в которой мы бахраемся? Только не говорите, что защищает государство. В это я уже не верю!

Старший лейтенант  
В. ГЛАДЫШКО.

Управление внутренних войск  
по Северному Кавказу и Закавказью.

## Отмахнулись

Несколько лет назад я проходил службу в районе аварии Чернобыльской АЭС. Когда давал согласие ехать туда, не думал о каких-то привилегиях, хотя их всем тогда сулили. Просто хотел помочь стране в беде, выполнить честно свой воинский, гражданский долг перед людьми, которых там, в Чернобыле, пострадали и страдают поныне. Я стремился быть полезным им. И не щадил себя. Кто-то отказывался наотрез, например, от сварочных работ (при горении зараженный предмет излучает радиацию гораздо активнее) — я же нет!

Теперь, когда у меня после той командировки появились болезни, о которых я и не подозревал раньше, от меня отмахнулись как от назойливой мухи. Не выдали даже удостоверение участника ликвидации той аварии. Отказали в присвоении звания «старший прапорщик».

Не хочу, чтобы меня неверно поняли: не только за себя обидно, а еще и за сослуживцев, оказавшихся в такой же ситуации.

Прапорщик В. СКУРИДИН.  
г. Ки. «нев.

## Пресекли побег на таран

Все произошло в считанные минуты. Пятеро рецидивистов, вооруженных ножами и заточками, ворвались в пожарную часть исправительно-трудового учреждения. Угрожая убить находившихся в помещении, они отключили сигнализацию, завладели автомобилем и, разогнав его, таранили ограждение запретной зоны. Цель — совершить побег, захватить заложников и диктовать свои условия.

СПРАШИВАЙТЕ — ОТВЕЧАЕМ

## Ограничения отменены

«Слышал, что гражданским людям, заочно обучающимся в институтах, будут теперь за время нахождения на сессиях и на период написания и защиты диплома платить больше. Затронет ли эта мера студентов из числа военнослужащих?»

Из письма капитана И. КАШИНА.

На вопрос И. Кашина и многих других читателей, приславших аналогичные письма, отвечает полковник М. САБАНОВ, заместитель начальника финотдела ГУКВВ.

\* \* \*

Кабинетом министров СССР постановлением от 15 июня 1991 г. № 367 внесены изменения в Положение о льготах для рабочих и служащих, совмещающих работу с обучением в учебных заведениях, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 24 декабря 1982 г. № 1116 (объявлено приказами МВД СССР от 4 февраля 1983 г. № 20 и от 1 августа 1983 г. № 0213).

С 15 июня 1991 г. за периоды дополнительных отпусков, предоставленных для

Но планы преступников не сбылись. Благодаря четким действиям войскового наряда под началом прапорщика Р. Мурзабаева и личного состава караула во главе с прапорщиком В. Кугубаевым.

Часовой-оператор рядовой Сергей Хныкин первым увидел, что «пожарка» мчится на ограждение. Он тут же поднял караул в ружье. Выбежал на смотровую площадку и открыл огонь по машине. Это отрезвило четверых осужденных — они бросились обратно в зону. Но пятый из заговорщиков, что сидел за рулем, не отступился. Лишь когда мотор автомобиля заглох, он оставил его и через образовавшийся проем в заборе рванул в сторону дачного поселка. Однако далеко уйти ему не удалось.

Бдительные прапорщики и солдаты, отличившиеся при пресечении побега на таран, были поощрены командованием.

Капитан В. БИРЮКОВ.

## С голой пяткой — против батьки

Здравствуй, журнал «На боевом посту».

Меня зовут Саша, и у меня есть старший брат Миша, и мы с ним очень любим ушу. Мы с ним купили только третий ваш номер за этот год. Я учусь во втором классе. У нас многодетная семья: 7 человек, 1 собака и 2 птицы. Наш папа очень злой, и мы хотим научиться ушу, чтобы защищаться. Мы с братом очень хотим, чтобы в журнале было о культуристах.

До свидания, дорогой журнал «На боевом посту». Пиши.

ЦЕЛЬНИК Саша.

выполнения лабораторных работ, сдачи зачетов и экзаменов, в том числе и государственных экзаменов, подготовки и защиты дипломного проекта, размер заработной платы рабочих и служащих определяется из расчета среднемесячной заработной платы за последние 12 месяцев работы перед вышеуказанными отпусками, а военнослужащим — денежного содержания ко дню убытия в отпуск, т. е. ограничения в размерах 100 и 80 рублей отменены.

Лицам, которые находились в дополнительных отпусках, связанных с обучением в заочных учебных заведениях после 15 июня 1991 г., финансовыми органами в заработной плате и денежном содержании будет сделан перерасчет.

# ТРУБА — ДЕЛО

Небольшая заметка о военных музыкантах («Нужна ли в войсках элита!» № 1—91 г.) вызвала неоднозначную реакцию читателей. В публикуемом сегодня письме автор говорит не только о наличии серьезных проблем у оркестров. Он справедливо ставит вопрос более значимый: о необходимости поднимать в войсках культуру, духовность, дающие начало всему доброму.

**В** СВОЕ время дирижер Э. Михайлов, заслуженный работник культуры РСФСР, не принимая во внимание исполнительский уровень оркестров, сказал: «Играть, по сути дела, нечего!»

Лично я с ним согласен. Хотя если, к примеру, полистать сборники пьес и песен для духовых оркестров, то количество последних ошеломляет. Ни один военный оркестр, даже самый профессиональный и, я бы сказал, жадный до музыки, не взвалит на себя неподъемную эту ношу. Потому что, во-первых, из такого количества произведений живут долго лишь единицы. Во-вторых, надо иметь в виду, что репертуар военных оркестров носит узкую тематическую направленность.

В общем, вопрос «Что играть?» остается пока открытым.

Теперь о том, кому играть? Здесь опять же не обойтись без разбора меркантильных проблем.

Наверное, никто не будет оспаривать тот факт, что заработок военных музыкантов грошовый: ставки остались неизменными с 1936 года. Не хватает даже на хлеб с маслом, не говоря уже о мясе.

Для справки: в настоящее время «духовику» платят в филармонии — 300, в цирке 300—400 рублей в месяц, плюс поездки за границу, где можно и валюту заработать. У нас же молодой военный музыкант на первом году службы получает аж 125 рэ. Словом, дело — труба.

Хватит плакаться, возразит кое-кто и солидно добавит: мол, у военных музыкантов тоже «навар» имеется. Действительно,

им разрешили прирабатывать на стороне, но... в составе своего оркестра. Деньги перечисляются на счет части (так называемые внебюджетные средства) и уже потом делятся между музыкантами из расчета одного оклада в месяц. Не более. Остальное тратится на приобретение инструментов, реквизита, на пошив формы одежды. Вроде бы неплохо. Однако я еще не видел оркестра, по крайней мере, в провинции, который бы смог заработать таким путем приличные деньги. Причина?

— Кооперативы все схватили, — сетуют дирижеры.

Если бы только это, можно было потягаться, ведь исполнительский уровень наших оркестров не ниже, чем у других соперничающих коллективов. Беда в том, что зачастую военные музыканты играют... бесплатно. О каком бизнесе говорить тут?

Недавно, например, пришел приказ о привлечении оркестров к траурным церемониям на похоронах ветеранов войны, воинов-интернационалистов, солдат, погибших в мирное время при выполнении воинского долга. В этом приказе есть оговорка: «...выделять по возможности». Что значит «по возможности»? Разве можно отказать человеку в почестях и памяти, когда настал его час пройти последний путь? Конечно, нет. Вот и играют оркестры бесплатно по пятнадцать дней в месяц.

Неужели нельзя найти какой-то выход? К примеру, брать деньги не с родственников, а с Министерства обороны.

Трудно не упомянуть и о таком факте. Многие офицеры-руководители избраны народными депутатами в Советы различ-

ных уровней. Приятно, что и говорить. Плохо то, что некоторые из них усиленно «набирают очки», косясь за военными оркестрами по городам и весям. У них это именуется «шефской помощью», что означает для «духовиков» работать за так.

Хорошие, профессиональные музыканты, видя, что их труд по сути дела обесценен, пишут рапорта об уходе.

Военные оркестры страдают хронической недоукомплектованностью. Причины меркантильные хоть и играют в процессе их развала первую скрипку, но надо сказать, что им подыгрывают, и довольно успешно, другие факторы. Социальная незащищенность, например. О квартирах речь вести не буду — эта болезнь давно и надолго останется неизлечимой в масштабах всех войск. Поговорим об уважении человеческого достоинства. Сегодня оно редкость. Правилom стало самодурство. Судите сами: при температуре минус пятнадцать градусов запрещено использование оркестров. Правило сплошь и рядом нарушается. В результате через десять лет музыканты «горят»: разрушаются легкие, выпадают зубы. Кстати, мало кто знает, что льгота — двадцать пять лет календарных и уход на пенсию — для военных музыкантов, извините за выражение, что мертвому припарка. Духовики, будь то военный или гражданский человек, после двадцати лет стажа имеют право на пенсию. Иметь-то имеют...

К военным музыкантам некоторые командиры относятся, как к своему оперативному резерву. Убежит, предположим, солдат в самоволку, оркестр отправляется в розыск. Это еще ладно, ловить солдат. А то ведь посылают на поиск беглых преступников. Люди к выполнению такой боевой задачи явно не подготовлены, оружия, как правило, им не дают. Зато попробуй возрази.

— Я не раз «восставал» против столь порочной практики, но начальник штаба части сказал, как отрезал: «А зачем мне нужен такой оркестр!» — признался старший лейтенант А. Озеров.

Попробовал было сослаться на приказ, который запрещает привлекать военных музыкантов в различные виды караулов,

нарядов майор Ю. Оленберг. Сам он, как дирижер, одно время не мог выполнять свои прямые обязанности, будучи дважды в неделю назначаемым в оперативную группу. Попробовал, и тут же был «поставлен на место». Оно и понятно: для некоторых часть — своя вотчина, где чужие приказы — не указы.

Многочисленные проблемы оркестров порождают у специалистов пессимизм. С подобным настроением, правда, не согласен подполковник Е. Грачев — главный (назовем так) музыкант региона.

— В этом году ожидают перемены к лучшему, — говорит он. — Прежде всего это коснется материальной стороны проблемы. Дирижеры из внебюджетных средств смогут по своему выбору сверх всех доплат поощрять музыкантов деньгами в размере до оклада. Кроме того, предполагается разрешить музыкантам совместительство, что раньше было категорически запрещено. Будут вводиться должности вольнонаемных с окладом до 230 рублей. Наконец, поднимут потолки воинского звания до прапорщика. А вообще мне лично не нравится пессимистический настрой некоторых дирижеров. Многие предпочитают молчать, дабы не портить отношения с командирами. А нужно кричать в голос, стучаться во все двери, вплоть до обращения к прокурору.

Евгений Валентинович считает: дескать, не выполняют отцы-командиры приказы, регламентирующие жизнь оркестров, дирижеры в том и виноваты: распустили, понимаешь, командиров.

Позиция знакомая: тебе надо, ты и добивайся социальной и даже правовой защиты. Такая, с позволения сказать, позиция и подталкивает отдельных начальников штабов и командиров частей к вседозволенности. Думаю, не ошибусь, если скажу, что подобное происходит не только в нашем регионе. А жаль. Ведь бюрократический сапог дает ростки культуры. Культура же, обещая, спасет мир. Не дадим же ей сгнить.

**Старший прапорщик И. БОЛДИН,**  
корреспондент газеты «Начеку».

Приволжское управление  
внутренних войск.

## ПРИНЕСЕНЫ ИЗВИНЕНИЯ

В первом номере журнала опубликовал письмо председателя совета офицерского собрания части майора М. Киселева «Нужна ли в войсках элита?» Публикацию обсудили на офицерском собрании части. Военный дирижер оркестра капитан А. Румянцев привел доказательства несостоятельности отдельных заявлений автора. Начальник финансовой службы капитан Ю. Глызин развеял «миф» о непомерных заработках военнослужащих оркестра. Собрание выразило несогласие с позицией

автора и неудовлетворенность тем, что письмо подписано от имени офицеров части.

Майор Киселев принес свои извинения капитану Румянцеву, всем офицерам части и попросил освободить его от обязанностей председателя совета офицерского собрания.

**По поручению офицерского собрания части майор В. ЛИСУЕНКО,**  
старший лейтенант В. ЛУКАШЕВ.

Журнал постоянно публикует материалы о трудной и не всегда благодарной миссии военнослужащих, охраняющих места лишения свободы. Однако в редакционной почте есть письма, в которых читатели упрекают нас в невнимании к другой интересующей их теме — жизни исправительно-трудовой колонии. Восполняем этот пробел, удовлетворяя прежде всего пожелания большей части авторов — мужчин, и рассказываем о женской зоне.

## СЛАБЫЙ ПОЛ под СИЛЬНОЙ ОХРАНОЙ

### Визитная карточка

**У** НЕБРОСКОГО, стандартного контрольно-пропускного пункта — ни души. Пестрым мазком на сером фоне смотрится пустая детская коляска. Сам малыш вместе с бабушкой — в гостях. У мамы, в комнате свиданий. Он, конечно, еще не понимает, почему она, такая добрая, ласковая и красивая, живет не с ним, а в неуютном доме с решетками на окнах. И дай Бог, чтобы его мать освободилась раньше, чем он поймет, почему.

Эта исправительно-трудовая колония, расположенная в четверти часа езды от центра города, в сравнении с другими зонами края — недоросль. Не по летам осужденных, отбывающих наказание — увы, возрастной диапазон на удивление широк, и не по степени рецидива их преступного стажа — тут и иная мужская обитель угупит, а, говоря специфическим, административно-служебным языком, по количеству охраняемого контингента.

Ровесница перестройки, ИТК претерпела те же метаморфозы, что и все общество. В результате довольно странной по формам и методам гуманизации, с легкой руки демократически настроенных лидеров государства быстро поразившей пенитенциарную систему, осужденных здесь значительно поубавилось. Нет, кривая преступности от этой дарованной свыше вольницы, разумеется, не поползла вниз, напротив, кое-где даже достигла доселе невиданных высот. Просто внешний (а стало быть — решающий) валовой показатель улучшился: какова гуманизация — таковы и результаты.

Впрочем, сами обитательницы этого серого мирка общего режима придерживаются несколько иного мнения о молодой

и, на мой взгляд, столь же скороспелой, сколь и скоротечной, как чахотка, зре милосердия в исправительно-трудовой политике. Если закрыть глаза на некоторые «неувязки» всего процесса, то уже только одно это обстоятельство убедительно свидетельствует о следствиях (вернее, последствиях) псевдогуманизации, которую с одинаковой страстью и редким единодушием приветствовали лишь самые «верхи» и «низы». Те же, на чьих плечах находится вполне осязаемый, тяжкий груз перевоспитания и охраны осужденных, что называется, по делу не проходят. Их усредненные настроения предстали обществу, как среднее арифметическое мнений осужденного А. и министра Б.

Рождалась исправительная колония для неисправимого в человеческих слабостях слабого пола обычным, присущим социалистическому образу хозяйствования способом, именуемым в просторечии — остаточный принцип. Из всех зон авральным порядком этапировали сюда тех, на кого уже никакой управы не было — неоднократно судимых, с солидными сроками, психически неуравновешенных (таких и сейчас больше половины). Их и нахрапом не возьмешь, и запугивать бесполезно: огонь, вода и медные трубы позади. И нужно было быть полковником внутренней службы Гришечкиным Владимиром Ивановичем, чтобы отважиться взять на себя ответственность за невероятно беспокойный коллектив.

Если, конечно, вообще с четкой определенностью можно говорить о коллективе осужденных. Слишком уж они разные: двадцатипятилетняя грабительница с большой дороги, идущая по третьему кругу, уверенная, что и пятая, и десятая отсидка не собьют ее с пути «истинного»; семидесятилетняя старушка, пырнувшая в полупьяной кухонной сваре ножом своего не в меру расходившегося старичка. Перевоспитывать трудом ее бесполезно и опасно

для жизни — здоровье ни к черту, а изолировать от общества, как опасный элемент, надо; привыкшая к роскоши спутница мафиози — представительница теневой экономики со стотысячным иском к возмещению. Что у них общего на свободе? Ничего. А здесь, как в коммуне — почти все.

## А ну-ка, девушки!

**С**ОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ соревнование, о необходимости которого так долго говорили все руководители нашего общества, кроме нынешних, судя по всему приказало столь же долго жить. Но не в колонии. Правда, здесь оно называется не социалистическим — трудовым, но ни на йоту не отступает от общеизвестных ленинских принципов всеобщего подвижничества. Значимость и эффективность его (без тени иронии) невозможно переоценить. Может быть, оттого, что подобные формы трудовой самостоятельности изначально были рассчитаны на замкнутые системы, не обязательно опоясанные колючей проволокой, но непременно лишенные некоторых «мелочей», отвлекающих сознательных тружеников от созидательной работы? А скорее всего потому, что в колонии это — одно из немногих средств ухода от суровой яви и приближения желанного будущего. Своеобразная машина времени.

Пережив своего старшего брата — социалистическое соревнование, соревнование трудовое сохранило его некоторые негативные конструктивные особенности. К примеру, производственный план по-прежнему «спускается» на общее количество осужденных, а далеко не все они в привычной трудовой форме: тут и просто люди пожилые, и инвалиды всех групп, работающие по желанию. Что поделать, если способность к преступлению не всегда соседствует с трудоспособностью.

Производство — швейное. Это и комбинезоны, и рабочие костюмы, и матрасы, и постельные принадлежности, и перчатки, и даже мужские и женские шубы из искусственного меха в кооперации с объединением «Заря» — пяти моделей и всех (на наш неприятный, неизбалованный взгляд) расцветок. Продукция швейной фабрики колонии в рекламе не нуждается.

Уместно сказать, что в общесоюзном «межзональном» соперничестве колония — постоянно в тройке сильнейших: переходящее знамя практически прописалось в ИТК (печально, но если и дальше наступление на социалистические идеалы будет идти прежними темпами, то только в зонах, да еще, пожалуй, в воинских частях удастся сохранить наши святыни — знамена).

У входа на фабрику на экране качества — полдюжина приказов о премировании осужденных и предоставлении им почетного права работать с «личным клеймом».

Стенд «Швей, систематически допускающие брак» девственно чист. Пустое занятие — мужчинам тягаться с женщинами в трудовом энтузиазме. Последние более практичны и куда как серьезнее озбочены днем завтрашним. Отсюда и похвальное стремление подзаработать, дабы не покинуть «академию» с пустой сумой. Да и сама система работы — бригадный способ по договору — не дает благодатной почвы для культивации бездельничья и лоботрясок: обязательства и зарплата — на круг. И стимулы тоже общие: тут и первоочередное отоваривание в магазине (стало быть, ассортимент пошире), и ежеквартальные слеты передовиков. Мы уже привыкли, что большинство слетов, сборов, съездов и встреч по обмену опытом — мероприятия, сугубо принудительные, утомительные, словом, для галочки. И потому, признаюсь, эмоциональный рассказ Валерия Михайловича Шаршакова о том, с каким нетерпением ждут слетов передовиков женщины-осужденные и как стремятся они стать этими самыми передовиками, воспринял с известной долей скептицизма. И напрасно. Пока мы ходили по территории, не менее десятка женщин подошли к заместителю начальника колонии по воспитательной работе подполковнику внутренней службы Валерию Михайловичу Шаршакову с одним и тем же вопросом: когда состоится слет?

Оказывается, слет — это действительно большой праздник без нудных, скучных докладов и содокладов. Программа — разнообразнейшая: деловые встречи с руководителями кооперирующихся с производством ИТК предприятий, знакомство с новыми коллекциями городского Дома мод, выступления работников культуры и искусства (особенно по нраву — ВИА с крутыми горластыми и патлатыми парнями), чаепития с тортами, памятные, полезные в колониستمом быту подарки (от этой традиции не отказываются вопреки товарному дефициту), выездные салоны-парикмахерские, помогающие сделать невообразимо модные прически из... ничего: женщины и в зоне остаются женщинами. И, наконец, главное — возможность встретиться с родственниками — их специально приглашают на эти торжества. Выходит, есть за что бороться в трудовом соревновании. Не только за деньги.

И жутковат, и любопытен такой факт: некоторые женщины, особенно те, кто сел еще в застойные, более-менее сытые времена, не хотят покидать зону по истечению срока отсидки, как черт ладана страшась перестроечной бедности. Можно от души поздравить средства массовой информации и пропаганды: сработано на совесть. Те, кто верит им на слово, не имея возможности один раз увидеть, очень даже запросто (страшно, Господи!) отдадут предпочтение застойной тюрьме перед перестроечной свободой. К счастью, на это им права не дано: освобождение неизбежно.

## Приятного аппетита!

**ДАЖЕ ПОСЛЕ** беглого знакомства с бытом женской колонии поневоле усомнишься, что только к мужскому сердцу путь лежит через желудок. Грешно завидовать, честное слово, но далеко не все из нас, находящиеся, как нам кажется, на воле, уж простите за прозу, столь прилично питаются. Судите сами: в меню и на столах в тот день было на завтрак — мясо с гарниром, на обед — суп гороховый, овощи тушеные с мясом, диабетикам — компот, на ужин — картофель тушеный с мясом. Каково? И за все это — 53 рубля в месяц (до подорожания питались и на 11, и на 17, и на 21 рубль). Дважды на территории (не к чести осужденных) видел брошенные большие, в четверть буханки куски хлеба. Значит, хватает. Не всего, конечно. Старший повар осужденная Валентина Григорьевна Киселева, человек с громадным стажем работы в ресторанах, сетует, что недостаток некоторых продуктов приходится восполнять все тем же мясом. Нет, например, желанной и любимой женщинами селедки (а где она есть-то?) — мясо дают. Представляете, три раза в день мясо! Не здорово, разумеется. И это еще не все. Честно признаюсь, давненько я в своем стилично-микрорайонном продовольственном магазине, раз в двадцать превышающем площадью колониальную лавку, не видел подобного ассортимента товаров. (Но лучше всю жизнь стоять за колбасой в своем магазине, чем отовариваться в колониальном). Овощи? Пожалуйста — свежие огурцы и помидоры, молодой картофель... Рыба? Ради Бога. Сладости — пирожные, мягкие булочки, конфеты. Консервы — несколько наименований, в том числе и такие, которых отродясь не видел, например, консервированные арбузы. Чай — в любом количестве. А готовить блюда на свой вкус из продуктов можно в специальных комнатах питания, оборудованных во всех жилых блоках. Их создание, между прочим, уменьшило вероятность пожаров и несчастных случаев. Раньше осужденные, зажатые запретами, конструировали втихаря бытовые электронагревательные приборы черт знает из чего, беря за основу шнуры от телевизоров. Теперь все законно — плитки, самовары: опять начальственное «добро» оказалось сильнее, эффективнее и милосерднее жесткого табу.

Кстати, о чае: на памяти многих стойкие ограничения в его употреблении — норма. Еще со сталинских времен. И запретный плод, как водится, в сладости своей порождал массу чудовищных сложностей. И для администрации колонии, и для военнослужащих роты охраны, и для самих осужденных и их родственников. Перебросам и тайным «вечерям» с кружкой «чифиря» по кругу числа не было. До тех

пор, пока в чью-то светлую голову не пришла «рискованная» мысль: а что если разрешить? Разрешили, внутренне беспокоясь, что на завтра вся зона упьется крепким чаем. А на завтра перестали бросать чай с «воли» и собираться втихую, чтобы испить напитка покруче. Зачем прятаться, если можно в открытую? Покупай и пей, сколько душе угодно. Хоть на все деньги. Не наличные, разумеется, — их на руках нет. Есть разрешение, подкрепленное жестким контролем — отовариваться ежемесячно на 70—80 рублей. Не густо, понятно, но ведь не в дом отдыха по путевке прибыли.

## Вот такая любовь

**В ОТЛИЧИЕ** от мужских колоний в женских нет ярко выраженных микрогрупп по интересам. Вероятно, дело здесь в психологической разнице между мужской и женской дружбой. Если и есть устойчивые связи, то в основном одной направленности — интимной: лесбиянство. Нельзя сказать, что это явление приобрело в женских зонах массовый характер, но и к единичным случаям свести его тоже не удастся. Это реальность, между прочим, уголовно не наказуемая и заклеиваемая только социалистической моралью — любовь женщины к женщине. Не берусь давать ей личностную оценку, дабы не заслужить ярлыки ханжи или, напротив, адепта «их нравов». Каждый волен относиться к этому соответственно своим убеждениям, памяти, впрочем, о том, что независимо от этих убеждений в женской зоне создаются семьи. Без пышных помпезных свадеб, но и без ложной скромности и таинственности. Да и какая может быть семейная тайна в общих спальнях помещениях на 12—20 коек. В лучшем случае удается отгородить супружеское ложе от мира горного и должного казенной простынькой. А бывает — и не удается.

Причем любви, как убедительно доказывает богатая практика, почти все возрасты покорны — случается, негласными узлами Гименея связывают себя и пятидесятилетние женщины. Но в основном это — молодежь. И семьи на удивление крепки. Иной раз они не распадаются и после освобождения из зоны: женщины продолжают жить вместе. Если кто из них и встречается с мужчиной, то исключительно для зачатия ребенка, а далее вдвоем воспитывают его (или их, если обе становятся матерями). И, к стыду сильного пола, в общении с мужчинами не нуждаются.

А начинается эта любовь совсем обычно: свидания «под часами», ухаживания, угощения друг друга как Бог послал, проводы «домой», поцелуи... Бывают и ссоры, и измены, и драки, безжалостные, жестокие. Далеко не всех осужденных устраивает то, что у них под боком возникают и живут «буржуазно» любящие пары: жалуются, просят — оградите. А как? Борьтесь с

этим явлением, по мнению людей сведущих, невозможно, бессмысленно и нерационально. Есть масса доводов сексологов в пользу подобных отношений, снижающих в условиях зон накал эмоций, снимающих губительное для здоровья раздражение. Выручает и кабинет психологической разгрузки с его аутогенными тренировками и массажем — спасибо Любови Степановне Адаевой, психологу по профессии, лаборанту по должности, обучает осужденных навыкам владения собой в стрессовых ситуациях. Но вкупе с этим ее подопечные владеют не только собой. И запрета на лесбиянство, повторюсь, в уголовном законодательстве нет, да и вряд ли этот путь эффективен. И выделять специальные помещения, так сказать, общежития для малосемейных администрация ИТК не в силах и не вправе. Гонять «женатиков» по ночам с постелей — себе дороже: найдут другое место, похуже, погрязнее, еще и заразу какую-нибудь подхватят и разнесут. Приходится мириться. Что поделаешь, если такая она, любовь.

## Ученого учить...

**ЧЕЛОВЕК**, который впервые сказал, что учиться никогда не поздно, был, безусловно, немногословен, иначе бы он дополнил свою классическую фразу не менее бесспорной истиной — было бы желание. Если государство под флагом всеобщего к 30—40 годам не смогло убедить женщину в необходимости среднего школьного образования, вправе ли администрация колоний силой сажать ее за парту? Раньше однозначно считали: да. Это было бессмысленно, но законно. Тратили громадные средства и усилия педагогов — увы, практически впустую: невозможно заставить зрелого человека со сложившимся мировоззрением учиться, если он отчаянно этому сопротивляется.

Теперь «обязаловки» не стало. И никакие уговоры сотрудников администрации не могут понудить женщин взяться за школьные учебники. Вспоминают о правах человека. Прямо заявляют: на кой ляд нам ваши синусы-косинусы, атомы-молекулы и занятые истории про восстание Спартака и взятие Бастилии — нам прорехи в биографии латать надо да жизнь сызнова начинать. Трудно спорить, многие из осужденных женщин действительно «диалектику учили не по Гегелю» и убеждены: ученого учить — только портить.

## Не хлебом единым

**БИБЛИОТЕКАРЬ** Галина Павловна Наймушина — приветливая женщина-инвалид средних лет, осужденная за убийство на почве ссоры, охотно рассказывает о книжных пристрастиях своих читательниц. Наибольшей попу-

лярностью пользуются исторические, остросюжетные приключенческие повести и рассказы, сказки. За ними — очередь. Гораздо меньший спрос на «толстые» журналы — тут уж, как говорится, на любителя. К примеру, осужденная Татьяна Довгаль ежегодно выписывает их почти на двести рублей. Здесь и «Нева», и «Наш современник», и «Новый мир».

Но предпочтение все же отдается телевизору — они стоят в каждом отряде в комнатах воспитательной работы. Раньше не разрешался просмотр телепередач после отбоя. Теперь осознали: зря. И разрешили. Вряд ли отгадаете, какие именно программы среди осужденных женщин считаются приоритетными. Даже захватывающим, увлекательным детективом могут пожертвовать ради... отчета с заседания Верховного Совета СССР или РСФСР. Это удивительное пристрастие к парламентским дебатам имеет четкий практический смысл и несколько однобокий характер: ждут разговора о себе, о своей дальнейшей участи, о возможных послаблениях или долгожданной амнистии. Потому и лекторов из краевого общества «Знание» слушают всегда с неподдельным вниманием.

К слову, о политических вкусах осужденных. Во время последних выборов женщины (нет, не голосовали — такого права им не дано) активно поддерживали Ельцина. Необъяснимо верили ему до августовского переворота, и вера эта окрепла после неудавшегося путча, хотя и соглашались, что никаких их ожиданий Президент России пока не оправдал. Откровения: на Горбачева, дескать, никакой надежды нет — говорит и говорит, руками разводит, а вот Ельцин — человек дела. Дай-то Бог.

## С миру по нитке, голому... пальто

**НАВЕРНЯКА** многие представляют, в каких обноскох зачастую осужденные приезжают в колонию. Но только единицы доподлинно знают, во что это «вольное» платье превращается, скажем, лет через пять-семь: хлам. В нем не только на люди выйти — по зоне пройти совестно. Вот администрация колонии прикинула и решила: смешно было бы — иметь солидное швейное производство, а освобождающихся в тряпье на свободу отпускать. Тем более, что по ту сторону забора одеться весьма непросто. Даже за большие деньги.

Да и чисто по-человечески: неужели швея, одевшая за несколько лет не одну сотню человек, не может и сама в конце концов принарядиться?! Это же сапожник без сапог получается. Сказано — сделано (никто не обязывал, не приказывал — своя инициатива): создали пункт индивидуально-

го пошива одежды. Теперь осужденные заблаговременно могут решить, что именно — платье, пальто, костюм или все сразу — и из какого материала пошить. И выходят из зоны в нарядах пусть не от Кардена и Зайцева, но уж совсем не хуже тех, за которыми неделями бегают по универсам в поисках модной шмотки, пока в безысходности не хватают первую попавшуюся. (Справедливости ради скажу: моя жена предпочитает бегать, нежели одеваться сюда).

Более того, осужденная женщина не только сама одевается с иголочки, но и родных своих снабжает по мере сил и возможностей, ибо имеет право приобретать вещи в магазине колонии и отсылать их по почте. А там, поверьте, есть что купить — своими глазами видел отличные долгополые шубы из искусственного меха за 300 рублей. Мало кто откажется. Ну разве только тот, кому по карману натуральные двадцатитысячные.

## Веруют

**П**ЕРВОЕ, что бросается в глаза, когда, минуя коридор в жилом блоке «А» со стендом «Благородное призвание советской женщины» и плакатом «Не службой единой», входящий в спальное помещение — иконы и картины с библейскими сюжетами. Это — тоже примета перестройки.

Осужденная Юлия Алексеевна Березина, невысокая, худая женщина в годах, любовно поглаживает обложку Библии и с гордостью сообщает: из молитвенного дома, что аж в самой Москве, прислали. На подушке — салфетка, копия с иконы Николая Угодника. Если бы не сказали, что фломастерами выписана — ни за что бы не догадался.

— День и ночь молится старушка, — вполголоса поясняет завхоз осужденная Нина Михайловна Шампурова. — За убийство сидит. Хотя и пишет во все инстанции, доказывает: не убивала. Долго ей еще писать.

На шее у Нины Михайловны — самодельный образец с Богородицей.

Почти в каждой палате — те или иные атрибуты веры. За нее, как утопающий за соломинку, в колонии хватаются доселе убежденные атеисты. Ведь в принципе большинство обитательниц зоны — люди разуверившиеся. Кто в чем: кто в друзьях, кто в муже, кто в детях, кто в собственных силах, кто в справедливости. А свято место пусто не бывает: и вот уже одна вера замещается другой — верой в Бога. Он не предаст, не подведет под срок, не осудит уже осужденную. А поскольку хорошего в их нынешней жизни ничтожно мало, куда как легче уповать на неведомые божественные силы, нежели на немилосердные, но конкретные земные.

Ни Владимир Иванович Гришечкин, ни его главный воспитатель Валерий Михайлович Шаршаков не видят ничего предосудительного в миссионерской деятельности проповедников. Напротив, охотно идут им на встречу, понимая: людям вера нужна. С ней любые испытания перенести можно и человеческого обличья не потерять. Трудно сказать, удастся ли женщине-убийце отмолить свой тяжкий грех, заслужить прощение у Господа, но ее раскаяние, пусть не перед согражданами — перед Богом, искренне. А это уже немало. Кроме того, среди верующих намного меньше любителей табака и алкоголя — очевидный плюс.

## Постскриптум

**Н**О НЕПРАВЫ те, кто полагает, что служба сотрудников колонии и военнослужащих, охраняющих ее, размеренна и проста. Дескать, коли женщины столь аккуратны, трудолюбивы, хозяйственны и редко нарушают режим содержания (штрафной изолятор месяцами пустует), то и хлопот с ними немного. Если бы... Безусловно, их искалеченные, изломанные судьбы заслуживают сострадания и сочувствия; естественно, лишив осужденных женщин свободы жизнеустройства, государство должно серьезно заботиться о них. Но ведь никуда не уйти от жуткого в своей очевидности факта: все эти женщины — чьи-то матери, сестры, дочери, жены, любимые, бабушки — преступницы. Хотелось бы забыть об этом, да они же и не дают...

Время близилось к полуночи. Давно затихли звонкие ребячьи голоса во дворе, ушли с «боевого дежурства» строгие, вечно нахохлившиеся, говорливые старушки. Уложив детей, Альбина все еще хлопотала по хозяйству. Не так уж много его, свободного времени, у женщин-прапорщиков из роты охраны: только успевай крутиться. Неожиданно Альбина услышала с улицы какой-то шум, затем громкие крики о помощи, брань. Не теряя времени попусту, выскочила во двор и увидела двух дерущихся женщин.

— Что ж вы, бабоньки, — кинулась разнимать. Подбежав, неожиданно узнала в одной из женщин бывшую осужденную Усову (по иронии судьбы тоже Альбину), ранее сидевшую за кражу. И по глазам поняла, что и та признала своего контролера. Не было у нее повода ненавидеть прапорщика, да, видно, хмельная дурь ударила в голову — сверкнул нож.

...Врачам не удалось спасти мать двоих детей, не дожившую всего несколько дней до своего тридцатилетия. Президент СССР наградил прапорщика Доставалову Альбину Васильевну орденом «За личное мужество». Орден стал первой и последней ее наградой...

**Подполковник А. УШАР.**  
Управление внутренних войск  
по Западной Сибири.

В майской книжке журнала за нынешний год была опубликована статья Бориса Леонова «Беспмятство!!», вызвавшая широкий читательский резонанс. Сегодня писатель продолжает начатый разговор.

## СЛУЖЕНИЕ ИСТИНЕ

**П**ЕРЕД ИСТИНОЙ все равны. Особенно в сложные моменты постижения прошлого, которое никогда не было одноцветным и однозначным. Истина в том и состоит, чтобы воспринимать это прошлое таким, как есть, а не подгонять, как это практиковалось до недавнего времени, под некий устоявшийся шаблон.

Вспоминается эпизод, происшедший на одном из пленумов писателей России. Выступавший на нем критик произнес эпатажную фразу о том, что-де повесть Сергея Зальгина «На Иртыше» отменяет «Поднятую целину» Шолохова. На это Леонид Сергеевич Соболев с грустной доброжелательностью заметил: «Запомните, молодой человек, в истории вообще, как и в литературе, никто никого не отменял. Случись подобное, и истории не было бы. А она есть. И такой ее следует принимать и понимать».

Цитирую, естественно, по памяти, выделяя то, что особенно запало. Но именно смысл слов писателя важен сегодня для понимания существа предлагаемого пересмотра, а точнее — ревизии истории литературы, созданной за годы Советской власти.

И в то время, когда появилась повесть «На Иртыше» (1964 г.), пытались «отменить» не только «Поднятую целину», но и фурмановского «Чапаева». Причем дело не ограничилось литературной полемикой, в ход была пущена серия низкопробных анекдотов о герое гражданской войны.

История повторяется. В нынешних статьях ниспровергателей русской советской литературы сплошь и рядом торжествует не доказательный анализ художественной несостоятельности тех или иных произведений, а нередко преобладают оскорбления в адрес страны и народа, не говоря уже об оскорблениях талантливых художников послереволюционной России. И мне понятно возмущение Андрея Василевского, с каким написана его реплика в ответ на статью В. Ерофеева «Поминки по советской литературе» (Литературная газета, 1990, 4 июля).

«...Есть такая страна — Трухляндия. В ней мы прожили многие годы. В ней своя, трухляндская литература.. Ну и так далее, — начинает свою реплику Василевский. — Поначалу эта воинственность производит некоторое впечатление,

СЛУЖЕНИЕ ИСТИНЕ



но тут же происходит отрезвление: а что он так шумит! О чем, собственно, крик? Может быть, критик ждет, что сразу же после статьи ему заломят руки, отправят в лагерь, в «психушку»? В лучшем случае перестанут печатать? Человек спешит прокричать свою правду. Какую же стену пробует пробить Виктор Ерофеев летом 1990 года! Покажите ее скорее!»

Не буду дальше цитировать эту грустную и остроумную реплику, опубликованную в той же «Литгазете» 10 октября 1990 года. Выделю только ее суть, заключенную вот в этих строках: «Чтобы писать лживые или бездарные книги, не обязательно быть соцреалистом или «советским» писателем. Трухляндия? Пусть Трухляндия. Только нужно ли покидать эту «страну» для того, чтобы основывать за ее пределами или на том же месте Нью-Трухляндию!.. Нет, никуда Трухляндия не денется. И рядом с Виктором Ерофеевым, чье творчество все-таки оригинально (это похвала небольшая), будут бороться за место в литературе десятки и десятки маленьких свободно самовыражающихся «нью-трухляндцев», пишущих лживые и бездарные книги. И у них будет свой читатель».

**ОЛИДАРИЗИРУЮСЬ** с А. Василевским, хочу обратить внимание и на то, что в самом названии статьи В. Ерофеева, в ее пафосе очевидна несостоятельность и откровенная уязвимость схематичных построений автора. Испокоен века на Руси поминки были связаны с обрядом поминания усопшего. В толковом словаре В. Даля «помины, поминки» поясняются как «молитвенное поминание усопшего, мольба за него, панихида, упокойный молебен...» Иными словами, речь идет о добром, незлобивом слове о почившем в бозе человеке, о его пребывании на грешной земле. И говорится это для успокоения, облегчения страданий его наследника, продолжателя дел, исполнителя заветов.

Допускаю художественную условность поминок по непережившим время подлкам в отечественной литературе, не составившим никакой ее ценности. Что ж, это право критика, его долг, если он обеспокоен завтрашним днем отечественной словесности. Поминки в таком случае не что иное, как уроки прошлого. Но почему же вместо толковых наставлений звучит нечто непристойное: «советская литература узурпировала права на умерших классиков XX века», она же зацеловала «их мертвые лица палаческими поцелуями, облив крокодильими слезами». «К лику собственных святых она готова была причислить почти все свои славные жертвы». Это свидетельство ее «внутреннего перерождения, определенного бездарностью и лицемерием». «Не знаю, кто написал «Тихий Дон», Шолохов или кто иной, но сам факт охватившего литературоведов сомнения поразителен как символ ее органической, имманентной порчи».

И это «поминки»? Подобное всегда называлось в порядочном обществе богохульством. Здесь что ни пассаж, то нарочитое поддразнивание, желание осквернить, ошельмовать, ничего не доказывая. Иначе зачем понадобилось вновь кидать грязь в Шолохова, скрываясь за каких-то «растерянных» литературоведов. Известно же, что отнюдь не они явились инициаторами атаки на авторство Шолохова, посеяли семена сомнений в душах. Но вообще-то понятно, зачем все это Ерофееву. Чтобы «завестись», напрячься в хуле. Без оскорблений в адрес Горького и Шолохова пафос поношения минувшего всей нашей литературы практически невозможен. А так вот, переступив этот барьер, нетрудно дальше юродствовать на самими же сочиненных «поминках», не заботясь о логике высказываний, не обращая внимания на абсурдность посылок и формулировок. Вот только некоторые образчики таковых: «Соцреализм — это культурная эманация тоталитаризма, это бешенство литературы в замкнутом пространстве (?), это садо-мазохистский комплекс (?) писателя-атеиста, продающего дяволу душу, в существование которого и которой он не верит...»

В таком ключе — безудержном подхлестывании негодования — В. Ерофеев спраляет свои «поминки», желая не просто оскорбить и унижить меня как читателя, с детства полюбившего мир героев А. Гайдара, повести «Белеет парус одинокий» В. Катаева, «Юнармии» Г. Мирошниченко, глубоко потрясенного правдой «Жестокости» и «Испытательного срока» П. Нилина, «Привычного дела» В. Белова, зачитывавшегося трилогией о Праслиных Ф. Абрамова, «Повителью» А. Иванова и «Горькими травами» П. Проскурина, романами и повестями писателей-фронтовиков, но еще и напужать тем, что жизнь всех поколений советских людей, которую пыталась запечатлеть «официальная литература», — бессмысленная, никчемная, пустая, поскольку была отдана «кложним идеалам при полном неверии в метафизические ценности».

**Е** СЛИ БЫТЬ циником, то, собственно, ничего особенного в подобных сентенциях и не обнаружится. Нормальный же человек, живущий прежде всего чувством уважения к предкам, благодарности дедам и отцам за добро, сделанное в жизни и оставленное тебе, отреагирует на эти высказывания с сожалением. Да и как не пожалеть того, которому, оказывается, нечем и не за что отблагодарить ни мать, ни отца? Сиротство — печальное явление в мире. Сиротство душевное, духовное — явление жалкое, убогое. А убогое — неказуема.

В самом деле, не вина же человека, что в его душе нет святости и совестливости, без которых немислимо понятие идеала. К счастью, большинство людей не оравлены бациллами цинизма. Их точку зрения, как мне кажется, очень точно и эмо-

ционально выразила О. Мариничева в статье с симптоматичным названием «До основания. А зачем?» в «Комсомольской правде» от 30 сентября 1989 года.

Да, пишет журналистка, нам внушают мысль о конце всего прошлого, о никчемности прожитого и о тупике в движении. Коммунистический субботник завершен, по домам, ребята!.. «Вот только бы понять, — замечает она, — что же все-таки вновь и вновь так властно востребует душу, будто в словах тех нехитрых песенок, в символах тех, казалось бы, развенчанных мифов содержится все же некая властная правда, которая все равно останется жива, не убита даже самой радикальной постановкой проблем: какое у нас общество, какой социализм — казарменный или вообще никакой, и где социализма больше — у нас или у «них», и есть ли еще социализм и капитализм или уже другие «измы» нужны. И вообще какие уж тут идеалы на фоне нищеты, распрей, разрухи — выжить бы... Что же это за сила, которая все равно никак не дает мне вынести окончательный приговор, не дает пройти характерный сейчас для многих путь «от великой идеи, которую извратили, до чудовищности самой идеи?» После долгих сомнений, борьбы с собой вплоть до саморазрушения, мучительного разлада с окружающими, после честных стараний «отречься» я все же вынуждена признать: эта сила — власть идеала. Коммунистического идеала.

И журналистка по-своему, по логике мысли вышла к тому же, о чем мы и ведем речь: покусаясь на историю революции в целом, покусываются на коммунистический идеал. А ведь его люди разных поколений нашей страны выстрадали совсем не в угоду официальной идеологии, а в силу естественного желания жить в счастье, ради других, во имя светлого будущего своих детей. И потому-то из миллионов человеческих душ он не может быть низвергнут всевозможными проклятиями в адрес жестокого и беспощадного, что открылось нам в «дворцовой хронике» большевистского правления. Правление и народное самоуважение и самоутверждение — вещи нередко полярные.

Без чувства всеобщности, породненности с человечеством, которое впитал каждый из нас из книг полузабытого детства, — где были мальчик Сами из одноименной поэмы Н. Тихонова, ребята из повести А. Неверова «Ташкент — город хлебный», из рассказа Б. Лавренева «Срочный фрахт», где живут герои новелл Б. Житкова и В. Биль-Белоцерковского, и китаец из пьесы Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69», — нам бы действительно трудно было выжить. Потому-то и откликается моя душа на искреннюю исповедь современника о поисках себя, своего счастья в жизни: «Вектор поиска был задан теми редкими, но такими емкими минутами полузабытого детства, когда душу охватывало и поднимало высокое, чистое, сокровенное чувство: «Взвейтесь кострами, синие ночи...», «Пльвут пароходы—привет Мальчишу!», «Встань,

барабанщик...» Вспомните: у каждого из нас в глубине души они живы, эти минуты. Что это было — детский участок тщательно продуманной тоталитарной идеологической мифологии, враждебной человеку? Но почему же тогда фашизм не оставил таких образов и сказок? И почему же герои Гайдара, Крапивина были для нас «одной крови» с Маленьким Принцем Экзюпери? Да потому, справедливо считает О. Мариничева, что это такой же факт культуры, факт глубинного духовного бытия народа, разрушение или отмена которого станет не чем иным, как очередным насилием. «Если сбросим... со счета коммунистический идеал... не оборвем ли и без того тонкую нить между поколениями, не порвем ли в очередной раз преемственность?» Вот почему забота о духовных ценностях, о коммунистическом идеале «не менее насущна сегодня, чем о товарах и продовольствии», ибо забыть о нем, значит, лишиться веры живущих на нашей земле. «Можно, конечно, винить в этом только кризис системы ложных, догматических идей. Но вдруг со временем окажется, что не все в этом идеале ложно — не все догма?...»

Не могу не разделить пафоса выступления и великого нашего современника — композитора Георгия Васильевича Свиридова на встрече деятелей культуры с Президентом страны в сентябре прошлого года: «Я совсем не поддерживаю точку зрения, которую часто приходится слышать: культура в упадке, ничего не было и т. д. Это — совершеннейшая чепуха! Если взять нашу литературу, советскую и русскую, это грандиознейшее явление. Эпоха, прожитая нами, была тяжелой, но и она не лишена величия, в этом нет никакого сомнения».



**П**РАВО каждого — иметь свою точку зрения, выбирать манеру поведения в обществе и в политике с оппонентами. Даже с воображаемыми. Вот почему нельзя не отметить, что статья В. Ерофеева «Поминки по советской литературе» — это, по сути, хунвэйбиновский вариант вполне серьезных и глубоких раздумий о существе советской литературы, звучавших в критике 60-х годов, и тех выпадов против литературного наследия советского периода, которыми пестрит периодика конца 80-х, начала 90-х.

Говоря о серьезности раздумий, я прежде всего имею в виду статьи и монографии Ю. Андреева, Ю. Кузьменко, М. Лифшица, А. Овчаренко, П. Палиевского, Б. Сучкова, в которых исследователи, каждый, естественно, по-своему, говорили о том, что советская литература не совпадает с понятием «литература социалистического реализма». Причем эти откровения были лишены какой-либо сенсационности, эпатажности, желания хоть на час, но стать притчей на устах читающей публики. Что же касается «критицизма», то как тут не вспомнить дискуссию на страницах газеты «Московский художник» в 1988 году,

где подвергались издевательствам и оговору Горький и Маяковский. Один из них, дескать, хотел, чтоб к штыку приравняли перо и предоставили слово товарищу маузеру. Другой требовал уничтожения несдающегося врага. А вместе они, ни больше ни меньше, спровоцировали сталинские депрессии.

Эти «откровения» и «прозрения» позже неоднократно будут всплывать в выступлениях «борцов» с несправедливостью в прошлом, к примеру, умозаключения В. Воздвиженского в статье «Бедствие среднего вкуса», опубликованной в журнале «Юность», № 11 за 1988 год. Ничтоже сумняшеся он возлагает, скажем, на Леонида Леонова ответственность за обслуживание преступлений Сталина. Писатели-де соревновались в том, кто быстрее и хлестче ударит по интеллигенции. Особую роль в этом занятии исполняли Ильф и Петров, не стояли в стороне и Фадеев, Федин, Олеша, другие. Духом негативного отношения к русской советской классике пронизаны многие статьи переводчика П. Карпа в «Книжном обозрении», Е. Добренко в «Вопросах литературы» и т. д.

Отрицание литературы прошлого подчеркивало необходимость переоценки истории советской литературы. Хотя, как ни странно, никто всерьез об этом не говорит, что очень тонко почувствовал литовский писатель Витаутас Петкявичус. В интервью «Литгазете» «Исповедь отступника» (1990, 14 ноября) он резонно заметил: ценности литературы так называемого соцреализма здесь ни при чем. «Противостояние таланта и организованной посредственности — конфликт извечный. Разве не писали критики, что А. Чехов закончит дни в подворотне пьяным вместе со своей литературой? Что изменилось от этого? Разве Байрон, созидавая бессмертные произведения, помышлял когда-нибудь о том, что будет наречен «отцом романтизма»? Он жил по воле своего таланта. К какому натурализму, реализму или другому «изуму» можно отнести «Декамерон» Боккаччо? И раньше, и теперь я испытываю ужас, когда критики легкой рукой «пророчат» вечную жизнь своим друзьям и единомышленникам и так же легко подписывают смертный приговор инкогнито и иначе творящим! Беда для критиков, но не для литературы!»

И далее он развивает мысль, что во все времена критика намного легче, чем предмет, ею рассматриваемый, поддавалась моде и различным влияниям. Соцреализм — термин (не более!), искусственно созданный, а вот тот, кто хорошо писал, займет свое место в литературе и без всякого ярлыка. Можно, конечно, определенным силам отслужить по советской литературе какую угодно пышную панихиду, только пусть они не закрывают рот тем, кто думает иначе, и пусть не хоронят живых. «Когда критик оказывается не способным постигнуть и теоретически обосновать идею, овладевшую художником, для него остается только один выход — дать ей лжеисторическое обоснование: тот-де будет жить,

в этого забудут. Вот где кроется суть всей этой нынешней лженаучной абракадабры».

Что ж, писатель волен так эмоционально оценить несостоятельность работы оппонента. У нас же, историки литературы, задача иная: на конкретных фактах показать несостоятельность очередного эпатажа публики, несерьезность заявлений, делаемых с самым серьезным видом.

Человек, сведущий в пределах программы средней школы о процессах, происходивших в отечественной литературе в начале нынешнего века, несомненно, вспомнит про такие дерзкие ниспровержения предшествующей литературы, с какими выступали символисты, акмеисты, футуристы и прочие «исты». Они, как правило, поддразнивали обывателя, обрушивали на его «расшатанный» классовый вкус громкие «пощечины» общественному вкусу, направляли на испуганные души «катафалки искусств», пугали «дохлой луной», «непреодолимой ненавистью к существовавшему до них языку», грозили миру сбросить с корабля современности Пушкина, Толстого и всю литературу прошлого, на которую они с презрением глядели с революционных высот. Ныне глядят на нее из подполья, выдавая за истинную литературу «андерграунд», то есть литературу подпольную.

Так накапливался тот переоценочный и ниспровергающий все и вся в прошлом советской литературы «дурман», который концентрировано вырвался в статье В. Ерофеева «Поминки по советской литературе». Однако в суждениях ее автора есть еще нечто такое нарочитое и сознательно оскорбительное, о чем нельзя не упомянуть особо. Попробую объяснить, что я имею в виду.

**П**ОНЯТИЕ «советская литература» существует так же, как и понятия советский театр, советский цирк, советский спорт, советский образ жизни, поскольку определение «советский» выполняет функцию, объединяющую все, что происходило и происходит в Советской стране многонационального бытия. Разве не то же самое выражает понятие — «китайский», «американский» в отношении к представителям самых разных наций и народностей, проживающих на территориях Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов Америки? За рубежом, как известно, все происходящее у нас именуется нередко «русским». И к чему ломиться вроде бы в открытую дверь?

Автора возмущает само понятие «советский», которое он приемлет всего лишь как один из периодов в истории страны, а не начало новой страницы в этой истории. И потому-то он «вывешивает» над своей статьей цитату из этой же статьи в качестве «флага»: «Есть русская поэзия и проза советского периода, как есть поэзия и проза других народов, населяющих СССР, но говорить о советской литературе, как объединившей все это в целое,

значит, предаваться иллюзиям». Позвольте, но ведь это всего лишь риторическая фигура, которая, полемически возбужденная автором, на самом деле противоречит истине и не служит необходимому сегодня серьезному разговору о существовании отечественной словесности, истории ее и будущему существованию. Да и сочетания такого — «советская литература» — в академической и учебной практике не существовало. В ней были и остаются действующими понятия: «литература народов СССР», «советская многонациональная литература», «русская советская литература», «туркменская советская литература» и т. д.

Что касается всевозможных «нормативных» уложений и установок в литературе, то ведь не в советский период они возникли в практике изящной словесности. Для историка литературы, а не для эмоционально гипертрофированного взгляда эссеиста, вообще не столь уж страшна нормативность в теории, если она не становится двигателем политики, карающим инструментом в споре с инакомыслием. Нормативность построений теоретика классицизма Буало или создателя учения о «трех штилях» Ломоносова, как и теоретиков «натуральной школы» организационно никоим образом не повлияла на естественный ход развития изящной словесности и не вела и не свела в ней все к идентичности, похожести, дубликатности творчества Расина и Корнея, Сумарокова и Фонвизина, Гоголя и Григоровича. И это естественно, потому что в основе каждой из этих нормативных теорий выговаривались определенные идеалы эпохи, времени. А идеалы, как известно, понятия более глубокие, тонкие и сложные, нежели идеологические схемы. И служение идеалам, которые, конечно же, не возникают мгновенно на смену друг другу, а являются плодами духовного развития многих и многих поколений, есть святое дело каждого художника — гражданина и патриота. Наши же «неистовые ревнители» стремились осуществить подобные процессы и в духовном развитии наций не за столетия, а за годы и месяцы. Вот откуда эта жесткая нормативность в практике литературы 20-х годов, вот откуда непреложное установление терминологии, уставов, отказ от которых рассматривался этими «ревнителями» как отступничество, предательство и т. п.

Против отступника начинались всевозможные кампании, оканчивающиеся нередко трагически. История оставила нам немало печальных примеров. С обжигающей правдивостью это подтверждено предсмертным письмом Александра Фадеева, покончившего с собой в мае 1956 года, подписавшего себе приговор за все те преступления, участником которых стал он сам на посту генерального секретаря Союза писателей СССР. Какое сердце не откликнется с содроганием на эти кроваво-точащие строки:

«Лучшие кадры литературы — в числе,

которое даже не снилось царским сатрапам, физически истреблены или погибли, благодаря преступному попустительству власти имущих; лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; все остальное, мало-мальски способное создавать истинные ценности, умерло, не достигнув 40—50 лет. Литература — эта святая святых — отдана на растерзание бюрократам и самым отсталым элементам народа, и с самых «высоких» трибун — таких, как Московская конференция или XX-й партсъезд, раздался новый лозунг «Ату ее!» Тот путь, которым собираются «исправить» положение, вызывает возмущение: собрана группа невежд, за исключением немногих честных людей, находящихся в состоянии такой же затравленности и потому не могущих сказать правду, — и выводы, глубоко антиленинские, ибо исходят из бюрократических привычек, сопровождаются угрозой все той же «дубинкой»...



**А, ЭТО НАША** трагедия. И она требует серьезного и глубокого понимания и постижения, а не истерики и огульного охаивания всего и вся в нашем революционном прошлом. Выстраивать на скорбных фактах концепцию отрицания и даже похорон советской литературы в целом, а имена писателей, искренне поставивших свой талант на службу созидания нового общества, предавать анафеме, с моей точки зрения, так же безнравственно, как и преследовать писателей за несоблюдение ими нормативных требований соцреализма. Вот где начало ревизии всего исторического пути после Октября 1917 года.

Под видом отрицания догм сегодня пытаются расчитать с идеологией, а в результате — покончить с коммунистическим идеалом; отказав литературе в праве именоваться советской, стремятся добиться вытравления из нее таких фундаментальных опор, как народность, положительный герой и т. д. Вот почему естественны в статье В. Ерофеева подобные сентенции: «Официозная литература имеет до сих пор сталинскую традицию (?) и опирается на принципы «партийности», утвердившиеся в 30—40-е годы (?)». Сущность этой литературы, по Ерофееву, «заключается в пламенном устремлении к внелитературным задачам, созданию «нового человека», какой, по диссидентской терминологии, именуется «гомо советикус» и всего лишь сводится к одномерной общественной функции...»

А я, грешным делом, прочитав про этого самого «гомо» и про его функцию, вспомнил пронзительнейшую сцену в «Повести о настоящем человеке» Бориса Полевого.

Лишенный ног летчик Алексей Мересьев угасал, поскольку жизнь без неба была для него лишена смысла. Но рядом оказался человек большой души — комиссар Василий Васильевич Воробьев. Он видел

583

мучения Алексея и искал подходы к воскрешению его души. И отыскал. Дал Мересьеву журнал со статьей о русском авиаторе Валерьяне Аркадьевиче Карповиче, который, оставшись без ноги, избрал протез, долго и упорно тренировался и вернулся-таки в авиацию:

«— Прочел? — хитровато спросил комиссар. (Алексей молчал, все еще бега глазами по строчкам.) — Ну, что скажешь? — Но ведь у него не было только ступни.

— А ты же советский человек.  
— Он летал на «фармане». Разве это самолет? Это этажерка. На нем чего не летать? Там такое управление, что ни ловкости, ни быстроты не надо.

— Но ты же советский человек! — настаивал комиссар...»

И произошло душевное возрождение Алексея. Он постоянно глядел в лицо вчера еще неизвестному Карповичу, запечатленному на журнальной странице. Даже подмигнул ему однажды, что не прошло мимо внимания Василия Васильевича:

«— Чего ты с ним перемигиваешься? — довольно спросил он.

— Полетим, — ответил Алексей.

— А как же? У него только одной ноги не хватало, а у тебя обеих?

— Так ведь я же советский, русский! — отозвался Мересьев...»

**В**ЫХОДИТ, далеко не все так просто, как того хотят люди, жаждущие полной ревизии духовного наследия и в жизни, в русской культуре, и занятые «фабрикацией» поминок по «официальной» литературе. Надо ли удивляться, что удар наносится ими и по деревенской прозе, считавшейся до сих пор духовной ветвью русской литературы. Ярлык «официальной» навешивается на нее уже на том основании, что она-де была признана официально. Стало быть, она просоветская и ей следует воздать полной мерой за все те прегрешения, какие записаны на счет всей советской литературы Ерофеевым и иже с ним.

Между тем столь откровенное неприятие и этой ветви отечественной словесности с головой выдает саму сущность «поминальщиков». Главное для них — заклеить все то в нашей культуре, что несет на себе народность, патриотичность. Для того же Ерофеева русское национальное, духовное настолько неприемлемо, что именуется не иначе, как «зоологической ненавистью» в народном сознании ко всему чужому.

Но, может, все-таки я в чем-то перегибаю, и автор вовсе не желал педалировать «национальную» тему в разговоре о национальном характере русской литературы, не имеющей ничего общего с названием «советская»? Ан нет. И убеждаешься в этом, вновь вчитываясь в гневные слова критика о «деревенской литературе» (а по сути — о добротной русской прозе В. Белова, В. Распутина, Б. Можая, Е. Носова и др.): «Прозападническое развитие советского

общества, спонтанное, не санкционируемое (так ли? — Б. Л.), но весьма определенное, способствующее тому, что в стране возникла общественная база для реформ, привело к все нарастающему конфликту между деревенской литературой и обществом (?!). Деревенская литература стала больше разоблачать, проклинать, чем возмечивать». В результате, считает В. Ерофеев, у литературы этой появилось «три заклятых врага».

Какие? Во-первых, женщина, превратившаяся из праведницы в образ чувственной и даже развратной жены; во-вторых, молодежь и связанная с нею субкультура, в частности рок-н-ролл и аэробика, вызывающая у деревенских писателей совершенно «зоологическую ненависть». Третий враг не нумеруется, но называется со значением: «деревенщичество» всерьез обеспокоены еврейским влиянием на русскую историческую судьбу. Их своеобразный расизм, «померченное» сознание определены историческим желанием переложить ответственность за национальные беды на «чужих», найти врага и в ненависти к нему сублимировать национальные комплексы».

Сознательно подчеркиваю слово «расизм». Определение его как «своеобразный» никоим образом не влияет на смягчение столь чудовищного обвинения в адрес той самой русской литературы, которую вроде бы автор взялся защищать. Непонятно только, от кого и зачем ее защищать? От «трухляндского» официоза, именуемого шовинизмом?!

Вот уж поистине, что только не творит с человеком озлобленность. И спорить с подобными, мягко говоря, выпадами в отношении целой литературы, по меньшей мере, несерьезно. Уличать человека, злонамеренно утрирующего какую-либо мысль о предмете и упрощающего этот предмет до примитива, занятие, право же, пустое и ненужное.

**Ж**ИЗНЬ СЛОЖНЕЕ и богаче всех однозначных, однолинейных, одноцветных суждений о ней. Вот и литература не сводится к набору каких-то имен или же сочиненных схем и умозаключений, а потому не укладывается в нормативные рамки всевозможных «поминок», «декретов неприятия», которые нередки ныне в периодике леворадикальных изданий.

Впрочем, агрессивный «выброс против официальной (стало быть, принятой и признанной народом) литературы имеет и позитивное значение. История литературных споров в переломные моменты жизни общества дает возможность увидеть, как начинался новый, кстати, не завершившийся и поныне, процесс смены идеологических верований, процесс вызревания и закрепления научных представлений о вечных категориях искусства. Именно в недрах литературы выявляется каждый раз основной конфликт эпохи — приход в жизнь новых людей — носителей идеалов наступающих перемен.

# КОНЪЮНКТУРА БЕЗДУХОВНОСТИ

**О** ДНАЖДЫ теплым апрельским вечером по Тверскому бульвару подходили мы с писателем Юрием Махенко к Пушкинской площади. Неожиданно из метро вырвался поток — человек двести мальчишек. Всем лет по 15—17. Шагают быстро. Все озабоченные, глаза горят. Люди жмутся к стенам перехода — иначе смнут.

Вышли мы из перехода к памятнику Пушкину. Там — толпа таких же юнцов. Что-то выкрикивают... Потом потоптались у бровки тротуара и, игнорируя переход, устремились через проезжую часть улицы. Машины визжат тормозами. Все замерло. А из перехода, что возле магазина «Наташа», — новая толпа.

— Кто это? — удивляются прохожие.

— Наверное, металлисты с люберами драку затевают.

— Нет, это нацики.

— Кто?

— Нацики. Нацисты.

Так вот и узнал, что, оказывается, ежегодно собираются в Москве нацики. И не только москвичи. Дату сбора выбирают 21 апреля — между днем рождения Гитлера (20 апреля) и днем рождения Ленина (22 апреля).

Фантасмагория какая-то! Долго не спал, много думал. Не верилось, не укладывалось в голове, что у нас есть нацисты. Откуда они взялись, на какой почве могла произрасти их идеология? Однозначных ответов, очевидно, нет. Но мне вдруг вспомнился разговор с редактором одного из московских издательств. Не так уж молод был мой оппонент — довелось в детстве хлебнуть военного и послевоенного лиха. А вот сказал: «На примерах военных подвигов мы воспитывали от войны и для войны. В центре художественных произведений был подвиг человека в бою. Александр Матросов, Зоя Космодемьянская воспитывались на Чапаеве. А сейчас война не предвидится. На земле скопилось столько оружия, что, случись война, все погибнут. И молодежь понимает, что войны не будет. Ей не придется повторять подвиг Матросова или Гастелло. Сейчас надо воспитывать на внутренних противоречиях, разбираться в духовном мире человека с его сегодняшними заботами. Надо баламутить духовный застой, очищать от этого застоя».

Я с моим другом Ваней Сабуренко убежал на фронт. Нам не было и по тринадцати. Мы воспитывались на Чапаеве. Но то, скажут, была война, а теперь мир разоружается. Пусть так, хотя, думаю, еще рано

нам рисовать голубей на артиллерийских лафетах. Да и только ли для войны надо воспитывать молодежь на примерах героев? На чем, на ком воспитываются солидные нацики? А те подонки, которые освещают памятники погибшим героям?

Мне часто приходится выступать по линии бюро пропаганды художественной литературы. Аудитория разная — от пионера до пенсионера. Обычно задают вопрос: «Над чем сейчас работаете?» «Закончил книгу «Командарм Лукин». Знаете такого генерала?» Молчание. «А знаете Багратиона, Раевского, Барклая-де-Толли?» Лес рук. И это понятно: со школьной скамьи, из учебников, кинофильмов мы знаем героев Отечественной войны 1812 года. И это естественно. И вечная будет слава героям, разбившим армию Наполеона. Но помните у Лермонтова: «Не будь на то господня воля, не отдали б Москвы». И еще: «Москва, спаленная пожаром, французю отдана...»

Отдана... Не хочу подвергать сомнению решение великого полководца на военном совете в Филях. Возможно, Кутузов был прав, отдавая неприятелю Москву. Но в 41-м Москву не отдали. Уж и не знаю, господня ли воля не позволила бойцам, стоявшим насмерть под Смоленском и Вязьмой, не отдать столицу.

А до сих пор по сторонам старой смоленской дороги лежат косточки... Уже больше сорока лет люди просят правительство поставить памятники погибшим за Отечество. Ну, что стоит живущим не забывать тех, кто отдал жизнь за нас, живущих?

Хотите конкретный адрес? Вязьма. Там четыре армии (19-я, 20-я, 24-я и 32-я) и группа генерала Болдина полегли за землю русскую, за Москву. Тут погиб воспитанник внутренних войск командующий 33-й армией генерал-лейтенант М. Ефремов. Но до сих пор нет памятника павшим здесь героям. До сих пор не разминирована земля под Вязьмой, а по сторонам дороги Москва—Минск лежат останки непохороненных солдат. Местные мальчишки и сейчас еще подрываются на минах в глубине русского леса.

Так что же, описывать это или дело святое делать? Вот под Ленинградом взяли студенты из Казани хотя бы напомнить о героях, сложивших головы за город — святыню на Неве. И после этого многие матери услышали имена погибших сынов своих, жены — мужей своих.

Но, честно говоря, студентам ли этим заниматься? Герои—солдаты и офицеры,—

стоявшие насмерть под Мясным Бором, гибли за Родину-мать. А Родина, выходит, забыла о своих сыновьях. Нет, не студенчеству заниматься святым делом! Это долг Родины, правительства — поднять из глени забытых своих сынов.

Почти пять армий полегло на подступах к Москве. И там, где прорывались они из окружения, стремясь грудью встать на защиту столицы — под селом Богородское, — до сих пор нет им памятника...

Кто виноват? Ветераны просили и сейчас просят нашу верховную власть отдать, наконец, священный долг героям. В ответ — слишком много причин для отказа... Вот и нет до сегодняшнего дня ни в Москве, ни в Смоленске, ни в Вязьме памятника тем, кто отстоял Москву. И опять мунительное: почему?

А ведь те бойцы в лесах под Вязьмой дрались до последнего вздоха. Голодные, почти без патронов и снарядов под командованием четырехжды раненого генерала Лукина, они приковали к себе 28 вражеских дивизий и не пустили их к Москве.

Маршал Жуков: «Благодаря упорству и стойкости, которые проявили наши войска, дравшиеся в окружении в районе Вязьмы, мы выиграли драгоценное время для организации обороны на Можайской линии. Кровь и жертвы, понесенные войсками окруженной группировки, оказались не напрасными. Подвиг героически сражавшихся под Вязьмой советских воинов, внесших великий вклад в общее дело защиты Москвы, еще ждет своего описания».

Ждет своего описания. Прославленный полководец надеялся на описание подвига героев...

**ЧЕЛОВЕК** живет не только настоящим и будущим, но и прошлым. Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости, писал Пушкин. В прошлом, в великих делах своего народа, его лучших сынов человек черпает силы. Прошлое — это наша память.

Да, много было допущено трагических ошибок и даже злонамеренных преступлений перед народом. Но этот народ, когда пришла беда, встал грудью за Родину. И незаслуженно пострадавшие дрались за Отечество. Вспомним хотя бы Рокоссовского, Горбатова...

Очень важно, что мы теперь с болью и негодованием говорим о прошлых вопиющих беззакониях, ошибках. В последнее время стало модным «размывать лицо врага». Но нельзя же при этом размывать лицо героя. Нельзя размывать славу нашего давнего и не очень давнего прошлого. Иначе... Уже дали волю изуверам осквернять могилы героев, дали волю нацикам свободно гуртоваться на своих сборищах в Москве, у стен которой был остановлен фашизм.

Мы открываем белые пятна нашей истории, но нельзя же все пятна замазывать дегтем. Белые пятна — это не только ошибки, вопиющее беззаконие, изуверства не-

давних «вождей», но и незаслуженно забытые вовсе или ушедшие в тень нашей истории герои.

Все, о чем я тут говорил, сам назвал бы контрпропагандой. Оборонительной контрпропагандой, а не наступательной. К сожалению, мы как-то свыклились с тем, что наши идеологические, мягко говоря, оппоненты начинают свою борьбу первыми.

Так было сразу после Великой Отечественной войны. Битые гитлеровские генералы (Гот, Типпельскирх, Гудериан и др.) очень быстро опубликовали свои мемуары. Немало было в их трудах попыток исказить историю войны, обелить свою армию и своих генералов, свалить вину за поражение на Гитлера. И лишь гораздо позже наши генералы, маршалы, военные историки в своих трудах стали доказывать правду о минувшем. Но первое слово уже было сказано, уже запало оно в души и мозги молодых немцев (да и не только немцев). А мы стали как бы отстреливаться.

Оборонительная позиция сохранилась и сегодня. И не только по отношению к «импортным» оппонентам. Не буду перечислять всех открывателей белых пятен нашего военного прошлого. Возьмем хотя бы журнал «Огонек». Чего там только не навывдумывали новоявленные историки и бывшие военные и государственные деятели!

В своих воспоминаниях Хрущев, к примеру, пытается оправдать себя и командование Юго-Западного направления за просчеты, приведшие к катастрофе советских войск весной сорок второго под Харьковом. В них много искажений и откровенных передержек. И только после этого некоторые наши журналы и газеты начали «отстреливаться» архивными документами, задним числом доказывать правду. Но слово не воробей... Неправдивое слово Хрущева уже сказано и разлетелось по свету многомиллионным тиражом.

А какой поток искаженной, предвзятой информации о нашей вчерашней и сегодняшней армии обрушивается на молодежь с теле- и киноэкранов! Особенно сейчас достается воинам внутренних войск. В стране то тут, то там возникают горячие точки. Экстремистски настроенные правители некоторых республик разжигают национальную рознь. Еще вчерашние друзья теперь стреляют друг в друга, а пули летят в бойца спецназа. Воистину внутренние войска оказались между молотом и наковальней. Одни кричат: «Оккупанты, убивайтесь!», другие: «Спасите! Защитите!» А средства массовой информации спешат подхватить любую «утку» о внутренних войсках и почернее разукрасить ее. Возмущаются ветераны, офицеры и солдаты. Кто-то пытается отбиваться. Но ведь всем известно: лучшая оборона — это наступление.

А что мы имеем в арсенале средств нашей пропаганды? Вроде бы немало. Органы периодической печати, издательства, телевидение, киностудии... Телевидение и

кино поставил бы в особый ряд. Всем понятно, что в наше время они являются самыми массовыми, а значит, и самыми действенными средствами пропаганды, мгновенно воздействующими на сознание сотен миллионов людей. Но что получается?

Приведу совсем свежий факт. С наивной мыслью о том, что драматическая судьба генерала Лукина может заинтересовать кинематограф, я написал сценарий художественного фильма и представил в одно, а потом и в другое творческое объединение «Мосфильма» заявку. В ней были такие строки: «Мне кажется, фильм «И жребий с жребием не схож» сейчас нужен особенно молодежи. Ей нужен Герой, которому хотелось бы подражать».

При всех наших поисках лучшей доли народа, лучшей доли Отчизны вечными должны быть ее Герои, тем более незаслуженно ушедшие в тень истории.

...К охватываемому в сценарии периоду войны и судьбе командарма Лукина надо привлечь миллионную аудиторию. А это может сделать кинематограф».

Прочли заявку — понравилось. Прочли сценарий — и он с будущими доработками мог быть принят.

— Да только вот в чем беда, — сказал один солидный кинотоварищ, — дорого вато стоить будет фильм. А помолчав, признался, что не в деньгах дело: — Армия потеряла свой авторитет, не пойдут зрители на фильм о войне. Надо что-то такое... Чтоб кассовый сбор был. Конъюнктура нынче другая...

**К**ОНЬЮНКТУРА. А на Центральной студии имени М. Горького разговор состоялся и вовсе откровенный. Туда я предложил сценарий о сыне легендарной в годы гражданской войны Стальной дивизии. Напомнил при этом, что художественный фильм по моему сценарию «Венок сонетов» о мальчишках на войне завоевал главную премию на X Всесоюзном кинофестивале. И услышал в ответ: «Помню, конечно, однако военная тема у нас теперь не котируется. Нужна экранизация классиков, лучше зарубежных, трагифарс с приключениями или что-то в этом роде».

Эту линию ответственных кинодеячей четко отражают и афиши кинопроката: «Интердевочка», «В городе Сочи — темные ночи», «Беспредел». А если уж о современной армии, то «Караул» или «Штрафники».

Так сколько же можно самих себя обливаться грязью? Почему люди, для которых Родина — самое дорогое на свете — подчеркиваю: дорогое! — вынуждены от недалеких, неумных порой людей терпеть оскорбления и посягательства на светлое — любовь к Родине, взрастившей их!

Не сомневаюсь, сгодился бы фильм о бывших воинах-афганцах, ставших теперь рэкетирами. Ведь сегодня котируется любая бездуховная «чернуха», «порнуха», лишь бы все билеты были проданы, лишь бы кассовый сбор приносил миллионы. Кинематографическая начальники вовсе не

обеспокоены, чем с их благословения забиваются мозги завтрашних граждан страны. Видимо, не волнуют их сборища сопливых нациков.

Сегодня никто не назовет имени солдата, сраженного первой пулей, павшего с оружием в руках в первую минуту войны. Никто не назовет имени солдата, павшего от последней пули фашиста в последнюю минуту войны. А между ними — миллионы павших известных и неизвестных героев. Если бы благодарная наша память могла оживить их... Если бы увидели они оскверненные могилы, услышали вопли новоявленных нациков. Как бы эти юнцы, вчерашние пионеры, смотрели им в глаза?

Сейчас в стране, как грибы, растут всевозможные хоз- и полухозрасчетные киностудии, кинообъединения. И едва ли не все они работают на конъюнктуру, обеспечивающую прежде всего кассовый сбор.

Конъюнктура. Она затмила своим сексофарсо-порнографическим крылом святыне понятия патриотизма, героической памяти нашего народа, чести сегодняшней и завтрашней армии. И ничего с этим нашествием не могут поделать сценаристы, режиссеры, умеющие и желающие создавать патриотические фильмы.

Что же делать? Центральное телевидение выделило армейской теме всего один час экранного времени в неделю — программу «На службе Отечеству». Киностудия Министерства обороны ограничена выпуском учебных фильмов. А почему бы не дать Министерству обороны и Министерству внутренних дел, патриотическим объединениям собственный телевизионный канал? Понимаю, это из области фантазии. Это только отечественные коммерсанты могут позволить себе иметь такую роскошь — собственный канал «2 x 2».

И все же, что если на базе военной киностудии, сохранив все ее обязанности, создать военную студию художественных фильмов? Убежден, что найдутся талантливые кинематографисты, для которых святыне понятия память, долг, честь Отчизны, ратная русская слава не потеряли первоначального значения. И появятся на экранах фильмы, достойные «Чапаева», «Офицеров», «Баллады о солдате». И кассовый сбор обеспечат — уверен в этом. Ведь уже не только людям старшего поколения, но и молодежи изрядно надоели «чернухи», «порнухи» и прочие «ухи».

Думаю, надо обязательно найти возможность создать военную студию художественных фильмов. Вот ведь студия военных писателей совсем недавно казалась несбыточной идеей. А действует! Недавно создана Всесоюзная ассоциация писателей-балталистов и маринистов. Идут разговоры о создании при ней студии художественных фильмов. Дай-то бог! Только нельзя решение этого вопроса откладывать в долгий ящик, если мы хотим, чтобы наша патриотическая пропаганда уже сегодня стала наступательной.

Виктор МУРАТОВ.

# ПРИВЕРЖЕНЫ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ТЕМЕ

Интервью с первым заместителем

главного редактора журнала «Наш современник» Д. П. ИЛЬИНЫМ

— Дмитрий Петрович, сейчас много говорится и пишется об армии. К сожалению, в основном о ее недостатках. Все, кому не лень, пытаются критиковать военных. Уже определился свой круг очернителей армии. Им охотно предоставляют свои страницы газеты «Московские новости», «Московский комсомолец», журнал «Огонек».

А каково отношение к Вооруженным Силам, воинам пограничникам и внутренних войск «Нашего современника»?

— Наш журнал, как хорошо известно, один из немногих литературно-художественных и общественно-политических изданий, кто вот уже на протяжении более тридцати лет сохраняет приверженность патриотической теме. И мы горды этим.

Девиз «Нашего современника» — верность. Верность Родине, России. Ведь понятие Россия всегда ассоциировалось в нашей истории с понятием государственности, державности. А оплотом Отчизны, ее щитом и мечом была, есть и будет армия. Вот почему наше отношение к Вооруженным Силам никогда не менялось в угоду политической моде. Мы всегда выступали за патриотизм, за нашу армию.

Я сам почти тридцать лет ощущал на своих плечах тяжесть погон. Не понаслышке знаю трудную военную службу. И разве поднимется у меня рука бросить с журнальных страниц не то что камень, худое слово в адрес людей ратных?!

У «Нашего современника» с армией, можно сказать, одна платформа, одна задача — защита Родины. Мы вместе отстаиваем идею патриотизма, идею Отечества. На том стояли и стоять будем в нерушимом строю.

— Среди военных читателей «Наш современник» пользуется заслуженной популярностью. Знаю офицеров и прапорщиков, выписывающих журнал не один год. И все же немало людей лишь понаслышке судят о главном издании писателей России. Расскажите, пожалуйста, об истории журнала, о том, кто печатается в нем, какие творческие силы объединяет он в наше сложное, смутное время!

— «Наш современник» сейчас широко известен у нас в стране и за рубежом. А первые периодическое издание с таким названием вышло в свет в 1956 году, сначала в виде альманаха, а с 1964 года — ежемесячного журнала.

Очень многое для становления издания, завоевания им широкой популярности сде-

лал замечательный русский поэт С. В. Вилкулов. Более двух десятков лет он возглавлял наш журнал. С тех пор «Наш современник» не сбивается с пути патриотического движения. С его помощью выращена плеяда замечательных русских писателей. Это прежде всего такие корифеи национальной и мировой литературы, как Валентин Григорьевич Распутин, Василий Иванович Белов, Виктор Петрович Астафьев, Василий Макарович Шукшин, Владимир Алексеевич Солоухин, Юрий Васильевич Бондарев, многие другие авторы журнала, которые оставили заметный след в русской прозе.

А наши поэты? Можно перечислять много славных имен. Скажем, кто не знает творчество выдающегося русского поэта Николая Рубцова, который уже сейчас стал по существу классиком национальной поэзии. Есенинские и рубцовские традиции продолжают в своем творчестве и нынешние авторы поэтической рубрики журнала: Юлия Кузнецова, Глеб Горбовский, Надежда Мирошниченко, Виктор Лапшин, Нина Карташова, Александр Макаров, Светлана Сырнева и другие поэты из ближних и дальних уголков России.

В нашем творческом арсенале оружие огромной духовной силы. Это хорошо понимают те, для кого как кость в горле понятия Патриотизм, Народ, Держава. Сепаратисты всех мастей и оттенков, лжедемократы пытаются извратить позицию журнала. В чем нас только не обвиняют! Мол, «Наш современник» и рупор ультраправых, антиперестроечных сил, и журнал русских шовинистов.

Скажу четко и определенно: все это ложь. Подобные обвинения или провокация, или несусветная глупость. «Наш современник» можно любить или не любить, но даже недоброжелатели не могут не признать его истинно демократического, народного характера. Ведь именно у нас зародилось целое направление в советской литературе — деревенская проза, в остро-критическом ключе повествующая о гибели российского села.

Мы никогда не боялись идти против течения. И даже когда нынешние ура-перестроечники пели дифирамбы Брежневу, восхваляли «развитой социализм», «Наш современник» писал правду, подчас очень горькую и небезопасную.

Виктор Астафьев, который был много лет членом редколлегии журнала, так вспоминал

о тех временах махрового зстоя: «Все авторы разгромленного «Нового мира» перешли к нам. Даже Тендряков строптивый печатался у нас. Ну а уж Федор Абрамов, Шукшин... все у нас были... Повесть покойного Ермолинского о Рашидове. В то время! За которую нам так давали.. И те же критики, что громили «Новый мир», кстати говоря. Все же мы живы короткой памятью...».

И вновь история повторяется. Против духовного и художественного преемника «Нового мира» времен Твардовского снова развернута кампания шельмования и травли. «Наш современник» подвергают нападкам те же силы, что преуспели в клевете на армию. Действуют по единым рецептам: ври, навешивай ярлыки, подстрекай и провоцируй.

Последствия антиармейской истерии, развязанной некоторыми органами печати, люди в военной форме каждодневно ощущают на себе. Ведь до чего дошло дело! В мирное время, в своей стране политическими бандитами убиты десятки военнослужащих. Вот плоды информационного терроризма.

От угроз, от слов к делу переходят антипатриоты и в отношении нашего издания. Не так давно была разгромлена квартира известного публициста, автора «Нашего современника» М. Антонова. Как уже сообщалось в центральной прессе, 22 апреля было совершено нападение на члена редколлегии журнала секретаря Союза писателей России В. Бондаренко. Его жестоко избili, похитили редакционные документы и стенограмму заседания депутатской группы «Союз». Экстремисты не погнушались и мелкой пакостью: разбили вывеску на здании журнала. Уж очень кому-то ненавистно даже само название нашего издания.

Так что с воином — нашим духовным братом-близнецом — мы сейчас в одном положении, на одной стороне идеологических баррикад. Будем же вместе отстаивать интересы Отечества.

— Дмитрий Петрович, понятно, что делать нам это придется все же разными формами и методами. Согласитесь, у армии, флота, пограничных и внутренних войск свои особенности, своя специфика, а у журнала своя. Где же найти конкретные точки соприкосновения?

— Это прежде всего область высокой духовности, гражданственности и патриотизма. Сейчас по всей стране наши единомышленники те, у кого болит душа за Отчизну, объединяются на местах в клубы, общества, группы сподвижников журнала. Мы со своей стороны обязуемся координировать совместные усилия в сфере культурно-просветительской и патриотической деятельности. Для этого готовы ввести новую рубрику «В клубе друзей «Нашего современника», где будем знакомить читателей с жизнью и делами патриотов каждого уголка страны. Ждем писем и от людей в военной форме.

— Конечно, хорошо, когда газета, жур-

нал выступают в роли коллективного организатора добрых дел на пользу Отечеству. И все же главное предназначение их в другом: регулярно доставлять духовную пищу своим читателям. Какими зарядами высокой нравственной силы порадует «Наш современник» своих читателей в этом и будущем году!

— Планы наши достаточно широкие, разнообразны. Сейчас в журнале публикуется один из лучших романов В. Пикуля «Барбаросса». Кстати сказать, Валентин Савич был постоянным автором журнала. И после его смерти эта линия продолжается. Рукописи — не горят, настоящие произведения не умирают. Как бы в подтверждение этого мы намерены в 1992 году опубликовать главы из, пожалуй, самых популярных романов В. Пикуля, которые ранее были запрещены цензурой.

Думаю, не оставят равнодушными наших подписчиков новые произведения замечательного русского писателя В. Белова. Он обещал нам рассказ, эссе и главы новой книги.

С очерками, публицистикой выступит на страницах «Нашего современника» В. Распутин.

Юрий Бондарев представит на суд читателей журнала продолжение книги «Мгновения». Она состоит из коротких зарисовок, в которых автор размышляет о судьбах нашей Родины, жизни России в политическом контексте перестройки.

У нас будет напечатан роман, пожалуй, сейчас самого крупного исторического романиста второй половины двадцатого века Дмитрия Балашова. Это произведение о Сергии Радонежском. Обязательно прочтите его.

А помните знаменитые «Камешки на ладони» В. Солоухина? Автор постоянно развивает эту тему. О нравственных поисках наших духовных корней в свете сегодняшних событий он рассказывает в продолжении книги. Впервые она будет напечатана в «Нашем современнике».

Как всегда, очень острой будет наша публицистика. Уже заявлены статьи на самые актуальные темы таких известных авторов, как И. Шафаревич, В. Кожин, К. Раш и другие.

Есть еще масса очень интересных задумок. На подходе материалы поистине сенсационного характера. Но это, уж извините, пока редакционные тайны. Впрочем, выписывайте и читайте «Наш современник», и они откроются для вас, наши дорогие духовные побратимы. Подписаться на журнал можно в любом отделении связи, а также у себя в части через общественных распространителей печати.

Дорогие воины! Возьмите в руки любой номер «Нашего современника», например, майский, и вы сами убедитесь, что мы пишем об армии не по заокеанскому заказу и не по местному приказу, а по зову сердца.

— Спасибо за откровенный разговор.

Беседу записал А. КОНДРАШОВ.

# СМЕРТЬ

Александр  
СТАШКОВ

# «ХАМЕЛЕОНА»

(ЗАПИСКИ СТАРШЕГО ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННОГО  
МОСКОВСКОГО УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА)

**П**ОД МИРНОЕ убаюкивание диктора Всесоюзного радио Ершов заканчивал утреннюю разминку в собственном кабинете, приводя душу и тело в рабочее состояние. А в кабинете потому, что допоздна проторчал здесь и заночевал на столе. Динамик захрипел, прокашлялся и голосом дежурного по отделению Саманова объявил:

— Сегодня в группу немедленного реагирования заступает старший группы, старший оперуполномоченный уголовного розыска Ершов. Члены группы: оперуполномоченный УРа Кулаков, участковый инспектор Каримов, кинолог Горин. По управлению следователь Ротов и эксперт-криминалист Зайцев.

Заработала прямая связь с шефом. Аркадий снял трубку.

— Аркадий Юрьевич, вы сегодня старший группы. Зайдите ко мне.

В кабинете у шефа приятно, по-домашнему урчал кондиционер. Пахло индийским чаем с жасмином. Спиной к двери, против начальника отделения милиции подполковника Волошина сидел элегантно одетый мужчина — маленькая голова, аккуратная прическа, тонкий торс.

— А вот и наш Ершов, прошу знакомиться.

Мужчина повернулся, и Аркадий узнал в нем своего одноклассника Игоря Петровского.

— Вот, Аркадий Юрьевич, представитель центральной прессы, журналист Петровский. Прибыл к нам, его интересует уголовная хроника дня.

Группа немедленного реагирования была в полном сборе: Коротков сидел у окна над открытой книгой и то ли читал, то ли дремал, Горин занимался очередным назначением своего четвероногого помощника, Каримов смотрел в окно, Кулаков говорил по телефону. Аркадий представил Игоря:

— Знакомьтесь, мой одноклассник Петровский Игорь Дмитриевич. Журналист. В течение дня будет с нами дежурить.

— Пойдем, мужики, перекурим, — поднялся Кулаков. — Пусть комиссар поделится воспоминаниями о своем трудном детстве.

— Веселый парень, — проводил взглядом Кулакова Петровский.

— Ага, да только грустных нам не надо. Ну да ладно, все это детали, у тебя как жизнь?

— Все по-старому, живу с мамой там же. Жены, детей не предвидится.

— Что так?

— Желания с возможностями не совпадают, а как у тебя?

— Жена была, да ушла, дочь есть, Кристина, на меня похожа. Живу в том же районе, в однокомнатной квартире.

Зазвенел телефон местной связи. Дежурный сообщил адрес выезда.

— Поехали, Игорек! На Ленинградском шоссе у дома 86 на пустыре кто-то издевается над собакой, от ее воя в округе слышен крик в жилах пенсионеров.

За домом восемьдесят шесть на пустыре стоял голубой «Даун». Тонкий, пронзительный собачий вой исходил оттуда.

— Иностранец какой-то, стервец, закрыл бедолагу в салоне, вот она и надрывается, — рассердился Кулаков и направился в сторону автомашины. — Его бы туда, стервеца, посадить, не так бы зав... — Кулаков остановился как вкопанный.

Дверца со стороны водителя была открыта. Рядом с автомобилем он увидел труп мужчины. Массивный перстень на левой руке и выглядывающий из внутреннего кармана «лопатник», набитый деньгами, грабеж отвергали начисто. Рядом валялись три окровавленных ножа. Черный пудель на поводке, привязанный к правой руке трупа, в страхе забился под автомашину и завывал хриплым воем.

Ершов занялся расстановкой сил.

— Коротков, убери собаку, свяжись с шефом, вызови эксперта, следователя и «скорую помощь». Горин с Каримовым, отработайте след с Рексом. Мы с Кулаковым обойдем дом, может, кто что видел. Петровский охраняет место осмотра...

Направляясь к дому, Ершов мысленно подвел философскую черту: «Во дела! Труп лежит минимум три часа, собака от воя охрипла, и никому дела нет!»

У машины «Даун» крутился эксперт Зайцев, щелкая фотоаппаратом, освещая фотовспышкой каждую мелочь, которая впоследствии может пригодиться. Глеб Ротов был занят осмотром места происшествия. Петровский стоял в стороне как пришибленный. Аркадий подошел к кинологу.

— Вон до того дерева собака довела, — сообщил он, — и закрутилась на месте...

Горин пытался вступить за Рекса, но Ершов его не стал слушать, подошел к Зайцеву:

— Вадим, отпечатай, пожалуйста, пальцы, — Аркадий кивнул в сторону трупа. — Кулаков съездит в информационный центр, может, наш клиент...

— С каких это пор наши клиенты на таких авто кататься стали!

Кулаков долго ждать себя не заставил, сообщение было утешительным: Валико Гургенович Геворгадзе, 40 лет, кличка Ваню, имел две судимости. Последний раз освобожден в 1978 году. Среди преступного мира имел неоспоримый авторитет. Почему и за что его убрали? Оставалось разделить пополам с Кулаковым связи Геворгадзе и подельщиков по последней судимости.



**ПОШЛО** три дня, новой информации не поступило. С утра позвонил Игорь Петровский и навязался на весь день в «помощники». Божился и клялся, что мешать не будет. День прошел в монотонных беседах, выездах. К вечеру, не привыкший к насыщенному распорядку, Петровский шел за Ершовым, еле передвигая ноги.

— Все, Игорек, — утешала его Аркадий, — последний клиент на сегодня.

Петровский кивнул.

— А то, если устал, можешь идти домой, я сам...

— Нет уж, давай вместе.

Они подошли к солидной, обитой кожей двери, Аркадий припал ухом: доносились автоматные очереди, скрип тормозов. Хозяин, по-видимому, крутил по виду боевик с лихими ребятами из полиции.

Дверь открыл хозяин:

— Здравствуй, Гурген!

— О! Аркашка, дорогой, здравствуй! Проходи, гостем будешь, — и цепким мгновенным взглядом хозяин сфотографировал Петровского. — Проходите в комнату, там «Полицейская академия» идет, а я на кухню, кофе поставлю.

— Гурген, я не кофе распивать пришел, у меня к тебе дело.

— Послушай, Аркашка, дела делами, а без кофе не выпущу.

При этом он достал из кармана дистанционный пульт, направил на дверь и нажал кнопку:

— Без кофе не выпущу, дорогой!

Уже в комнате, под звук автоматных очередей, Ершов, глядя в упор на Петровского, сказал, улыбаясь:

— Крупный платный специалист — консультант преступного мира.

Игорь широко раскрытыми глазами рассматривал квартиру. А смотреть было на что. Создавалось впечатление, что они по спецкомандировке Интерпола прибыли в другую страну. Только дорогостоящие подписные издания русских классиков намекали, что они в России. Все остальное было импортным. В комнату, плавно покачиваясь, в халате, шитом золочеными нитками, вошел Гурген Махарадзе. Он нажал на невидимую кнопку, раскрылись створки бара, и засверкали бутылки.

— Аркаша, может, по маленькой?

— Ну, Гурген, ты меня обижаешь, я же не употребляю.

— Извини, дорогой, при такой жизни все может быть... А товарищ?

Петровский отрицательно замотал головой. Гурген сел удобно в кресло, сделал глоток кофе, откинулся на спинку:

— Ну, что можно сказать про Ваню?

Заметив удивленный взгляд Петровского, Гурген взглянул на Ершова и спросил:

— Или я не о том?

— Гурген, ты от скромности не умрешь!

— Аркаша, тебе, как правильному менту, скажу, бригадиром он был у люберецких ребят. Выполнял спецзаказы. Последние два-три года стало известно, что он играет с ментами в непонятные игры, а у нас этого не любят.

— С кем он в паре работал?

Гурген замялся, соображая, как быть дальше.

— Ну, если сказал «А», то по закону земной цивилизации тебе, Гурген, просто необходимо говорить «Б».

— Цхаткели Гурам.

Поблагодарив за кофе, Петровский и Ершов вышли из квартиры.

Игорь присел на лавочку, Аркадий отошел позвонить. Когда он вернулся, Петровский спал. Ершов встал за плечо, объяснил, что его срочно вызывает шеф. Договорились встретиться утром в конторе и вместе навестить Гурама Цхаткели.

Шеф сидел, обложившись кипами бумаг, расписывал рабочую переписку. В этот момент он был больше похож на конторского клерка. Для полного сходства не хватало черных нарукавников. Волошин рукой указал на свободный стул, положив перед собой очередную деловую бумагу.

— Я хочу сказать, не жалеешь ты себя, Ершов, круги под глазами, бледный...

— Кому-то надо же работать.

— Нашел работу, какого-то там мафиозника пришили... Генерал Шаров звонил, говорит, есть дело прямо для Ершова вашего.

Аркадий вспомнил последнюю стычку с Шаровым, от которой остался неприятный осадок.

— Какую еще работу?—насторожившись, спросил он Волошина.

— В Ростовской области убили партийного работника, создают штаб по раскрытию преступления. Шаров включил тебя. Заодно и отдохнешь там на свежем воздухе...

Ершов ждал, что его в любой момент могут отстранить от дела: допоздна с Кулаковым обсуждал версии убийства Ваню. Остановились на том, что утром Аркадий встретится с Гурамом Цхаткели, а дальше — по обстоятельствам.

Утром Аркадий застал Кулакова в трудах. Тот составлял в поте лица план розыскных мероприятий. Надо было звонить Петровскому:

— Доброе утро, Игоря попросите, пожалуйста. Ушел уже?... Ах, не ночевал... У друга остался ночевать?..

Ершов отправился в дежурку. И тут увидел на столе телефонограмму: «27 июля в девять часов в своей квартире с признаками насильственной смерти (удушение шнурком) обнаружен труп гражданина Цхаткели Гурама Варламовича».

Кровь ударила в лицо. Опередали! Он помчался вверх, позвонил в четвертый отдел МУРа Локтеву.

— Леха, привет! Ершов.

— Ты, наверное, думаешь, что тебя еще можно с кем-нибудь перепутать?

— Новостей для меня нет?

— Аркадий, я только что приехал с осмотра трупы Цхаткели Гурама, он никак не связан с Ваню проходит? На одной чашке обнаружены четкие отпечатки пальцев, не принадлежащие Гураму.

— Когда его?

— Эксперт сказал, около 23 часов.

Во второй половине дня, томимый неприятными предчувствиями, Ершов отправился к Игорю Петровскому. Дверь открыла его мама, прищурившись, всмотрелась, кто пришел. Брови поползли вверх, она всплеснула руками:

— Аркаша! А где Игорь?

Посмотрела за дверь. Но вспомнила, видимо, сообразив, что школьные годы позади:

— Сказал, что у тебя ночевать будет... Да ты проходи, Аркадий, он, наверное, вот-вот появится.

Аркадий прошел в комнату Игоря. Там все оставалось по-прежнему, как будто не было позади пятнадцати лет. Присел за рабочий стол Петровского, стал прокручивать мысленно события минувших суток. Потом достал отпечатки пальцев, обнаруженные в квартире убитого ночью Гурама. И тут в глаза бросился отпечаток большого пальца на письменном столе Игоря. От неожиданности он даже подскочил на стуле:

— Не может быть!

Он нервно вышагивал по комнате, потом, успокоившись, достал из кармана дактопленку, переснял отпечаток пальца Иго-

ря, вышел в гостиную. Мать наматывала на клубок шерсть.

— Виолетта Витальевна, меня на работе ждут, я пойду. Вы не могли бы мне дать фотографию Игоря, он обещал.

На улице усталость и неизвестность навалились на плечи Аркадия. Решил идти домой, не заходя в контору. В подъезде своего дома подошел к лифту, постоял, махнул рукой и уже в который раз начал восхождение на свой одиннадцатый этаж, с трудом переставляя ноги. Последний этаж преодолел, можно сказать, чуть не ползком. Ввалившись в свою берлогу, включил телевизор, поставил чайник. Включил автомат-ответчик, сел, стал слушать:

«Папуля, я тебя так люблю! Как Золушка выглядываю в окно, а тебя все нет... Наверное, преступники тебе дороже дочери...»

Аркадий тяжело вздохнул. Здесь Кристина, дочка, права. Автомат-ответчик продолжал невозмутимо: «Сяя, солнце, потолок, река, яблоко, тундра, Антарктида, нырок, вобла, донор, уголь, ремень, дым, омуль, могила, столбовая, зима, альфа, морозы, рождество, Иркутск», — голос произносил всю эту белиберду, словно издеваясь над Ершовым. А в конце ехидно расхохотался. «Идиот какой-то», — подумал Аркадий и пошел принимать душ.

Растирался докрасна полотенцем после душа, и тут вдруг его осенило: «Это же школьная шифровка Игоря! Необходимо читать первую букву каждого слова, а «Сяя» — так он обозначал «Я...»

Ершов вновь включил автомат-ответчик. Получилось следующее:

«Я спрятан в дурдом, столбовая, замри».

Ну, столбовая, это скорее всего «Белые Столбы». Остальное все ясно, но почему он предупреждает меня: «Замри». Чертовщина какая-то. Аркадий позвонил в контору, Кулаков был на месте.

— Вить, привет!

— Добрый вечер, Аркаш! Тебя вечером шеф разыскивал, кто-то сверху беспокоил.

— Разберемся, запиши кое-что.

Ершов выдал подробные данные на Петровского, объявив его в розыск. Для этого он и брал фотографию у матери Игоря.

На утренней оперативке Волошин во всеулышание объявил, что Ершову оказано большое доверие Главным управлением внутренних дел и ему необходимо немедленно вылететь в город Ростов.

**В** УПРАВЛЕНИИ внутренних дел Ростова шла размеренная, спокойная жизнь. Аркадий подъялся к начальнику управления, доложил о своем приезде и готовности приступить к выполнению задания.

— Спешка, товарищ Ершов, ни к чему хорошему не приводит. Отдохните, осмотритесь, а завтра в 9.30 милости просим на оперативку.

Получив место в гостинице, Ершов отправился на городской пляж: куда же еще

в такую жару. Народу было много, поэтому он вышел за пределы пляжа и обосновался в гордом одиночестве на песке, недалеко от сплавного леса. Прохладная вода приятно обожгла тело. Аркадий расслабился, вступил в единоборство с волнами, забыв на время обо всех своих заботах. Наплававшись вдоволь, выкарабкался на берег, и прекрасное настроение испортилось в одну секунду: личных вещей на месте не было. Зато из-за бревен появился мужчина и махнул ему рукой. Когда он подошел к нему, тут и увидел одежду. Из-за сруба вышло еще пятеро крепко сбитых ребят. С одним из них — Дато — Аркадий встречался в Москве. Остальные были, очевидно, местные. Невдалеке сиял лобовым стеклом «мерседес» лимонного цвета. Войдя в круг, Ершов стал одеваться и делал это так, как будто рядом никого не было, чем задел за живое присутствующих.

— Вы бы, гражданин начальник, поздоровались для приличия, спасали бы сказали за то, что одежонку вашу охраняли, — ворочая золотой челюстью, ехидно сказал Дато.

— Оденусь, тогда и расцелуемся, гражданин Гоношвили.

Дато поморщился:

— Ребята, посмотрите, какой смелый ментенок попался! — и, сверля беспощадно узкими черными глазами, протянул Аркадию фотографию:

— Знаком хлопчик тебе?

Со снимка на Ершова смотрел он сам. Сфотографировали его у газетного киоска в Москве, где он всегда покупал газеты.

— Вот привез заказ нашим ростовским друзьям, чтобы примерили и надели на тебя «деревянный костюм».

Мысленно кляня себя на чем свет стоит за минутную слабость, Аркадий лихорадочно соображал, что делать. Чувствовалось, что ребята попались «добросовестные» и работу выполнят на все сто.

— Ну, ты хотя бы извинения попросил! Глядишь, мы бы тебя и простили.

Ершов молчал, голос подал Дато:

— Мужики, он же из правильных ментов, они и смерть принимают за талисман счастья!

— Прежде чем меня кончите, я успею до тебя, Дато, добраться. Одному мне там скучно будет.

Дато поежился, отступил назад и выхватил из кармана наган. Прозвучал выстрел, пуля, взрывлив песок, вонзилась у ног Аркадия.

— Ты мне еще поугрожай, ментовская рожа, не у себя в кабинете.

— В кабинете вы бы, гражданин Гоношвили, поджав хвост, стучали на своих друзей, да так, что мне бы пришлось вызывать стенографистку.

Дато озверел:

— Ну, козел!

— Петухом не был, как некоторые.

Присутствующие притихли, слушая перебранку Ершова и Дато. Трясущимися ру-

ками подняв пистолет до уровня груди, Дато стал надвигаться на Аркадия.

Зловещее молчание вокруг означало одно: еще секунда и...

Но неизвестно откуда в круг вскочил юнец и что-то шепнул Дато. И тут же пошел на выход. Дато поплелся вслед за ним. У выхода из сруба они остановились, горячо препираясь с кем-то третьим. Человека, с которым говорил Дато, Аркадий не видел, но отрывки слов до него долетали. Дато: «Мне заплатили, и я «сделаю» его».

Третий: «Ссориться не советую...»

Взглянув ненавидисто в сторону, Дато махнул рукой и пошел к «мерседесу». Остальные направились следом. До Аркадия долетело: «За всю канитель отвечаю...»

Ершов остался один. Взревел мощный мотор «мерседеса», шум двигателя стал удаляться. И в это время появился незримый до того собеседник. В пятидесятилетнем мужчине с курчавой поседевшей головой и острым пронзительным взглядом Аркадий узнал того, кому год назад в Дагомысе спас жизнь. Тогда у ресторана на него напали двое вооруженных молодчиков. По чистой случайности Аркадий оказался рядом. Когда они отбились от нападавших, тот скрылся, так и не представившись Аркадию. Впоследствии Ершов узнал его кличку — Черкес.

— Здравствуйте, Аркадий Юрьевич!

— Привет, Черкес!

Брови Черкеса полезли вверх:

— Зря хлеб не ешь...

Аркадий пропустил комплимент мимо ушей и в свою очередь спросил:

— Что ожидает вас за героический поступок?

Черкес не принял шуточного тона Аркадия:

— Я со своими сам разберусь, ты у себя разбирайся...



**УТРЕННЯЯ** оперативка в отделе уголовного розыска Ростова проходила по-деловому, четко. Люди, получившие задание, покидали кабинет. Аркадий с местным опером Григорием Николаевичем

Квитко нужно было проверить двух человек, живущих в дальней станице.

Бывает, приходится верить незнакомому человеку все — честь, жизнь: Аркадий все рассказал Квитко, и они договорились, что тот сам проверит подозреваемых, Аркадий вернется в Москву на три дня.

Подгоняемый тревогой за судьбу Игоря и своих ребят, работающих по делу убийства Ваню, Аркадий выжимал из двигателя все, что было можно. Утренняя заря подвигалась на Москву, и вместе с наступлением рассвета в город въехал Аркадий. У дома Кулакова он остановился. Часы показывали шесть. Ершов позвонил из таксофона.

— Напротив подъезда «Жигули» синие, жду. Захвати повесть...

Кулаков появился в спортивном костюме, и они тут же составили план, как Аркадию проникнуть в «Белые Столбы».

**В** ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ больнице закрытого типа «Белые Столбы» шел обед. К старшему дежурному врачу подошел санитар:

— В приемном покое представитель уголовного розыска, кого-то нам доставил.

— Хорошо, посмотрим.

В приемном покое Кулаков объяснил ему:

— Из вашего заведения совершил побег Шамота Олег Евгеньевич...

— Я слышал...

— Документы должны быть здесь.

— Заводи, я приму, в понедельник будет главный, он и разберется.

Кулаков ввел Ершова: отросшая щетина, оплывшее после бессонной ночи лицо, мятая одежда, красные глаза—за сумасшедшего он вполне мог сойти.

— У нас два дня... — на прощание успел шепнуть ему Кулаков.

Соседи по палате обедали. Ершов сел на стул, закрыл глаза и стал проигрывать ход действий. Дверь палаты открылась, вошел врач, довольно равнодушно спросил:

— Ага, новенький?..

Ершов повернулся лицом к нему и... бывает же такое: перед ним стоял Борис Кныш — тоже его одноклассник. Борька с таким удивлением смотрел на Аркадия, что того разобрал смех.

— Ничего не понимаю, Аркаш! Тут написано, — он показал на карточку, — что ты Шамота Олег Евгеньевич.

Кныш понял все с полуслова:

— Аркадий, я же прекрасно помню профессорского сына (так в школе дразнили Петровского). Здесь его нет.

Около полуночи «Белые Столбы» погрузились в глубокий сон. Ершов с Кнышем, одевшись в черную спецодежду, вышли в больничный двор и стали обследовать пристройки главного корпуса. Около четырех часов утра, когда на небе стали появляться первые признаки наступающего рассвета, Кныш взломал подвал, где садовник хранил свой инструмент, и они услышали слабый стон. Осторожно вошли в подвал, и в углу в большой клетке увидели по поясу раздетого, привязанного к металлическим прутьям Игоря Петровского. Кныш развязал Петровского, и тот свалился на руки Аркадию.

В условленном месте Ершов нашел автомашину, ключи, уложил на заднее сиденье Игоря и двинулся в обратный путь. По дороге в Ростов Петровский пришел в себя, подкрепился соками и заговорил. Он рассказал, что нарушил их договор и вечером пришел к Гураму Цхаткели. Когда они разговаривали, Гурам постоянно дергался и был весь на взводе. На улице Игоря ударили по голове, и он очутился в подвале. Садовник потребовал от Игоря, чтобы он рассказал все, что ему сообщил Гурам.

— Ну и что же рассказал Цхаткели? — не выдержал Аркадий.

Игорь улыбнулся через силу. Приятно было, черт возьми, после всего ада остаться живым, да еще в одной компании с Ершовым:

— Когда Гурам узнал, что я твой друг, он сказал: это единственный человек в ментовском мире, с которым бы хотел он поговорить с глазу на глаз. Но зазвонил телефон, Гурам переговорил и переменялся. Несколько раз пытался мне что-то сказать, но так и не решился. Провожая меня, сказал:

— Передай Аркаше: он не там ищет, все гораздо ближе.

— И все?

Петровский не ответил, Аркадий обернулся назад. Игорь спал.

**У**

ТРОМ в управлении уголовного розыска Ершову передали телефонограмму: «В связи со служебной необходимостью прошу срочно направить в Москву старшего оперуполномоченного уголовного розыска Ершова Аркадия Юрьевича, об исполнении доложить».

Вместе с ним в Москву приехал «в отпуск» и Григорий Квитко, который упрямил Аркадия включить его в группу, расследующую убийство Ваню.

**В**

ЕЧЕРНЕЙ приятной прохладой встретила их Москва. Видеть их вместе не должны, поэтому Ершов завез Квитко на квартиру своего дяди. Гриша, попавший первый раз в пятикомнатные апартаменты, с удивлением и восторгом рассматривал квартиру:

— Он что у тебя, миниетр?

— Что-то вроде этого... Тридцать дней никого не будет. Живи. Будем договариваться по телефону...

Тут же созвонился с Кулаковым и договорился о встрече. Информация, которую преподнес Виктор, была неутешительной. Садовник, как только узнал, что Петровский пропал, бежал в неизвестном направлении. Принятыми мерами обнаружить Садовника Виктору не удалось. Расставшись с Кулаковым, Ершов направился к Махарадзе. У дверей Гургена Аркадий прислушался: за дверью звучала музыка. Он позвонил в квартиру. Музыка стихла, однако дверь никто не открывал. Позволив еще несколько раз, Ершов вышел из подъезда, перешел на другую сторону улицы и посмотрел на окна Махарадзе. Ему показалось, что шторы на одном из окон чуть шеальнулись.

**П**

ЕРВЫЙ рабочий день пролетел как одна минута. Ершов отловил Махарадзе по телефону и договорился встретиться с ним. Махарадзе настоял на том, чтобы это произошло у него дома. В подъ-

езде Аркадий столкнулся с тремя парнями, от которых разило спиртным. Аркадий попытался обойти их, но один выставил ногу:

— Не торопись, мусоренок, поговорим. Стало ясно, что встреча не случайна.

— Что надо? — с вызовом спросил Ершов, горя желанием побыстрее все поставить на место.

— Кое-кому не нравится твое рвение в службе.

— Пусть напишет заявление, я рассмотрю.

— Не блатуй, мусорюга, а то мы быстро тебе язык укоротим.

Аркадий парировал удар, схватил за горло бьющего, а когда тот захрипел, сказал:

— Я вас, мразей, давил и буду давить...

Парень сполз по стене и плюхнулся на зад. Друзья пришли в себя и набросились на Аркадия. Завязалась драка, откуда-то появилась милиция. Когда их всех сажали в автомашину, Аркадию вновь показалось, что шторки на окне у Махарадзе покачнулись.

Дежурный, ознакомившись с удостоверением Аркадия, извинился и отпустил домой. Когда Ершов уходил из дежурной части, доставленные вместе с ним ребята кричали, что они это так не оставят и будут жаловаться в Главное управление внутренних дел.

Из телефона-автомата Аркадий снова позвонил Махарадзе. К телефону никто не подходил.

Все, что случилось, складывалось в весьма компактную и странную картину: охотился не он, а на него. Кто? Можно было разогнать воображение, но Ершов этого не любил. И тем не менее, группа внезапно появившихся в подъезде милиционеров наводила на невеселые размышления.

Сработал «прямой провод». Ершов, занятый своими мыслями, не сразу поднял трубку.

— Спишь? — недовольным тоном спросил Волошин.

— Думаю.

— Полезно, особенно если это вовремя.

— Понял.

— Ну что?! — заорал Волошин. — Что ты понял?.. Зайди.

Волошин встретил Аркадия у порога нервическим выступлением:

— Ну скажи мне, Ершов, когда ты угомонишься?! Почему от тебя нет покоя никому?!

Аркадий молчал, не понимая, с чего начинать и в чем оправдываться.

— За что ты их побил?

— Не понял?

— Вот! Теперь он не понял! — Волошин протянул Аркадию два склеенных листа. Вверху на отдельно подколотом белом листочке стояла «виза» генерала Шарова: «До каких пор можно с ним нянчиться, срочно провести служебное расследование, аттестационную комиссию и доложить».

Жалобу состряпали подонки, с которыми он столкнулся в подъезде. Из нее следовало, что, находясь в нетрезвом виде, милиционер Ершов не справедливое по

этому поводу замечание граждан ответил нецензурной бранью, словесно угрожал расправой. На замечания не реагировал, жестоко избил Шамшина Сергея Николаевича и Безыляна Геворга. Справка о побоях прилагается.

Аркадий отметил корявый язык «юрис-консульта» по составлению жалобы. Дождавшись, когда Ершов закончит чтение, Волошин спросил:

— Ну, и как прикажешь мне поступить?

— Согласно социалистической законности.

— Он еще издевается надо мной!

— Ну вы же спрашиваете?!

— Я хочу сказать, решается твоя судьба, и неизвестно, что будет завтра с тобой!

— Ценю вашу заботу.

— У меня приказ! Понимаешь, приказ! Подготовить аттестацию на тебя для комиссии. Я хочу сказать...

— Комиссия — это еще не вся советская власть, — раздражаясь и сдерживая себя, чтобы не взорваться, Ершов вышел из кабинета шефа.

Маразм, последнему дураку известно, что жалобы и анонимки пишут на тех, от кого хотят избавиться, думал Аркадий. До аттестационной комиссии оставалось три часа.

Заседала комиссия в просторном кабинете начальника политотдела, за Т-образным столом. На месте председателя сидел зам. начальника управления по службе Владимир Ильич Еменов. По обе стороны стола — представители комиссии, начальники отделов. Ершов вошел вместе со своим зам. начальника по уголовному розыску Дульевым. Аркадий доложил председателю комиссии, что он прибыл. Дульев огласил аттестацию Ершова, Аркадий и не подозревал, что подлость настолько беспредельна. Дрожащим голосом, то ли от волнения, то ли от вранья, Дульев читал: «За время работы на оперативном поприще товарищ Ершов зарекомендовал себя только с отрицательной стороны. Высокомерен, к мнению руководства не прислушивается. Доверие товарищей не оправдывает. За последний год им не раскрыто ни одного преступления. Последний случай с Ершовым нельзя уместить ни в какие рамки. Находясь в нетрезвом виде, избил двух гражданских лиц. Заключение: «По своим моральным и деловым качествам товарищ Ершов не может оставаться сотрудником органов внутренних дел...»

Дульев закончил читать, стер рукавом бисеринки пота с носа. В этот момент он был похож на пингвина. Ершову стало жаль его.

Наступившую тишину нарушил председатель комиссии Владимир Ильич Еменов:

— Вы согласны, товарищ Ершов с аттестацией своей?

— Нет. Моя работа научила меня апеллировать только к фактам. Вот некоторые из них, — Аркадий достал из кармана два листка. — Это справка из учетной группы, где сказано: за прошедший год мною рас-

крыто тридцать особо опасных преступлений. Это больше, чем у всех наших участковых инспекторов и оперативных работников, вместе взятых.

Зам. начальника по оперативной работе утвердительно закивал: кому, как не ему, знать о работоспособности Ершова.

— А вот это — медицинская справка из поликлиники Главного управления внутренних дел, свидетельствующая, что я был абсолютно трезв.

Обе справки Ершов положил на стол председателя.

— Нет, Ершов, я все это понимаю, но не вижу оснований не верить вашему руководству.

Председатель произнес все это так, как будто приглашал всех остальных выполнить команду «Фас!». С места подала голос Стоянова, начальник следственного отдела. Ленивым, сытым голосом она прокотала:

— Вы что же, ставите под сомнение решение своего руководства?

Со всех сторон посыпались окрики:

— Возмутительно!

— Кто давал ему право!

— Таким не место в наших рядах!..



**В** ПРИЕМНОЙ начальника управления никого не было.

— Здравствуй, Ершов, что у тебя? Проходи!

Аркадий положил на стол рапорт, в котором он высказал свое несогласие с заключением аттестационной комиссии. Начальник прочел, покряхтел, подвигал бумажками и в углу рапорта наложил визу: «По существу рапорта старшего оперуполномоченного УР капитана милиции Ершова А. Ю. не возражаю» со словами:

«Наивный ты парень, Ершов, все в облаках витаешь, воздушные замки строишь. Пора бы на землю опуститься...»

— Разрешите идти, товарищ полковник?  
— Идите.

На прием к министру ему необходимо было прибыть через три дня утром. А дело надо было делать. Убийца Ваню где-то жив, здоров и свободен. И Ершов съездил в «Березку» на Большой Академической, в комиссионный магазин радио- и телеаппаратуры на Садово-Кудринской. Его интересовал Садовник, на которого он имел подробные приметы, но все изъявившие желание помочь, не могли установить его.

В «Белых Столбах» фамилия значилась липовая. У обоих магазинов публика была разношерстная. «Ломщики» предлагали услуги в приобретении чеков, фарцовщики показывали лицом свой товар, подзывая к себе прохожих зевак. Лица кавказской национальности вереницей курсировали по бульвару. Сколько ни вглядывался в них Аркадий, Садовника среди них не увидел. Проголодавшийся, с больной головой Аркадий около часа ночи добрал домой и замертво свалился в постель.

**З**ВУЧНОЙ сиреной рывкнул телефон, Аркадий недовольно поморщился, но поднимать трубку не стал. Телефон взвыл дважды и замолчал, затем вновь рывкнул. Звонили по коду, он ждал сообщений от работавших в паре Куликова и Квитко. В ухо рассмеялся голосок до чери:

— Привет, папулька, один-ноль в пользу Кристины Аркадьевны.

— Согласен. Через два часа жду у себя, идем в цирк.

— Ага, папочка, волосы не разрешаешь подрезать, как я управляюсь с прической быстро?!

— Я сказал все! Выполняйте!

Ждешь выходного дня целую неделю, а он пролетает как одна минута. Натянув спортивный костюм, Ершов приступил к утренней разминке — одному из немногих занятий, доставлявших ему удовольствие. В квартиру позвонили. Он глянул на будильник: с момента разговора с дочерью прошло двадцать минут, значит, не она. Кого еще черти несут в выходной день? У входа в холл стояли двое ребят в коричневых костюмах и голубых рубашках: «Точно такие же носят в прокуратуре города», — подумал он. Открыл дверь. Справа у стены стояла целая делегация. Мужчина с кинокамерой, перекинутой через плечо, две женщины, мужчина в стальном костюме, с надменным лицом. Впереди стоящий представился:

— Старший следователь городской прокуратуры Гвоздев.

Все было похоже на дешевый розыгрыш. Но все присутствующие были не знакомы ему, и он не знал, как себя вести.

— Здрате, — коротко ответил он.

Все тот же Гвоздев протянул Аркадию свернутую бумагу.

— Ордер на обыск вашей квартиры, — сказал он, почему-то пряча глаза.

— Проходите.

В квартире свободного места было много, и обыск проходил очень быстро. Ничего не понимая, Ершов рассеянно смотрел на все это. Мужчина в стальном костюме открыл все створки шкафа, стал щупать карманы брюк и пиджаков, висящих на вешалках. Аркадию, следящему за манипуляциями его рук, показалось, что в ладони у него промелькнуло что-то зеленое. Гвоздев подошел к шкафу и пригласил женщин-понятых. В присутствии их стал выворачивать карманы. Глаза у Аркадия полезли на лоб — следователь показал работу фокусника высшего класса. Из карманов он стал доставать американские доллары. Ни много ни мало на общую сумму, как выяснилось, две тысячи пятьсот. Хозяин кинокамеры добросовестно снимал весь спектакль.

Когда все направились к выходу из квартиры, на пороге появилась Кристина. Заметив ее, Ершов как мог спокойнее сказал:

— Кристин, тут такое дело...

РДОХБН ОТП... ЗВОД  
дело... замена... сроч...

но в командировку вызывают, но я скоро вернусь и свое обещание выполняю, — он поцеловал дочь в щеку. Последнее, что запомнилось Аркадию: Кристина глазами, полными слез, смотрела на все и на всех, ничего не понимая.

В следственной комнате по результатам обыска и показаний якобы каких-то свидетелей старший следователь Гвоздев предъявил обвинение Ершову по статье 88 ч. 1 УК РСФСР (нарушение валютных операций). Протокол допроса и другие документы Аркадий отказался подписывать. Те же две женщины зафиксировали его отказ от подписи, Гвоздев был следователем прокуратуры, и поэтому прокурор, не задумываясь, арестовал Ершова. Так Аркадий попал в Бутырскую тюрьму. Он требовал вызвать к нему прокурора города, ему отвечали отказом. И Аркадий объявил голодовку. Однако руководство тюрьмы молчало. Необходимо было что-то предпринять — на свободе разгуливали и бесились с жиру убийцы и подонки. На шестые сутки Ершов попросил к себе следователя и ранее судимого Шиликина, как он объявил, для проведения очной ставки, где он намеревался дать важные показания.



**В** ТЮРЕМНОМ следственном кабинете Гвоздев в неизменном коричневом костюме, голубой рубашке, элегантно и жизнерадостный, готовился к встрече с Ершовым. Открыл «дипломат», достал портативную пишущую машинку, зарядил чистый протокол очной ставки, поставил дату, закурил сигарету. В углу сидел угрюмый Шиликин, перебирая в мыслях все свои грехи, за которые его могли вызвать на очную ставку. Сколько он ни силился провести грань между собой и Ершовым, ничего не получалось. Тяжело вздохнув, он тоже закурил. Гвоздев, услышав вздох, повернулся к нему. Шиликин явно кого-то напоминал ему. Вот только кого — он никак не мог вспомнить. В это время ввели Аркадия. Его опрятный вид, выбритое лицо обрадовали Гвоздева:

— Ну вот, давно бы так, а то голодовки какие-то...

С видом загнанного, побежденного человека Аркадий подошел к столу, за которым сидел Гвоздев. Будто намереваясь присесть, смахнул пыль со стула, а затем мгновенно перенес вес тела на ноги, ребром ладони нанес сильный удар Гвоздеву по шее. Тут же подхватил его за плечи, не дав ему удариться лицом о стол. Шиликин в страхе вжался спиной в стену. Страх парализовал его волю. Быстро сняв с Гвоздева ремень, Аркадий им же и связал его. Надвигаясь на Шиликина, спокойно приказал:

— Раздевайся, быстро!  
Трясущимися руками Шиликин сбрасывал с себя одежду.

— Сиди спокойно, а то!..  
Шиликин с готовностью затряс головой:

что такое «А то!», зная нрав Ершова, он догадывался. Аркадий взял со стола металлический жетон на выход из тюрьмы. На прощание глянул на Гвоздева, тот лежал неподвижно. Оставалось пройти путь, который он сотни раз проделывал, приезжая сюда на допросы. Только на этот раз ему выпала другая роль и единственный шанс доказать свою невиновность и расставить все на свои места.

Перед последним поворотом длинного коридора, набрав побольше воздуха в легкие, приблизился к сидящей за столом белокурой Вале или Кате, он всегда их путал. Та весело щебетала по телефону:

— Ну сапожки, Марин, я тебе скажу, отпад! Франция, 130 рэ.

Аркадий протянул ей жетон. Она механически, зауценным движением нащупала рукой полочку, где лежали документы. Мельком глянув на Ершова, протянула ему паспорт Шиликина. Оторвавшись от телефона, спросила:

— А сам-то где? — имея в виду Гвоздева.

— Пообедать решил.

— А-а! — и нажала кнопку.

Металлическая дверь поползла в сторону, выпуская Аркадия. В это время зазвонел телефон.



**В** СЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ внутренних дел получили телефонограмму: «Примите срочные меры к задержанию арестованного за особо опасное преступление Ершова Аркадия Юрьевича, 1953 года рождения, который совершил побег из Бутырской тюрьмы. Его приметы: на вид 35 лет, рост 180 см, плотного телосложения, волосы темно-русые, вьющиеся. Особые приметы: на правой щеке продольный шрам. При задержании соблюдать осторожность, преступник в совершенстве владеет приемами каратэ, боевым самбо, мастер спорта по боксу...»

С ней и ознакомил Аркадия Кулаков, когда они по вызову Ершова встретились на запасном аэродроме, на квартире дальнего родственника Кулакова.

— Виктор, какой оперативной информацией мы располагаем?

— Одни предположения, фактов мало.

В это время послышался условный стук в дверь. Пришел Григорий Квитко.

— Ну что? — спросил его Кулаков.

Квитко протянул листок: это был график движения Махарадзе. За три дня наблюдений было установлено, что домой он являлся неизменно к двадцати ноль-ноль.

— Ну, ребятки, с богом!



**О** КОЛО ВОСЬМИ вышел Махарадзе из лифта, шагнул к своей квартире и тут вдруг увидел Аркадия. Его появление для Махарадзе было настолько неожиданным, что он выпустил из рук свя-

зку ключей. Аркадий открыл дверь и пропустил вперед хозяина. Затем вслед за Аркадием вошли Квитко и Кулаков. Их появление как-то успокоило хозяина.

— Аркаша, здравствуй! — пролепетал Махарадзе.

— Думаю, ты догадываешься, что я с тобой не здороваться приехал сюда. Садовник передал мне привет, а где найти его, забыл сказать.

Махарадзе поморщился, как от зубной боли:

— Я не знаю Садовника, Аркаша... кланюсь мамой.

— Ну правильно, Дато с Садовником на встречу я привел.

— Вах, Аркадий, все понял, не надо свидетелей, я умоляю...

С этими словами он включил видак, как бы приглашая Кулакова и Квитко смотреть кино, а сам, поманив Ершова за собой, вышел на кухню.

— Я скажу, слушай, но если кто потребует повторить, я откажусь от сказанного.

Аркадия удивило, что Махарадзе стал говорить почти без акцента.

— В 69-м попался мне и моим подельщикам принципиальный, правильный мент, вроде тебя, мы и так с ним, и эдак, и все голяк. Славка Япончик надоумил: мы ему сыграли «спектакль» про любовь с картинками. Лорик играла как богиня, куда там Бриджит Бордо. Через полгода посадила она его в такую долговую яму, что мы даже удивились его быстрому согласию сотрудничать с нами. Но он был так себе, ноль без палочки. А Садовник, он же Дальновидец, решил взрастить его.

— Два вопроса. Каким образом делали карьеру? И кто такой Садовник?

— Садовник — мой двоюродный брат Каратошвили Мираб, одно время его звали Принц. А карьера — нет ничего проще! Задерживают менты нашего брата, ну там с полицим или еще как. Это у вас заминки всякие между собой — получить разрешение на допрос, то, се, а у Садовника — шалишь, он дает команду, невзирая на толщину тюремных стен, и вот уже «братишка» после беседы с этим ментом пишет чистуху, где он «прицепом» берет на себя три грабежа, штук десять квартирных краж или что-нибудь в этом роде.

— И все проходило гладко?

— Однажды один выкобениваться стал, а Садовник решил заработать менту внеочередное звание. И доказал всем, что будет так, как он решил. Этого мента не только к внеочередному званию, к ордену «Знак Почета» представляли.

Махарадзе замолчал и отрешенно уставился в окно. Говорил он убедительно, и то, что все это было правдой, не вызвало сомнений у Аркадия. Но что-то не нравилось во всем этом Ершову. Он достал из кармана фотографию, спросил:

— Садовник?

Махарадзе, отшатнувшись в сторону, закивал в знак согласия.

— Садовника возьмем, показания дашь?

— После того, как возьмете мента, — тихо сказал Махарадзе.

**К**

УЛАКОВ под нудные наставления мамы о вредности холостяцкой жизни и его невыносимом характере заканчивал ужин. Мать можно было понять — у всех дети как дети, успели по два раза жениться, детей нарожать, а этому из-за работы жить некогда. Пообещав маме пересмотреть взгляды на жизнь и поблагодарив за вкусный ужин, Кулаков отправился в свою комнату. Зазвонил телефон. Он снял трубку:

— Здравствуйте, Виктор Григорьевич!

— Здравствуйте...

— Я прошу передать вашему другу Ершову мою личную просьбу. Встречаемся с ним завтра в 12 часов на улице Алексея Толстого у дома шесть, он не пожалеет.

В трубке раздались короткие гудки.

В кабинете с дубовым массивным столом, шикарными креслами, с портретом Дзержинского в скромной гимнастерке, с укором рассматривающего затылок хозяина кабинета, тоже зазвонил телефон.

— Это я, — представился голос с легким грузинским акцентом.

— Ну что?

— Скользкий, как угорь, мои люди не могут сесть ему на хвост.

— Ему что-нибудь известно?

— Если предать огласке всю его информацию, мало никому не покажется.

— Делайте все, чтобы этого не произошло.

— А вы?

— Мои люди сделают все, чтобы при задержании его не стало.

— До встречи!

Положив трубку, хозяин заложил руки за спину, нервно прошелся по кабинету, открыл дверь — за столом сидела секретарша, закинув ногу на ногу.

— Соедините меня с начальником оперативно-розыскного отдела.

Начальник отдела Оркин ждал себя долго не заставил. Хозяин кабинета отдал распоряжение:

— Мне стало известно, что Ершов приобрел пистолет и «лимонку»... Дайте приказ применять оружие без предупреждения. Всю ответственность беру на себя.

— Есть!

Тут же во все подразделения полетела дополнительная телефонограмма по розыску Ершова: «Согласно полученной достоверной информации опасный преступник Ершов Аркадий Юрьевич, совершивший побег из Бутырской тюрьмы, вооружен пистолетом и гранатой. Во время задержания последнего оружие применять без предупреждения...»

В это же утро на квартире дяди Ершова собрались для подготовки операции по задержанию Садовника Квитко и Ершов. Пили чай. В квартиру дважды позвонили, и опять послышалось трение о дверь.

Квитко открыл. На пороге стоял Кулаков, позади мужчина плотного телосложения. Произошла заминка, Квитко не знал, кто этот мужчина, и не отходил в сторону, чтобы его пропустить в квартиру:

— Так и будем стоять? — спросил мужчина, а затем легонько крупной ручищей отодвинул в сторону Гришу, прошел на кухню. Аркадий, увидев Волошина, подскокил с места в ожидании, что следом в квартиру явится усиленный наряд милиции.

— Один, один, Аркадий. Хочу сказать, что я, может быть, где-то отступил от своих принципов, но совесть свою не продавал...

— Товарищ подполковник, у нас осталось мало времени.

— Да, да, я здесь не начальник, командуй, Аркадий Юрьевич, я готов.

У дома шесть, где назначил встречу Садовник, все просматривалось как на ладони.

— Способный, гад, — подумал Аркадий, подходя к лавочке. Сколько он ни смотрел по сторонам, ребят своих не заметил. На другой стороне переулка развивался флаг какого-то посольства, стояло несколько машин с дипломатическими номерами. В одной из них сидела за рулем девушка, как будто только что сошедшая со страниц западного рекламного журнала. Дверь подъезда в очередной раз хлопнула, из подъезда вышел парень в костюме «Адида» с сумкой через плечо. Поправив сумку, он пошел в сторону Аркадия. Ершов следил за его движениями. Тем временем девушка в машине закончила подкрашивать губы, сложила все в сумочку, и в руках ее появился пистолет. Аркадий этого не видел. Раздался выстрел, пуля угодила Аркадию в живот, от очередных выстрелов его отбросило на лавочку. Еще несколько выстрелов, которые произвел уже парень в костюме «Адида», раздробили спинку лавочки. Автомашина с рекламной девушкой подкатила к парню, и он запрыгнул в машину. Но не успели тронуться с места, как из переулка появилась «Волга» и протаранила их. Из автомашины выскочили Квитко, Волошин, Кулаков, Коротков. Все произошло внезапно. Сидящие в протараненной автомашине не успели оказать сопротивления. Всего этого, однако, Ершов уже не видел и не слышал: в тяжелом состоянии его доставили в госпиталь.

**В** ПОСЛЕДНЕЕ время везение отвернулось от хозяина кабинета. Весь генералитет стал косо поглядывать на него. Дай волю — зубы покажут. И этот, кто бы мог подумать, какой-то старший оперуполномоченный может в один миг разрушить все, что отлаживалось десятилетия.

На столе зазвонил все тот же телефон: номер значился за строительно-монтажным управлением, и знали его всего несколько человек.

— Это я, — сказал все тот же голос.

Сердце хозяина гулко застучало, отдаваясь в ушных перепонках.

— Не томи.

— Меры приняты, его нет...

Домой он возвратился затемно: теннис, сауна окончательно успокоили его. В приподнятом настроении отпустил машину, поднялся к себе. Семья вся выехала на загородную «виллу». Его шаги гулко отдавались в огромной квартире. Не разуваясь, прошел на кухню, достал из холодильника коньяк, залпом выпил. Разогретый напиток, подошел к видеомагнитофону, поставил кассету, включил телевизор. Шум вертолетов, скрип тормозов, автоматные очереди: на экране разворачивался сюжет разоблачения очередной коррумпированной мафиозной группы. Телефонный звонок оторвал его от экрана. Убрав звук, он поднял трубку:

— Да.

— Добрый вечер! С вами говорит полковник государственной безопасности Розан. Будьте любезны, завтра в 11.20 зайдите ко мне.

Положив трубку, он обхватил голову руками. Нехорошее предчувствие свинцовой тяжестью легло на плечи. Из рабочего кабинета, заливаясь трелью, зазвонил потайной телефон, для узкого круга. Пошатываясь, на ощупь добрался до кабинета, снял трубку. Трубка молчала.

— Алло! Алло! Кто это?

— Это я... — с легким грузинским акцентом ответила трубка, — ошибочка вышла, он остался живой... Понадобисься, найдю, — после паузы пошли короткие гудки, которые вывели его из оцепенения. Это конец, конец, конец...

— Пусто, все пусто... да пошли вы все к чертовой матери! Зашел в свою комнату, открыл шкаф, достал парадный генеральский мундир, вытащил из рабочего стола браунинг...



**А**РКАДИЙ через силу открыл глаза. Голову и тело страшно ломило. Справа от себя услышал до боли знакомое сопение. С трудом повернул голову и увидел на белой простыне маленькую подрагивающую руку. Повел взглядом дальше: на острых коленках, прикрытых белым халатом, ярко-желтые апельсины. В халате не по годам взрослая, прикусив нижнюю губу, чтобы не расплакаться, сидела Кристина. Положив свою большую ладонь на ручонку дочери, он улыбнулся ей. Встрепенувшись от тепла руки, Кристина подалась вперед, готовая выполнить любое его желание. С трудом ворочая языком, Аркадий извиняющимся тоном пролепетал:

— Прости, дочурка...

— Лежи уж...

Горький ком подкатил к горлу. Закрыв глаза, чтобы Кристина не увидела слез, осторожно сжал ее руку. С этим маленьким и в то же время таким большим человеком все проблемы Ершова отходили на задний план.



• КНИГА В ЖУРНАЛЕ • КНИГА В ЖУРНАЛЕ • КНИГА •



АГАТА КРИСТИ

Свидетельство со смертью

РОМАН

B

# ЧАСТЬ ВТОРАЯ

## Глава I

### Пуаро на каникулах

Полковник Кэрбери улыбнулся гостю и поднял бокал.

— За здоровье ловцов преступников!

Глаза Эржуля Пуаро зажмурились от удовольствия. Ни один другой тост не пришелся бы так кстати. Бельгийский детектив прибыл в Амман с рекомендательным письмом полковника Рейса к полковнику Кэрбери.

Этот последний горел желанием увидеть наконец знаменитость, чьи необычайные таланты так часто восхвалял его друг Рейс.

«Настоящий шедевр психологической детекции», — писал его коллега из разведывательного управления, имея в виду поимку убийцы Шайтаны.

— Мы постараемся показать вам все самые живописные места, — сказал Кэрбери, подергивая выключенные усики.

Среднего роста, коренастый и немного неуклюжий полковник был почти лыс, а его голубые глаза смотрели мягко и мечтательно. В нем не было решительно ничего военного — даже живости. А что до его представлений о дисциплине, то об этом лучше вовсе умолчать! И однако Кэрбери считался видным лицом в Трансиордании.

— Хотите увидеть Джераш? — спросил он Пуаро.

— Меня все интересует.

— Превосходно! Это наилучший способ ускользнуть от обыденной жизни. — И, немного помолчав, полковник добавил: — А вы замечали, что ваша несколько специфическая профессия преследует вас по пятам?

— Простите?

— Сейчас поясню. Разве вам не случалось, когда вы собирались уехать отдохнуть куда-нибудь подальше от преступлений, обнаруживать по дороге трупы?

— Да, конечно, и не раз!

— И вот как раз сейчас, — вкрадчиво заметил полковник, — меня крайне беспокоит один такой экземпляр.

— Вот как?

— Да. Старая американка, приехавшая в Петру со всем семейством. Путешествие утомительно. Дама страдала сердечным заболеванием, плохо переносила жару и тяготы пути. Вот и не выдержала. Умерла.

— Здесь, в Аммане?

— Нет, в Петре. Тело привезли сюда сегодня.

— Занятно!

— Эта смерть может показаться естественной. В ней нет ничего необычного, разве что...

— Что именно?

Полковник Кэрбери задумчиво поскреб гладкий череп.

— Я подозреваю, что ее убили домашние.

— Да? И что вас навело на эту мысль?

Полковник Кэрбери не ответил на вопрос прямо.

— Это была в высшей степени неприятная женщина. Никто не станет ее оплакивать, напротив, ее исчезновение всех только обрадовало. Однако получить доказательство преступления очень трудно, потому что все члены семьи поддерживают друг друга. Кроме того, надо избежать международного скандала. Лучше всего — прикрыть это дело, тем более никаких прямых свидетельств преступления нет. Один из моих друзей, врач, как-то рассказал мне, что очень многие его пациенты наверняка перебрались в мир иной до срока. На мой взгляд, в эти истории лучше не соваться, если нет весомых улик, иначе не оберешься неприятностей. Думаю, мой друг был прав. Однако... я прежде всего люблю порядок...

Узелок галстука съехал к левому уху полковника, носки спустились гармошкой, потрепанное пальто кое-где было испачкано и порвано. И все же Эржуль Пуаро даже не улыбался. В этом старом солдате он почувствовал глубокую порядочность и ясный ум.

— Да, я за порядок, — повторил Кэрбери. — Я ненавижу всякие темные истории и, если сталкиваюсь с ними, стараюсь по мере сил привести все в норму. Вы меня понимаете?

Эржуль Пуаро кивнул.

— Так что же, там не было врача?

— Наоборот, даже двое. Первый лежал в постели с приступом лихорадки. Вторая — девушка, только что закончившая Медицинскую школу. Но я не сомневаюсь, что она знает свое дело. В смерти старой дамы нет ничего необычного. У нее было слабое сердце. С некоторых пор она принимала лекарства. Поэтому на первый взгляд внезапная кончина не вызвала никаких подозрений.

— Что же вас беспокоит в таком случае?

Полковник Кэрбери посмотрел на Пуаро пронизательным взглядом.

— Вы когда-нибудь слышали о французе по фамилии Жерар? Теодор Жерар?

— Разумеется. Это известный ученый.

— Чокнутый! — уточнил полковник. — Я не понимаю, почему тот факт, что вы четырех лет от роду влюблись в экономку, позволяет вам в тридцать восемь вообразить, будто вы архиепископ Кентерберийский. Но

Продолжение. Начало в № 10, 1991.



такого рода субъекты способны найти объяснение чему угодно.

— Доктор Жерар — несомненно, крупный специалист по некоторым формам неврозов, — улыбнулся Эркуль Пуаро. — Но неужели его мнение о происшествии в Петре основано на подобной аргументации?

— Нет-нет! — полковник энергично помотал головой. — Будь это так, я и внимания не обратил бы на его мнение. Я, конечно, не сомневаюсь в познаниях ученого мужа, просто не понимаю этой абракадабры, вот и всё! Это напоминает мне бедуннов, которые, похлопав землю где-нибудь посреди пустыни, с точностью до километра говорят, где вы находитесь. Это, разумеется, не магия, но очень на то смахивает. Нет-нет, версия доктора Жерара вполне нормальна... Он строго придерживается фактов. Если хотите... но... скажите сначала, интересно ли вам это?

— Конечно!

— Тогда я попрошу доктора Жерара прийти сюда. Пусть он сам расскажет нам всю историю.

Полковник вызвал дежурного и приказал позвонить врачу.

— Сколько народу в этом семействе Бойнтон? — спросил Пуаро.

— Там два сына, старший женат на очень красивой и умной женщине. И две

девочки, обе хорошенькие, но совершенно не похожие друг на друга. По всей видимости, мать была настоящей ведьмой. Она управляла всеми железной рукой и заставляла прислуживать себе, как королеве. Она же распоряжалась деньгами, и без ее ведома никто не смел истратить ни пенни!

— Прелюбопытнo! А известно, кто ей на-следует?

— Меня самого интересовал этот вопрос... И я спросил об этом как бы между прочим. Состояние должно быть поделено на равные части между всеми детьми.

Пуаро покачал головой.

— Значит, по вашему, все они — сообщники?

— Не знаю. В этом-то и вся трудность. Все вместе они замыслили преступление или это дело рук кого-то одного? Не могу сказать. А кроме того, возможно, все подозрения вообще ни на чем не основаны. Тем не менее мне бы очень хотелось знать ваше профессиональное мнение. А! Вот и доктор Жерар!

## Глава II

### «Нам остается только убить ее...»

Француз вошел энергичным шагом, но не топаясь. Пожав руку полковнику Кэрбери, он окинул Пуаро изучающим взглядом.

— Позвольте представить вам месье Эр-куля Пуаро, — сказал полковник. — Это мой гость. Я только что рассказывал ему о происшествии в Петре.

— Да! Не может быть! — И, оглядев Пуаро с головы до ног, врач добавил: — Вас интересует это дело?

Эркуль Пуаро воздел руки к небу:

— Увы! Ну разве можно сбежать от своей профессии?

— Честное слово, вы правы! — воскликнул врач.

— Хотите выпить? — спросил Кэрбери.

Он налил врачу бокал виски с содовой и протянул графинчик Пуаро, но тот покачал головой. Полковник Кэрбери повернулся к Жерару.

— Итак, — сказал он, — на чем мы остановились?

— Насколько я понял, — обратился к врачу Пуаро, — полковник не особенно удовлетворен...

Жерар выразительно взмахнул рукой.

— Боюсь, это моя вина, — объяснил он. — Знаете, полковник, я ведь мог ошибиться... по всей линии.

Кэрбери недовольно заворчал.

— Изложите факты нашему другу Пуаро.

Доктор Жерар вкратце обрисовал всякие мелочи, предшествовавшие отъезду в Петру. Наброесал портреты членов семьи Бойнтон,

отметив попутно их крайне нервное возбуждение.

Пуаро внимательно слушал.

Добравшись до случившегося в Петре, доктор объяснил, почему он вернулся в лагерь один.

— Почувствовав, что у меня начинается приступ малярии, я решил сделать внутривенную инъекцию хинина. Это распространенный способ лечения. Лихорадка не оставляла меня в покое, и, войдя в палатку, я едва держался на ногах. Аптечку удалось найти не сразу—ее кто-то передвинул. А когда я наконец до нее добрался, шприца на месте не оказалось. Махнув рукой на дальнейшие поиски, я проглотил огромную дозу хинина и рухнул на кровать.

Немного помолчав, доктор Жерар продолжал:

— Смерть миссис Бойнтон обнаружили только после захода солнца. Она неподвижно сидела в кресле, и лишь в половине седьмого слуга, поднявшийся звать ее обедать, обнаружил, что старуха мертва.

Доктор подробно объяснил расположение пещер, довольно удаленных от главной палатки.

— Мисс Кинг, дипломированный врач, обследовала тело. Меня она не стала беспокоить, зная о приступе малярии. Кроме того, все равно ничего нельзя было сделать—миссис Бойнтон скончалась за несколько часов до этого.

— Можете вы точно сказать, сколько времени прошло с момента смерти?

— Не думаю, чтобы мисс Кинг обратила на это внимание, — проговорил врач, — она наверняка сочла время несущественным.

— Однако же кто-то должен знать, когда миссис Бойнтон в последний раз видели живой? — спросил Пуаро.

Полковник Кэрбери прочистил горло и заглянул в какую-то бумагу — судя по виду, официальный документ.

«Леди Уэстхолм и мисс Пирс разговаривали с миссис Бойнтон в начале пятого. Леннокс Бойнтон перекинулся с ней парой слов около половины пятого. Миссис Леннокс Бойнтон долго беседовала со свекровью пять минут спустя. Кэрол Бойнтон тоже разговаривала с матерью, но не может точно указать время. Однако, судя по другим свидетельствам, это произошло в десять минут шестого».

Мистер Джефферсон Коуп, американец, друг семьи, по возвращении в лагерь вместе с леди Уэстхолм и мисс Пирс видел миссис Бойнтон спящей. Он не стал с ней заговаривать. Это было без двадцати шесть. Младший сын, Рэймонд Бойнтон, — последний, кто видел старую даму в живых. Вернувшись с прогулки приблизительно без десяти шесть, он подошел поговорить с матерью. А в половине седьмого слуга, посланный предупредить миссис Бойнтон, что обед подан, нашел ее мертвой.

— Значит, с тех пор как Рэймонд Бойнтон беседовал с матерью и до половины седьмого никто к ней не подходил?

— По всей видимости, нет.

— Но кто-то мог это сделать? — продолжал настаивать детектив.

— Вряд ли. С шести часов слуги так и сновали по всему лагерю, да и туристы бродили из палатки в палатку. Но ни один не видел, чтобы кто-то приближался к старой даме.

— В таком случае, Рэймонд Бойнтон — последний, кто видел ее живой? — заметил Пуаро.

Доктор Жерар и полковник Кэрбери переглянулись. Полковник забарабанил пальцами по столу.

— А дальше начинаются догадки и предположения, — буркнул он. — Ну, Жерар, теперь изложите свою версию как врач.

— Как я только что сказал, Сара Кинг не сочла необходимым точно зафиксировать время смерти. Она ограничилась заявлением, что миссис Бойнтон мертва «уже некоторое время». Но когда на следующий день мне по личным причинам вздумалось уточнить факты и я заметил, что миссис Бойнтон видел живой около шести часов вечера ее сын Рэймонд, мисс Кинг, к моему величайшему удивлению, резко заявила, что это невозможно и к тому времени старуха уже наверняка умерла.

Пуаро изумленно вскинул брови.

— Странно! Весьма странно! А что говорит мистер Рэймонд Бойнтон?

— Он клянется, что его мать была еще жива, — вмешался полковник Кэрбери. — Молодой человек утверждает, будто подошел к ней и сказал: «Вот я и вернулся. Надеюсь, вы приятно провели время», или что-то в этом роде. А старая леди в ответ проворчала: «Прекрасно!» После чего он пошел к себе в палатку.

— В высшей степени любопытно, — озадаченно проговорил Пуаро. — И к тому времени уже стемнело?

— Солнце как раз садилось.

— Любопытно, — повторил Пуаро. — А вы, доктор Жерар, когда увидели тело вы?

— Не раньше следующего утра, точнее говоря, в девять часов.

— И как по-вашему, когда наступила смерть?

— Трудно сказать—прошло слишком много времени. Если бы мне пришлось присягать в суде, я бы заявил, что с момента смерти прошло не меньше двенадцати часов и не больше восемнадцати. Это довольно расплывчато.

— Продолжайте, Жерар, — попросил полковник. — Расскажите мне Пуаро остальные.

— Поднявшись утром, я обнаружил свой шприц на туалетном столике за флаконами. — Врач наклонил голову. — Вы, вероятно, скажете, что накануне я плохо искал, потому что меня трепал сильный приступ лихорадки. Так вот, я все же утверждаю, что вечером шприца там не было!

— Но это не все! — воскликнул полковник Кэрбери.

— Да. Есть еще два факта, может, и пустяковых, но сам я придаю им очень важное значение. На запястье покойницы

я заметил пятнышко, похожее на след укола. Правда, должен добавить, что ее дочь уверяет, будто мать укололась булавкой...

— Которая дочь?

— Кэрол.

— Так... Прошу вас, продолжайте!

— И другой факт: проверяя аптечку, я заметил, что мой запас дигитоксина заметно сократился.

— Дигитоксина? Это какое-то лекарство для сердечников? — спросил Пуаро.

— Да. Его получают из растения *digitalis purpurea*, которое обычно называют наперстянкой. Там четыре основных алкалоида: дигиталин, дигитонин, дигиталейн и дигитоксин. Дигитоксин считается самым сильным ядом из содержащихся в листьях наперстянки. По мнению Коппа, его действие в шесть-десять раз сильнее действия дигиталина и дигиталейна.

— Стало быть, большая доза дигитоксина...

— Небольшое количество дигитоксина, введенного внутривенно, вызовет немедленную смерть от паралича сердца. Чтобы убить взрослого человека, достаточно четырех миллиграммов, — сурово проговорил врач.

— А у миссис Бойнтон было больное сердце, не так ли?

— Да, и она даже принимала лекарство, содержащее дигиталин.

— В высшей степени интересно, — заметил Пуаро.

— Вы думаете, смерть могла вызвать передозировка ее собственного лекарства? — осведомился полковник.

— Разумеется. Но я думал не об этом.

— Дигиталин может убить, не оставляя особых следов, — заявил доктор Жерар.

— Весьма ловко, — кивнул Пуаро. — Если тут действительно произошло убийство, господа, то убийца продемонстрировал массу сообразительности. И у нас не хватает свидетельств, достаточно убедительных для суда присяжных. Шприц вернули на место, яд сходен с лекарством, которое принимала жертва, и, таким образом, все можно отнести за счет ошибки или несчастного случая. Убийца — редкостный экземпляр. Ему хватило и решительности, и осторожности, а это уже почти гений.

Маленький детектив немного помолчал, потом вскинул голову.

— И однако кое-что совершенно сбивает меня с толку.

— Что именно?

— Кража шприца.

— Это не кража, его просто позаимствовали, — уточнил доктор Жерар.

— Взяли и вернули?

— Да.

— Странно, — пробормотал Пуаро, — очень странно. Зато все остальное так прекрасно сходится...

Полковник Кэрбери смерил его изучающим взглядом.

— Ну и как, месье Пуаро, каково в конечном счете ваше мнение эксперта? Было тут убийство или нет?

Пуаро протестующе поднял руку:

— Минуточку. Для этого еще не пришло время. Вы собрали не все свидетельства.

— Как? Мы ведь всех опросили!

— Нет, ибо я сам, Эркюль Пуаро, должен дать показания.

На лицах собеседников появилось такое неприкрытое изумление, что маленький детектив покачал головой и улыбнулся.

— Забавно, правда? А теперь слушайте! Однажды вечером в отеле «Соломон» я закрывал окно...

— Закрывали или открывали? — переспросил Кэрбери.

— Закрывал, — твердо заявил Пуаро. — Окно было открыто, и я, естественно, хотел запереть его, но, едва взявшись за шпингалет, услышал голос. Я узнал бы его среди тысячи других. И что же пронес этот голос? Буквально следующее: «Ну, теперь ты понимаешь, что нам остается только убить ее?» — Пуаро выдержал паузу. — В тот момент я не принял эту фразу всерьез, подумав, что просто какой-нибудь писатель или драматург обсуждает действие своего будущего шедевра. А сейчас у меня возникли серьезные сомнения, вернее, я совершенно уверен, что речь шла совсем о другом. — Пуаро снова надолго умолк. — Позвольте мне откровенно передать вам, какое у меня сложилось мнение, господа, — продолжал он. — Эти слова произнес молодой человек — я его видел впоследствии в гостиной отеля. И, по моим сведениям, этого молодого человека зовут Рэймонд Бойнтон.

### Глава III

## Пуаро

## берется за дело

— Рэймонд Бойнтон так сказал? — воскликнул француз.

— Вам это кажется психологически невозможным? — спросил Пуаро.

— Не совсем, но вы все же меня очень удивили. Хотя, конечно, Рэймонд Бойнтон отвечает всем необходимым условиям, чтобы вызвать у нас подозрения.

Полковник Кэрбери глубоко вздохнул. Ему от души хотелось воскликнуть: «Ох, уж эти психологи!»

— Остается выяснить, как нам следует поступать дальше.

— Пока даже не представляю, — признался врач. — Свидетельство месье Пуаро не вносит полной ясности. Мы лишь подозреваем, что было совершено убийство, но не в состоянии этого доказать.

— Понимаю, — проворчал полковник Кэрбери. — Нам, в сущности, точно известно о преступлении, и мы будем продолжать сидеть сложа руки... Так вот нет же! —

неожиданно взвился он. — Я этого не признаю! Я во всем сторонник порядка!

— Да, знаю, — Пуаро улыбнулся и с симпатией посмотрел на полковника. — Вам бы хотелось разобраться в этой истории и точно выяснить, как было дело. Что до вас, доктор Жерар, вы полагаете, что тут ничего нельзя поделывать и мое свидетельство практически бесполезно? Возможно. Но хотели бы вы оставить все как есть?

— Жизнь этой старой леди висела на волоске, — медленно проговорил врач. — В любом случае она бы умерла очень скоро... допустим, через неделю или через месяц... ну, максимум год...

— Значит, вы удовлетворены? — продолжал настаивать Пуаро.

— Ее смерть... как бы это поточнее выразить... принесла облегчение всем домашним. Она дала им свободу. Эти дети смогут наконец жить. Понимаете? Все они кажутся мне умными и одаренными людьми. Старуха их подавляла. Теперь молодые люди в состоянии служить обществу. Гибель миссис Бойнтон, на мой взгляд, принесла лишь благо.

— Так вы довольны? — в третий раз спросил Пуаро.

— Нет! Совсе я не доволен! Инстинкт толкает меня скорее спасти жизнь... чем торопить смерть... И если рассудком я понимаю, что исчезновение этой женщины — благо, то мое подсознание возмущается против этой мысли. Ни одно человеческое существо не должно умирать раньше назначенного ему срока!

Пуаро улыбнулся, счастливый этим признанием, которое ему с таким трудом удалось вырвать у врача.

— Доктор Жерар порицает убийство! Bravo! Я тоже, — невозмутимо констатировал полковник Кэрбери.

Он встал и налил себе щедрую порцию виски. Бокалы гостей все еще стояли полные.

— А теперь вернемся на круги своя, — сказал полковник. — В данном случае мы предпочли бы не вмешиваться, но обязаны следовать долгу и держаться на высоте.

Доктор Жерар повернулся к детективу.

— Что вы скажете на это, месье Пуаро? Каково ваше мнение специалиста?

Пуаро глубоко задумался. Он поправил одну-две пепельницы, сложил в аккуратную кучку горелые спички и, удовлетворенный наведенным порядком, заговорил:

— Скажите, полковник Кэрбери, хотите вы знать, кто убил миссис Бойнтон? В том, разумеется, случае, если старая дама не скончалась вполне естественной смертью. Желаете вы знать правду обо всей этой истории или нет?

— Да, я хотел бы ее знать, — твердо сказал Кэрбери. — И каким образом вы собираетесь прояснить дело?

— Внимательно и методично изучив все свидетельские показания, — ответил Пуаро.

— Я согласен, — заявил полковник.

— И тщательно рассмотрев факты с психологической точки зрения.

— А вот это, надеюсь, доставит живей-

шее удовольствие доктору Жерару, — проворчал Кэрбери. — И, стало быть, вы рассчитываете добраться до истины, как только прочтете все показания, вдоволь на-рассуждаетесь и наплачиваетесь в глубинах психологии?

— Я был бы крайне изумлен в случае неудачи, — заверил его Пуаро.

Полковник Кэрбери внимательно поглядел на него поверх очков. Вид маленького детектива не внушал особой надежды, и в глазах военного мелькнул насмешливый огонек. Он заворчал и снял очки.

— Что вы об этом думаете, доктор Жерар?

— Признаюсь, успех месье Пуаро внушает мне сильные сомнения. Однако я признаю его выдающиеся способности.

— Это правда, я обладаю замечательным талантом, — со скромной улыбкой отозвался маленький детектив.

Полковник отвернулся и закашлялся.

— Сначала надо выяснить, было ли убийство задумано всеми Бойнтонами сообща или его совершил кто-то один, — продолжал Пуаро. — В последнем случае придется оп-ределить наиболее вероятного убийцу.

— Вот тут-то и пригодится ваше свидетельство, месье Пуаро, — заметил доктор Жерар. — На мой взгляд, Рэймонд Бойнтон — самый подозрительный из всех.

— Согласен. Слышанная мной фраза и противоречие между его показаниями и заключенном молодой докторши прежде всего приковывают наше внимание именно к нему. Тем более что как раз Рэймонд Бойнтон последним видел миссис Бойнтон ж-вой, если верить его заявлению, которое оспаривает мисс Сара Кинг. Скажите мне, доктор Жерар, а нет ли у этих двоих легкого... флирта?

— Тут не может быть ни малейших сомнений!

— Так... эта юная особа зачесывает свои темные волосы назад, у нее большие карие глаза и весьма решительный вид. Правильно?

Доктор Жерар немного удивился.

— Да. Очень точное описание.

— Кажется, я ее видел в отеле «Соломон». Она разговаривала с Рэймондом Бойнтоном, а тот потом застыл на месте... словно заснул, загородив выход из лифта. Так что мне трижды пришлось сказать: «Пардон!», прежде чем молодой человек заметил мое присутствие и отодвинулся.

Пуаро немного подумал.

— Во-первых, мы примем во внимание медицинское свидетельство мисс Сары Кинг, хотя и с некоторой осторожностью. Она все же заинтересованное лицо. Как вы думаете, Рэймонд Бойнтон мог совершить преступление? Хватило бы у него духу?

— Вы имеете в виду преднамеренное убийство? Да. Я считаю, он на это способен, но только под действием сильного нервного потрясения.

— И такое потрясение имело место?

— Безусловно. Это путешествие за границу вызвало повышенное нервное возбуж-

дение у всех этих молодых людей. Контраст между жизнью других людей и их собственной стал особенно бросаться в глаза. А что касается Рэймонда Бойнтон...

— Да?

— То на него влиял еще один, дополнительный, фактор—сильное влечение к Саре Кинг.

— Которое могло оказаться для него дополнительным мотивом преступления и стимулятором?

— Совершенно верно.

Полковник Кэрбери тихонько кашлянул.

— Позвольте мне вставить слово. Эту фразу, которую вы слышали: «Ну, теперь ты понимаешь, что нам остается только убить ее?..»—надо полагать, Рэймонд Бойнтон сказал ее кому-то, так ведь?

— Bravo! — похвалил его Пуаро. — Но я не упустил из виду эту деталь. Да, с кем же разговаривал Рэймонд Бойнтон? Вероятно, с кем-то из членов своей семьи. Но с кем же? Прошу вас, доктор Жерар, расскажите нам о других Бойнтонках.

— Кэрол Бойнтон пребывала, как мне кажется, в состоянии, довольно близком к состоянию Рэймонда. В обоих зрел внутренний протест, оба выказывали признаки тяжелого нервного расстройств. Однако у Кэрол сексуальный мотив отсутствовал. Леннокс Бойнтон уже прошел стадию сопротивления. Он погрузился в такую апатию, что казался неспособным даже собраться с мыслями. Он все больше уходил в себя.

— А его жена?

— Устала от борьбы и чувствовала себя несчастной, но все же колебалась и не могла принять решение.

— Какое решение?

— Младшая миссис Бойнтон никак не могла решить, следует ли ей покинуть мужа.

И доктор Жерар пересказал разговор с Джефферсоном Коупом.

— А младшая дочь? — спросил Пуаро. — Ее, кажется, зовут Джиневра, не так ли? Француз помрачнел.

— Да. Тут явные симптомы шизофрении. У девушки развивается мания преследования, она считает, что ее хотят убить, и, желая избавиться от этой мысли, она бежит в мир грез. Джиневра воображает, будто в ее жилах течет королевская кровь и она окружена врагами.

— Значит, ее рассудок под угрозой?

— Разумеется, да. Это начало болезни, превращающей человека в убийцу-маньяка. Такой больной убивает не ради удовольствия, но из самозащиты. С его точки зрения, это вполне логично.

— Следовательно, вы полагаете, Джиневра могла убить свою мать?

— Да. Но я сомневаюсь, чтобы у нее хватило опыта подготовить и осуществить такого рода преступление. Эти больные обычно применяют хитрости, шитые белыми нитками, избирают самые броские способы.

— Однако же ее нельзя исключить из об-

щего числа подозреваемых? — настаивал Пуаро.

— Да,—согласился Жерар.

— Теперь подумаем, когда могло произойти убийство. Вы думаете, остальные знают виновного?

— Безусловно! — вмешался, к удивлению собеседников, полковник Кэрбери. — В жизни не видел группы людей, которая бы так явно что-то скрывала! И каждый из всех сил старается сбить нас с толку.

— Ничего, мы вытянем из них правду, — успокоил его Пуаро.

— Подвергнув всю компанию допросу третьей степени? — осведомился полковник, удивленно вздернув брови.

— Ничуть. — Пуаро покачал головой. — Это произойдет само собой в разговоре. Обычно люди говорят правду, потому что это проще всего... Это наименее утомительно и не требует изобретательности. Можно соврать один раз, два, три и даже четыре, но не врать же до бесконечности. Поэтому в конце концов правда всегда выплывает.

— Тут есть доля истины, — согласился Кэрбери. — Но вы сказали, что собираетесь разговаривать с ними? Так, значит, вы намерены взяться за это дело?

— Давайте ясно очертим положение, так, чтобы не осталось никаких недомолвок. Вы хотите знать правду, и я предлагаю вам ее раскрыть. Но предупреждаю! Когда мы выясним, как было дело, у нас может не оказаться достаточных доказательств. Я имею в виду нечто такое, что могло бы убедить присяжных. Вы понимаете?

— Превосходно! — согласился Кэрбери. — Вы изложите мне все факты, а уж я сам решу, стоит ли давать делу ход, учитывая к тому же возможность международных осложнений. В любом случае мы будем знать, как нам поступить. Самое главное — избавиться от этой путаницы! Ненавижу неразбериху!

Пуаро улынулся.

— И еще, — продолжал полковник. — Я вынужден ограничить время следствия. Нельзя удерживать здесь этих людей слишком долго.

— Мне вполне хватит двадцати четырех часов. Завтра вечером вы узнаете правду.

Полковник Кэрбери вытарашил глаза.

— А вы, видно, здорово уверены в себе!

— Я знаю, на что способен, — тихо проговорил Пуаро.

Смущенный таким неанглийским поведением, полковник Кэрбери потупил глаза и нервно дернул взъерошенный ус.

— Что ж, — сказал он, — теперь вам остается нам это доказать!

— И если вы одержите победу, мой друг, — добавил доктор Жерар, — я первый смиренно сниму перед вами шляпу.

## Глава IV

# Показания Сары Кинг

Сара Кинг окинула Эрjouля Пуаро долгим изучающим взглядом, внимательно оглядела странную, яйцевидную форму головы, огромные усы. Не укрылись от ее взгляда ни особая изысканность туалета, ни даже подозрительная чернота волос.

— Ну как, мадемуазель, вы удовлетворены?

Под насмешливым, ироническим взглядом детектива Сара залилась багровым румянцем.

— Прошу прощения, — смущенно пробормотала она.

— Пустяки. По крайней мере, в следующий раз вы меня узнаете.

Девушка попробовала улыбнуться.

— Можете отплатить мне той же монетой.

— Благодарю. Но я не стал ждать разрешения.

Сара сердито посмотрела на детектива — такие шутки вовсе не в ее вкусе. Но Пуаро уже с самым любезным видом поглаживал усы.

«Этот человек — просто шарлатан», — подумала девушка.

Эта мысль сразу вернула ей уверенность в себе. Сара слегка выпрямилась и заметила:

— Я не очень хорошо поняла, зачем понадобилась эта встреча.

— Разве милейший доктор Жерар вам ничего не объяснил?

— Я не совсем уловляла смысл его слов. Кажется, доктор считает...

— ...Будто «прогнило что-то в датском королевстве», — проговорил Пуаро, цитируя «Гамлета». — Как видите, мадемуазель, я знаком с вашим Шекспиром.

Сара не поддержала тему, ее интересовало другое.

— Что означает вся эта история?

— Просто-напросто нужно выяснить правду.

— Вы имеете в виду смерть миссис Бойнтон?

— Да.

— Сколько ненужных сложностей! Вы, конечно, специалист, месье Пуаро, и для вас вполне естественно...

— ...Подозревать преступление повсюду, где это только возможно, не так ли? — закинул за нее Пуаро.

— По правде говоря... да... возможно.

— И у вас нет никаких собственных соображений насчет возможных причин смерти миссис Бойнтон?

Сара пожала плечами.

— На самом деле, месье Пуаро, если бы вы побывали в Петре, то поняли бы, что подобное путешествие чрезмерно утомитель-

но для старой женщины с большим сердцем.

— Значит, по-вашему, смерть вызвана вполне естественными причинами?

— Разумеется. И я совершенно не понимаю позиции доктора Жерара. Он понятия не имеет о том, что произошло. В тот момент он лежал в постели с приступом малярии. При иных обстоятельствах я бы охотно склонилась перед его медицинскими познаниями, но в данном случае заявления доктора Жерара не основаны решительно ни на чем. Если моих показаний недостаточно, то почему бы не сделать вскрытие в Иерусалиме?

Наступило недолгое молчание.

— Вам неизвестен один факт, мисс Кинг, который доктор Жерар, несомненно, опустил.

— Какой факт?

— Из аптечки доктора Жерара исчезло некоторое количество опасного яда — а именно дигитоксина.

Сара немедленно оценила ситуацию.

— Доктор Жерар совершенно в этом уверен? — спросила она.

— Врач никогда не сделает подобного заявления просто так. Вам это должно быть известно, мадемуазель!

— Само собой. Но в тот момент у доктора Жерара был приступ малярии.

— Это верно.

— Знает ли он хоть приблизительно, когда из аптечки взяли яд?

— Доктор пользовался аптечкой в день приезда в Петру — у него началась сильная мигрень, и пришлось принять фенацетин. На следующее утро доктор положил лекарство на место и закрыл аптечку. И он почти уверен, что в тот момент все было в порядке.

— Почти? — подчеркнула Сара.

Пуаро пожал плечами.

— Разумеется, сомнение всегда остается. И доктор Жерар ощущает его, как и любой другой порядочный человек на его месте.

— Да, понимаю. Слишком уверенные в себе люди всегда подозрительны. Однако это свидетельство не очень убедительно, месье Пуаро. Мне кажется...

Детектив снова договорил за девушку неоконченную фразу.

— Вам кажется, что предпринятое мной следствие весьма мало оправданно?

Сара посмотрела на него в упор.

— Точно. Вам не кажется, месье Пуаро, что вы затеяли довольно жестокую игру?

— Личная жизнь целой семьи под угрозой... ради того, чтобы Эрjouль Пуаро мог заняться своим любимым спортом — охотой на преступника? — рассмеялся детектив.

— Я не хотела вас оскорбить, но признайтесь, что до некоторой степени это верно.

— Следовательно, мадемуазель, вы принимаете сторону Бойнтонов?

— Что ж, да! Эти люди достаточно пострадали, и теперь их следовало бы оставить в покое.

— И гораздо приятнее видеть тираничную

и крайне несимпатичную мамашу мертвой, чем живой. Так ведь?

— Если угодно... — Сара на мгновение запнулась, покраснела и быстро проговорила: — Но, по-моему, на такие совпадения не следовало бы обращать внимания.

— Это вы так считаете, мадемуазель. Но я с этим не согласен. Мне почти нет дела до характера умершей. Будь жертва ангелом из рая или гнуснейшим чудовищем — это ничего не меняет. У человека отнята жизнь! А я не оправдываю убийства!

— Убийство?

Сара даже задохнулась от волнения.

— Но какие у вас есть доказательства? — спросила она дрожащим голосом. — Даже сам доктор Жерар ничего не может утверждать с уверенностью.

— Существуют и другие свидетельства, мадемуазель, — медленно проговорил Пуаро.

— Какие же?

— След от укола на запястье покойницы. И еще: несколько слов, слышанных мной в Иерусалиме одной тихой и спокойной ночью, когда я собирался закрыть окно. Повторить вам эти слова, мисс Кинг? Я слышал, как мистер Рэймонд Бойнтон сказал: «Ну, теперь ты понимаешь, что нам остается только убить ее?»

Детектив заметил, как от лица Сары отхлынула кровь.

— Вы слышали, как он произнес эти слова?

— Да.

Девушка вперила неподвижный взгляд в пустоту.

— И надо ж было, чтобы их услышали именно вы! — наконец сказала она.

— Разумеется. И я должен был их услышать. Совпадения продолжают. Теперь вы понимаете, почему я счел расследование необходимым?

— Да, вы совершенно правы.

— И вы мне поможете?

— Конечно.

Сара говорила равнодушным тоном, и на ее лице не отражалось никаких чувств. Глаза твердо выдержали взгляд Пуаро. Детектив поклонился.

— Благодарю, мадемуазель. А теперь я попросил бы вас рассказать мне в точности все, что вам известно об этом дне.

Сара немного подумала.

— Утром я поехала на экскурсию. Никто из Бойнтонов нас не сопровождал. Я видела их позже, за завтраком. Когда мы вошли, они уже покончили с едой. Миссис Бойнтон, против обыкновения, казалась в прекрасном расположении духа.

— Обычно она не отличалась любезностью, не так ли?

— Мягко сказано, — поморщившись, ответила девушка.

Затем она описала, каким образом миссис Бойнтон освободила домашних от забот о своей особе.

— Это тоже было необычно?

— Да, она вечно держала всех возле своей юбки.

— Вы думаете, старая дама внезапно

ощутила угрызения совести и решила испустить вину добрым поступком?

— Нет, в это я не верю.

— Тогда каково же ваше впечатление?

— Меня очень удивило ее поведение. Я подумала, она хочет поиграть с ними, как кошка с мышью.

— Поясните, что вы имеете в виду, мадемуазель.

— Кошке приятно немного отпустить мышку... а потом снова схватить ее. Это очень в духе миссис Бойнтон: наверняка она замышляла какую-нибудь подлость.

— А что было потом, мадемуазель?

— Бойнтоны ушли.

— Все?

— Нет, самая юная, Джиневра, осталась в лагере. Мать велела ей идти отдыхать.

— Девушке этого хотелось?

— Нисколько. Но она покорилась. А все остальные пошли гулять. Мы с доктором Жераром присоединились к ним.

— В котором часу все это было?

— Примерно в половине четвертого.

— А где находилась в это время миссис Бойнтон?

— Нэдин, младшая миссис Бойнтон, усидела свекровь в кресло возле входа в пещеру.

— Продолжайте.

— На повороте дорожки мы с доктором догнали молодых Бойнтонов и дальше пошли вместе. Через некоторое время доктор Жерар изъявил намерение вернуться. Ему после завтрака стало не по себе, и я догадалась, что у него лихорадка. Я предложила проводить его, но доктор Жерар настаивал, что пойдет один.

— Который был час?

— По-моему, около четырех.

— А что делали остальные?

— Мы продолжали гулять.

— Вы шли все вместе?

— Сначала да. А потом разделились. — И девушка, словно предвидя следующий вопрос, быстро пояснила: — Нэдин Бойнтон и мистер Коуп направились в одну сторону, а Кэрол, Леннокс, Рэймонд и я — в другую.

— Так было все время?

— Нет. Мы с Рэймондом Бойнтоном отделились от остальных, уселись на плоской вершине скалы и любовались пейзажами. Потом он ушел, а я еще некоторое время просидела одна. В половине шестого я посмотрела на часы и решила, что пора возвращаться. В лагерь я вернулась в шесть часов, на закате.

— Вы проходили мимо миссис Бойнтон?

— Да, я заметила, что она по-прежнему сидит в кресле на скале.

— Такая неподвижность не показалась вам странной?

— Нет. Накануне, когда мы приехали в лагерь, я видела ее на том же самом месте.

— Хорошо. Что было дальше?

— Я заглянула в главную палатку. Там уже собрались все, кроме доктора Жерара. Я пошла к себе, переделалась и присоеди-

596

нилась к остальным. Как только обед подали, один из слуг отправился за миссис Бойнтон. Потом он прибежал, крича, что она больна. Я поторопилась взглянуть, в чем дело. Старуха все еще сидела в кресле. Но, дотронувшись до нее, я сразу поняла, что она мертва.

— И вы ни на секунду не усомнились, что она умерла своей смертью?

— Ни в малейшей мере. Я знала, что у нее больное сердце, хотя и не представляла точно природу болезни.

— И вы просто решили, что она так и скончалась, сидя в кресле?

— Да.

— Даже не позвав на помощь?

— Да. Тут нет ничего необычного. Старуха могла умереть во сне. Иногда человек просто засыпает и уже не просыпается. Такое случается! Кроме того, оставшиеся в лагере большую часть дня проспали. И никто не услышал бы крика, разве что старуха закричала бы очень громко.

— И сколько, по-вашему, времени она просидела мертвой?

— Я не задавалась таким вопросом. Но какое-то время наверняка просидела.

— Что значит «какое-то время»? — спросил Пуаро.

— Трудно сказать... час... а может, и намного больше. Скала нагрелась за день и, надо полагать, поддерживала температуру тела.

— Больше часа? А вам известно, мадемуазель Кинг, что Рэймонд Бойнтон разговаривал с матерью всего за полчаса до этого, и тогда она была в добром здравии?

— Должно быть, Рэймонд ошибся. Скорее всего, он разговаривал с ней намного раньше.

— Нет, мадемуазель.

Девушка повернулась и взглянула в глаза детективу. И Пуаро снова отметил про себя, какая у нее твердая складка губ.

— В конце концов, — проговорила Сара, — я еще молода и не обладаю большим врачебным опытом. Однако я знаю достаточно, чтобы со всей ответственностью утверждать: миссис Бойнтон умерла по меньшей мере за час до того, как я подошла к телу.

— Ну, это ваша версия, — резко заметил Эркюль Пуаро, — и теперь вы ни за что от нее не откажетесь.

— Я сказала правду.

— Тогда, быть может, вы сумеете мне объяснить, зачем мистеру Бойнтону понадобилось утверждать, будто его мать была жива, если на самом деле она уже скончалась?

— Понятия не имею, — ответила девушка. — Ни у одного из Бойнтонов нет ни малейшего чувства времени!

— И сколько раз вы с ними разговаривали, мадемуазель?

Сара наморщила брови и немного подумала.

— Сейчас скажу точно. Я заговорила с Рэймондом Бойнтоном в коридоре поезда, когда все мы ехали в Иерусалим. Я два-

ды общалась с Кэрол Бойнтон: первый раз у мечети Омара, второй — довольно поздно вечером в моей комнате. На следующее утро я разговаривала с миссис Леннокс Бойнтон. Все и все... до самого дня смерти миссис Бойнтон, когда все мы собрались на прогулке.

— А вы ни разу не говорили с самой миссис Бойнтон?

Сара немного смутилась и покраснела.

— Да... в тот день, когда они уезжали из Иерусалима... Мы обменялись всего несколькими словами. И, боюсь, я даже выставила себя в смешном виде.

— Каким же образом?

Сара нехотя поведала о своей беседе со старухой. Рассказ явно очень заинтересовал детектива.

— Я начинаю думать, что стоит обратить внимание на особенности характера миссис Бойнтон, — проговорил он. — Ваше свидетельство здесь беспристрастно, и я придаю ему очень важное значение.

Сара молчала. Воспоминание о недавней стычке со старухой повергло ее в крайнее смущение.

— Благодарю вас, мадемуазель, — сказал Пуаро. — Теперь мне пора заняться другими свидетелями.

Девушка встала.

— Простите меня, месье Пуаро. Вы позволите мне дать один совет?

— Конечно.

— Почему бы вам не отложить допрос до тех пор, пока не сделают вскрытие? Тогда вы будете знать, насколько оправданы ваши подозрения. А то, по-моему, вы все делаете шиворот-навыворот.

Эркюль Пуаро отвесил театральный поклон.

— Таков метод Эркюля Пуаро, — заявил он.

И Сара, покусывая губы, вышла из комнаты.

## Глава V

# Показания леди Уэстхольм и мисс Пирс

Леди Уэстхольм вплыла в комнату с уверенностью океанского лайнера.

Мисс Амабел Пирс, хлипкое суденышко без определенного назначения, робко следовала за большим кораблем и села чуть поодаль на обычный стул.

— Ну, конечно, месье Пуаро, я буду счастлива помочь вам всеми доступными мне средствами, — заявила леди Уэстхольм. — Я всегда полагала, что в делах такого рода следует прежде всего выполнять свой гражданский долг.

Следующие несколько минут заняли рассуждения леди Уэстхольм о «гражданском долге». Наконец Пуаро удалось вернуть первый вопрос.

— Да, я прекрасно помню тот день, о котором вы говорите, — ответствовала леди Уэстхольм. — Мисс Пирс и я сама постараемся обо всем вам рассказать.

— Не будете ли вы так любезны точно передать мне все, что произошло в тот день?

— Охотно, — согласилась леди Уэстхольм. — После ленча\* я решила немного отдохнуть. Утренняя экскурсия оказалась немного утомительной. Не то чтобы я чувствовала себя до предела вымотанной — такое случается со мной крайне редко. По правде говоря, я не знаю усталости. Сами понимаете, общественная деятельность... Не так ли?

Пуаро снова пробормотал что-то поощрительное, стараясь в то же время вернуть леди к основной теме.

— Итак, как я уже сказала, я решила немного отдохнуть. Мисс Пирс собиралась последовать моему примеру.

— Экскурсия довела меня до полного изнеможения, — призналась мисс Пирс. — Это опасное, хоть и очень интересное, восхождение было выше моих сил. Я не так сильна, как леди Уэстхольм.

— Усталость можно победить, как и все остальное, — заметила леди Уэстхольм. — Я давно взяла за правило никогда не прислушиваться к себе.

Мисс Пирс бросила на нее восторженный взгляд.

— Значит, после завтрака вы обе вернулись в свои палатки? — спросил Пуаро.

— Да.

— И миссис Бойнтон тогда сидела у входа в свою пещеру?

— Невестка усадила ее там, прежде чем отправиться на прогулку.

— Вам обоим было хорошо видно миссис Бойнтон, сударыни?

— Да, — ответила мисс Пирс. — Старая леди сидела как раз напротив нас, только чуть выше.

Леди Уэстхольм сочла нужным внести уточнения.

— Эти пещеры выходят на скалистую террасу, у подножия которой расположены палатки. Их отделяет от главного шатра небольшой ручеек. Возле центральной палатки стоят несколько других, поменьше. Мисс Пирс и я занимали палатки по обе стороны главной. Мисс Пирс — слева, я — справа. Выход из палаток — на той же стороне, что и терраса, но на некотором расстоянии от нее.

— Около двухсот метров, не так ли?

— Примерно так.

— У меня есть план, нарисованный проводником Махмудом, — сказал Пуаро.

Леди Уэстхольм заметила, что в таком случае план должен быть неточен.

— Этот тип — просто невежда. Я проверила его заявление по своему Бедкеру и

несколько раз замечала, что он ошибается.

— Судя по плану, — продолжал Пуаро, — пещера миссис Бойнтон находилась по соседству с той, которую занимали ее сын Леннокс с женой. Рэймонд, Кэрол и Джиневра Бойнтон жили внизу, в палатках, почти напротив главной. Справа от палатки Джиневры жил доктор Жерар, а в следующей — мисс Кинг. По другую сторону ручья, справа от главной, стояли ваша палатка и палатка Джефферсона Коупа, в то время как мисс Пирс, о чем вы уже сообщали, занимала палатку по левую руку от главной. Это верно?

Леди Уэстхольм, скрепя сердце, пришлось признать, что все правильно.

— Благодарю. Теперь хоть один пункт ясен. Будьте любезны продолжать, леди Уэстхольм.

Дама одарила маленького детектива любезной улыбкой.

— Примерно без четверти четыре мне захотелось пройтись, и я подошла к палатке мисс Пирс узнать, не проснулась ли она. Мисс Пирс сидела у входа в свою палатку и читала. Мы договорились пойти на прогулку через полчаса, когда жара немного спадет. Я вернулась к себе и еще минут двадцать пять читала, потом снова пошла к мисс Пирс. Она уже собралась. Мы пустились в путь. Казалось, весь лагерь погружен в глубокий сон — мы не увидели ни души. Заметив миссис Бойнтон, сидевшую в полном одиночестве на скале, я предложила мисс Пирс спросить, не нужно ли ей что-нибудь.

— Это верно. Меня глубоко тронуло ваше милосердие, — пробормотала мисс Пирс.

— Я лишь выполняла свой долг, — заметила леди Уэстхольм, весьма довольная собой.

— Подумать только, что она отплатила такой неблагодарностью! — возмущению сказала мисс Пирс.

Пуаро вопросительно посмотрел на леди Уэстхольм.

— Наша дорожка проходила прямо под террасой, — пояснила та. — Я сказала миссис Бойнтон, что мы собираемся на прогулку, и спросила, не нужно ли оказать ей какую-нибудь услугу, пока мы не ушли. Так вот, месье Пуаро, эта женщина ответила мне каким-то ворчаньем. Подумать только! И посмотрела на нас так, словно мы пыль у нее под ногами!

— Меня это просто шокировало! — заявила старая дева, краснея от негодования.

— Должна признаться, — с легким смущением проговорила леди Уэстхольм, — что я позволила себе не слишком христианское замечание.

— И, учитывая обстоятельства, были совершенно правы, — сказала старая дева.

— И что же вы сказали? — поинтересовался Пуаро.

— Я сказала мисс Пирс, что эта женщина, наверно, пьян. Впрочем, ее поведение вообще производило странное впечатление, и я решила, что это следует отнести за счет пьянства. Увы, алкоголь наносит такой страшный вред!..

\* Ленч — второй завтрак. — *Прим. пер.*

Пуаро быстро перевел разговор на другую тему.

— А вам не показалось, что миссис Бойнтон в тот день вела себя еще более странно, чем обычно? За завтраком, например...

— Нет, — задумчиво проговорила леди Уэстхольм. — Напротив, она вела себя почти нормально... во всяком случае, насколько это возможно для американки такого типа.

— Она очень грубо обошлась с одним из слуг, — вмешалась мисс Пирс.

— Когда это?

— Незадолго до того, как мы пошли гулять.

— Ах, да! Вспоминаю. Кажется, она очень рассердилась на него. Разумеется, иметь дело со слугами, которые ни слова не понимают по-английски, крайне неприятно, но во время путешествия приходится идти на уступки.

— А что это был за слуга? — поинтересовался Пуаро.

— Один из бедуинов, обслуживающих лагерь. Она, наверно, дала ему какое-то поручение, а тот, очевидно, ни слова не понял. Вот старуха и рассердилась. Бедняга удрал, а она угрожающе махала ему вслед палкой и выкрикивала ругательства.

— А что сказала ему миссис Бойнтон?

— Мы были слишком далеко, и я не разобрала. А вы, мисс Пирс?

— Я тоже. Кажется, она послала его за какой-то вещью в палатку своей младшей дочери... а потом вроде бы упрекала за то, что входил в эту палатку... Не могу сказать точно.

— Вы бы его узнали?

Мисс Пирс, к которой был обращен этот вопрос, покачала головой.

— Не думаю. Мы стояли слишком далеко. А кроме того, для меня все арабы на одно лицо.

— Это был мужчина выше среднего роста, — заговорила леди Уэстхольм. — На голове — покрывало, как у всех туземцев. Штаны — отвратительно драные и грязные, а повязки на икрах намотаны кое-как. Всей этой публике было бы не вредно немного поучиться дисциплине.

— А вы могли бы узнать его среди персонала лагеря?

— Сомневаюсь. Мы стояли слишком далеко, чтобы разглядеть лицо. А помимо того, как сказала мисс Пирс, все эти арабы похожи друг на друга.

— Интересно, что мог натворить этот человек и чем он навлек на себя гнев миссис Бойнтон? — задумчиво проговорил Пуаро.

— Эта прислуга иногда совершенно невыносима, — заявила леди Уэстхольм. — Один из них забрал у меня башмаки, хотя я доходчиво объяснила ему жестами, что предпочитаю почистить их сама.

— Я тоже всегда принимаю такую предосторожность, — сказал Пуаро, на минуту отвлекшись от допроса. — И повсюду вожу с собой обувной несессер и тряпочку.

— И я тоже, — заявила леди Уэстхольм.

— Эти арабы совершенно не умеют вытирать пыль.

— О да! Протирать надо не меньше трех-четырёх раз в день, — согласилась леди Уэстхольм.

— И это особенно необходимо в такой стране, — кивнул Пуаро.

— Совершенно не выношу грязи! — воскликнула леди. — А мухи на базарах! Просто бич божий!

Пуаро горько пожалел, что позволил себе это отступление.

— Мы спросим этого человека, чем он так разгневал миссис Бойнтон, — сказал он. — Но прошу вас, продолжайте свой рассказ.

— Мы медленно прогуливались, как вдруг неожиданно встретили доктора Жерара, — снова заговорила леди Уэстхольм. — Он брел, пошатаваясь, и, очевидно, плохо себя чувствовал. Я сразу же поняла, что у бедняжки лихорадка.

— Он дрожал с ног до головы, — вмешалась мисс Пирс.

— Я догадалась, что это приступ малярии, — продолжала леди Уэстхольм, — и предложила проводить его в лагерь и дать хинину. Но доктор ответил, что хинин есть у него в аптечке.

— Несчастный! — жалостно проговорила мисс Пирс. — Мне всегда не по себе при виде больного врача. Это совершенно противостоестественно.

— Итак, мы продолжали прогулку, — сказала леди Уэстхольм, — а потом присели на скалу отдохнуть.

— Я все еще никак не могла отойти от утренней экскурсии, — пробормотала мисс Пирс. — Это восхождение...

— Я не знаю усталости, — снова повторила леди Уэстхольм, — но сочла излишним идти дальше. С того места, где мы сидели, открывался прелестный вид.

— А лагерь оттуда видно?

— Да, мы сидели как раз напротив пещер.

— Это так романтично! — вставила мисс Пирс. — Лагерь среди дикой пустыни и розово-красные скалы.

— Лагерь можно бы устроить гораздо лучше, — возразила леди Уэстхольм, воинственно раздувая лошадиные ноздри. — Я пожалуюсь в бюро путешествий. Они даже не кипятят и не фильтруют воду. Надо не забыть заявить о такой возмутительной небрежности.

Пуаро вежливо кашлянул.

— И в это время вы заметили кого-нибудь еще?

— Да. Старший из Бойнтонов и его жена прошли рядом с нами в сторону лагеря.

— Они шли вместе?

— Нет. Мистер Бойнтон неуверенным шагом брел впереди. Можно было подумать, его хватил солнечный удар.

— Затылок! — пробормотала мисс Пирс. — Нужно всегда прикрывать затылок! Я постоянно ношу плотный шелковый платок.

— А что делал мистер Леннокс Бойнтон

по возвращении в лагерь? — спросил Пуаро.  
Мисс Пирс в первый раз за время разговора опередила леди Уэстхольм.

— Он сразу же подошел к матери, но оставался возле нее очень недолго.

— Сколько времени?

— Одну-две минуты.

— Я бы сказала: чуть больше минуты, — твердо сказала леди Уэстхольм. — Потом он пошел в свою палатку, а оттуда — в главную.

— А его жена?

— Она появилась минут через пятнадцать после мужа и на минутку остановилась поболтать с нами... весьма побезно.

— По-моему, она очень милая, — сказала мисс Пирс.

— Во всяком случае, общительнее остальных, — согласилась леди Уэстхольм.

— Вы видели, как она вернулась в лагерь?

— Да. Она сразу подошла к свекрови. Потом вынесла из своей пещеры кресло и села рядом со старухой. Так прошло минут десять.

— А потом?

— Унесла кресло и пошла в главную палатку к мужу.

— А что было дальше?

— Явился этот странный американец. Кажется, его зовут Коуп. Он посоветовал нам посмотреть развалины арабских построек в другом конце долины. Ну, мы и отправились туда. У мистера Коупа была с собой интересная статья о Петре.

— Увлечательнейшая статья, — подтвердила мисс Пирс.

— Потом, поскольку было уже без двадцати шесть, — продолжила леди Уэстхольм, — мы вернулись в лагерь. Воздух заметно поспежел.

— Миссис Бойнтон сидела на прежнем месте?

— Да.

— Вы с ней не говорили?

— Нет, по правде говоря, я вообще ее едва заметила.

— А что вы делали потом?

— Я вернулась к себе в палатку, сменила башмаки и взяла пакетик китайского чая. Затем пошла в главную палатку. Там велела проводнику приготовить нам с мисс Пирс чай да последить, чтобы заваривали как следует — кипятком. Он возразил, что через полчаса будет обед и что уже накрывают стол. Я попросила все же подать нам чай.

— В палатке был кто-нибудь еще?

— Да. Мистер и миссис Леннокс Бойнтон сидели в другом конце стола и читали. Кэрол тоже была там.

— А мистер Коуп?

— Он пил чай вместе с ними, хотя и заметил, что это не американское питье, — проговорила мисс Пирс.

Леди Уэстхольм закашлялась.

— Я боялась, что мистер Коуп станет навязчив и привяжется ко мне. В путешествии иногда бывает трудно держать людей

на почтительном расстоянии, особенно этих янки.

— О, леди Уэстхольм, — медовым голосом проворковал Пуаро, — вас не должны смущать подобные пустяки! Вряд ли вы станете особенно церемониться, когда кто-то из спутников перестает быть вам полезным.

— Действительно, мне всегда удается преодолеть такого рода неприятности, — снисходительно заметила леди Уэстхольм.

Она даже не заметила, как Пуаро подмигнул.

— Не угодно ли вам закончить рассказ о событиях того дня?

— С большой охотой. Насколько я помню, Рэймонд и его сестра — та, у которой рыжие волосы, пришли вскоре после этого. Последней появилась мисс Кинг. На стол уже накрыли. Проводник послал одного из слуг предупредить старую даму. Тот вернулся бегом, в сильном возбуждении, и не один, а с другим слугой и что-то забормотал по-арабски проводнику. Узнав, что миссис Бойнтон больна, мисс Кинг предложила свои услуги. Она вышла из палатки вместе с проводником и вскоре сообщила новость семейству Бойнтонов.

— Причем сделала это, совершенно не щадя их чувств, — заметила старая дева. — Могла бы все-таки подумать о них.

— А как повели себя Бойнтоны? — спросил Пуаро.

На сей раз обе дамы замаялись. Наконец леди Уэстхольм заговорила, но голос ее звучал без обычной уверенности:

— Что ж... честное слово... даже не знаю, что сказать. Они выслушали новость без особых эмоций.

— Казалось, они скорее удивлены, чем опечалены, — высказала свое личное мнение мисс Пирс.

— Потом все вышли вместе с мисс Кинг, — объяснила леди Уэстхольм. — Мы с мисс Пирс решили, что нам приличествует остаться на месте.

Пуаро заметил в глазах старой девы некоторое смущение.

— Нездоровое любопытство виушает мне отвращение, — продолжила леди Уэстхольм.

Неловкость мисс Пирс возросла — подражая образцу, ей тоже следовало презирать «нездоровое любопытство».

— Чуть позже проводник и мисс Кинг снова спустились в палатку, — заключила леди Уэстхольм. — Я предложила немедленно подать обед нам четверым, чтобы позже семья Бойнтон могла подкрепиться в отсутствии посторонних. Все склонились к моему мнению. Сразу после обеда я вернулась к себе. Мисс Кинг и мисс Пирс поступили так же. Мистер Коуп, если не ошибаюсь, остался в главной палатке — как друг семьи, он счел своим долгом поддерживать Бойнтонов. Вот все, что мне известно, месье Пуаро.

— Когда мисс Кинг сообщила новость, вместе с ней вышли из палатки все члены семьи?

— Да... Вернее, нет. Теперь, когда вы об

этом сказали, я припоминаю, что рыжеволосая девушка не двинулась с места. Может быть, вы помните точно, мисс Пирс?

— В самом деле... это верно. Она осталась там.

— И что же она делала? — осведомился Пуаро.

Леди Уэстхольм удивленно посмотрела на него.

— Чем она занималась, месье Пуаро? Да ничем, насколько я помню.

— Я спрашиваю вас, шила она или читала? Казалась ли она потрясенной? Говорила ли она с вами?

Леди Уэстхольм вздернула бровь.

— Если память мне не изменяет, — немного подумав, сказала она, — девушка просто сидела на своем месте.

— Она нервно теребила пальцы, — вдруг вмешалась мисс Пирс. — Меня это потрясло. Бедная девочка, подумала я, как же она, наверно, страдает! Нет, не то чтобы ее лицо выдавало чувства, но эта лихорадочная подвижность пальцев...

Почувствовав, что привлекла к себе внимание, мисс Пирс уже не могла остановиться.

— Однажды я сама таким образом разорвала фунтовую банкноту... просто сама не понимала, что делаю. Я тогда узнала о внезапной болезни тетушки, которую очень любила. «Может быть, мне надо сесть в первый же поезд и поехать навестить ее?» — думала я. И, не в силах принять то или иное решение, рвала банкноту на мелкие куски. Я думала, у меня в руках телеграмма. И только опустив глаза, заметила ошибку.

Мисс Пирс выдержала театральную паузу.

Это сольное выступление старой деви, которую она привыкла считать лишь своей восторженной тенью, явно не понравилось леди Уэстхольм.

— Это все, что вы хотели знать, месье Пуаро? — сухо спросила она.

Детектив подскокил, будто его внезапно разбудили.

— Да, верно. Ваши показания на редкость подробны.

— У меня великолепная память, — заявила леди Уэстхольм, очень довольная собой.

— Еще один небольшой вопрос, леди Уэстхольм. Прошу вас не вставать с места и не смотреть по сторонам. Будьте любезны точно описать мне платье мисс Пирс, если, конечно, мисс Пирс не возражает.

— О,нисколько, — слегла жеманясь, пробормотала старая дева. — Вам это и в самом деле нужно, месье Пуаро?

— Прошу вас выполнить мою просьбу, сударыня.

Леди Уэстхольм пожала плечами и нехотя начала:

— На мисс Пирс белое хлопчатобумажное платье в коричневую полоску, голубой с красным кожаный суданский пояс, бежевые шелковые чулки и желтые замшевые туфли на ремешках. На левом чулке спустилась петля. Мисс Пирс носит бусы — одни

из сердолика, другие — из блестящих голубых жемчужин, а кроме того, брошку, украшенную перламутровой бабочкой. На среднем пальце правой руки у нее кольцо с имитацией скарабея. На голове шляпа с двойной верхушкой из коричневого с розовым фетра.

Леди Уэстхольм выдержала эффектную паузу.

— Ну, на сей раз все?

Пуаро поднял руки:

— Позвольте выразить вам мое глубочайшее восхищение, сударыня! — воскликнул он. — Вы наделены незаурядной наблюдательностью!

— От меня редко что ускользает.

Леди Уэстхольм поднялась, слегка кивнула детективу и вышла из комнаты. Увидев, что мисс Пирс, печально глядя на порванный чулок, собирается сделать то же самое, Пуаро задержал ее.

— Подождите минутку, мадемуазель, прошу вас!

— Да, сэр?

Мисс Пирс с легким испугом посмотрела на детектива. Пуаро нагнулся и доверительным тоном спросил:

— Вы видите на столе букет полевых цветов?

— Да, — ответила старая дева, глядя прямо перед собой.

— А слышали, когда вошли в эту комнату, что я один или два раза чихнул?

— Да.

— И вы также заметили, что я только что понюхал эти цветы?

— По правде говоря, не знаю.

— Но вы помните, что слышали, как я чихнул?

— Да, помню.

— Интересно, может ли быть от этих цветов аллергия?

— Ох уж эта аллергия! — воскликнула мисс Пирс. — Одна из моих двоюродных сестер терпит из-за нее настоящую пытку! По ее мнению, лучший способ избавиться от такой напасти — ежедневно промывать ноздри раствором борной кислоты.

Пуаро поблагодарил и проводил мисс Пирс. Закрыв дверь, он вернулся в комнату и, нахмурив брови, остановился посередине.

«И однако я даже не думал чихать, — пробормотал он. — Ну, теперь, по крайней мере, кое-что ясно».

## Глава VI

# Показания Леннокса Бойнтонна

Леннокс Бойнтон вошел в комнату бодрым, уверенным шагом. Будь здесь доктор Жерар, он бы очень удивился перемене,

происшедшей с молодым человеком. Апатия исчезла. Напротив, у Леннокса был весьма решительный вид, хотя и чувствовалось, что он сильно нервничает. Молодой человек быстро оглядел комнату.

— Здравствуйте, мистер Бойнтон, — поздоровался Пуаро, вставая и отнеся церемонный поклон. — Благодарю, что откликнулись на мое приглашение.

— Полковник Кэрбери живейшим образом рекомендовал мне... выполнить эту формальность, — без особой уверенности в голосе проговорил Леннокс.

— Прошу вас, садитесь, мистер Бойнтон.

Молодой человек опустился в кресло, недавно покинутое леди Уэстхольм.

— Должно быть, внезапная смерть матери сильно вас потрясла? — продолжал Пуаро самым естественным тоном.

— Само собой разумеется. Но, быть может, не так сильно, как вам кажется. Мы этого ожидали. У мамы было больное сердце.

— Но как же вы могли, в таком случае, позволить ей отправиться в столь утомительное путешествие? Это было крайне неосторожно!

Леннокс Бойнтон поднял голову.

— Моя мать сама приняла это решение, месье Пуаро, — произнес он с грустью. — А ее решения обсуждению не подлежали.

После этих слов молодой человек глубоко вдохнул воздух и неожиданно побледнел.

— Да, я знаю. Пожилые леди иногда бывают очень упрямы.

— К чему все это? — вдруг рассердился Леннокс. — Хотел бы я знать, зачем так усложнять дело!

— Вероятно, вам неизвестно, мистер Бойнтон, что в случае внезапной и подозрительной смерти всегда проводится расследование?

— Что вы понимаете под «подозрительной»?

Пуаро пожал плечами.

— Всегда возникает вопрос: естественная это смерть или самоубийство?

— Самоубийство? — Леннокс вытаращил глаза.

— Вам, разумеется, виднее, — продолжал тем временем Пуаро, — как обстоит дело. А вот полковник Кэрбери сомневается. Поэтому он обязан начать следствие, сделать вскрытие... и так далее. Поскольку я оказался под рукой, он предложил мне, учитывая, что у меня есть некоторый опыт такого рода работы, взять на себя расследование. И теперь ждет от меня отчета. Конечно, я вовсе не хочу причинить вам какие бы то ни было неудобства.

— Я позвоню нашему консулу в Иерусалиме! — возмутился Леннокс.

— Не стану отрицать — это ваше право, — спокойно заметил Пуаро.

Наступило долгое молчание. Наконец детектив огорченно развел руками и поклонился Ленноксу.

— Конечно, если у вас есть какие-то основания не отвечать на мои вопросы...

— Нисколько! Просто мне все это кажется настолько ненужным...

— Речь идет об обычной рутине, и это ни в коей мере не должно бы вас оскорбить. В тот день, когда скончалась ваша мать, вы уходили из лагеря на прогулку? Не так ли, мистер Бойнтон?

— Да, мы все ушли, кроме матери и младшей сестры.

— Ваша мать в это время сидела у выхода из пещеры?

— Да, как всегда после завтрака.

— Так. И в котором часу вы пошли на прогулку?

— Чуть позже трех.

— А вернулись?

— Не скажу точно. Может, в четыре, а может, в пять.

— То есть гуляли приблизительно час или два?

— Вроде того.

— Вы кого-нибудь встретили на обратном пути?

— Что?

— Ну, видели вы кого-нибудь? Скажем, двух дам, сидевших на скале?

— Не знаю. Возможно...



— Наверное, вы слишком глубоко погрузились в размышления, чтобы смотреть по сторонам?

— Да.

— Вы разговаривали с матерью по возвращении в лагерь?

— Да.

— Она не жаловалась на самочувствие?

— Нет. И прекрасно выглядела.

— А могу я спросить, о чем вы разговаривали?

Леннокс на мгновение замаялся.

— Она удивилась, что я так рано вернулся. Я объяснил, что слишком жарко. Она спросила, который час... у нее остановились часы. Я снял их, завел и снова надел на руку.

— И который же был час? — поинтересовался детектив.

— А?

— Какой был час, когда вы снова надели часы на ее руку?

— Было... было без двадцати пяти пять.

— Стало быть, вы точно знаете, во сколько вернулись в лагерь.

Леннокс покраснел.

— Какой же я глупец! Простите меня, месье Пуаро, но у меня, кажется, сейчас мозги набекрень... все эти огорчения...

Пуаро немедленно подхватил:

— О, я прекрасно вас понимаю! Такое несчастье! Еще бы вы не испытывали потрясения! А что было потом?

— Я спросил у матери, не нужно ли ей что-нибудь... какого-нибудь питья... чаю или кофе... Она ответила, что нет. Тогда я пошел в большую палатку. Там еще не было слуг, и я сам налил себе немного лимонада. Я очень хотел пить. Потом я остался почитать несколько старых номеров «Сэтеди Ивнинг Пост». И, кажется, задремал.

— А ваша супруга тоже пришла в большую палатку?

— Да, вскоре после меня.

— И вы уже больше не видели свою мать живой?

— Нет.

— Во время разговора она не показалась вам перевозбужденной?

— Нет, она была такой же, как и всегда.

— Она не рассказывала вам, что ее рассердил кто-то из слуг?

— Нет, ничего похожего.

— И это все, что вы можете мне сообщить?

— Кажется, так.

— Спасибо, мистер Бойнтон.

И Пуаро поклонился в знак того, что беседа окончена.

Леннокс, видимо, никак не решаясь уйти, задержался у двери.

— Это действительно все? — спросил он.

— Да. Попросите, однако, свою супругу прийти побеседовать со мной.

Леннокс медленно удалился. А детектив написал на лежащем рядом с ним блокноте: Л. Б. 4.35.

## Глава VII

# Показания Нэдин

Пуаро с любопытством окинул взглядом стройную фигурку вошедшей в комнату женщины. Потом встал и вежливо поклонился.

— Миссис Леннокс Бойнтон? Эркюль Пуаро, к вашим услугам.

Нэдин Бойнтон села. Ее задумчивые глаза внимательно смотрели на Пуаро.

— Надеюсь, сударыня, вы простите меня за то, что приходится тревожить вас в столь печальный момент?

Молодая женщина опустила глаза. Ответила она не сразу.

— Я думаю, месье Пуаро, что мне лучше говорить с вами откровенно, — глубоко вздохнув, наконец сказала она.

— Полностью одобряю ваше решение, сударыня.

— Вы только что извинились, что тревожите меня в моей скорби. Так вот, месье Пуаро, никакой скорби я вовсе не испытываю, и с моей стороны было бы противоестественно утверждать обратное. Я не чувствовала ни малейшей привязанности к свекрови и, честно говоря, не стала бы утверждать, будто жалею о ее смерти.

— Благодарю за откровенность, сударыня.

— И все же, — продолжала Нэдин, — если я и не ощущаю горечи утраты, то меня мучают угрызения совести.

— Угрызения совести? — повторил Пуаро, удивленно вскинув брови.

— Да. Потому что я виновна в ее смерти. И я жестоко упрекаю себя за это.

— Что вы говорите, сударыня?

— Я говорю, что виновна в смерти своей свекрови. Я полагала, что поступаю правильно, но результат оказался катастрофическим — я убила ее.

Пуаро откинулся на спинку кресла.

— Будьте любезны, поясните мне немного, что произошло.

Нэдин опустила голову.

— С удовольствием. Первым моим побуждением было сохранить все в тайне, но чувствую, что пришло время рассказать правду. Я уверена, месье Пуаро, что вам не раз приходилось выслушивать самые конфиденциальные признания. Это так?

— Да, конечно.

— В таком случае, я подробно объясню вам, как все это было. Моя супружеская жизнь, месье Пуаро, оказалась не из самых счастливых. Правда, нельзя во всем винить моего мужа. На нем самым пагубным образом сказывалось влияние матери. С некоторых пор мое существование подле него стало просто невыносимым.

Нэдин немного помолчала.

— В тот день, когда умерла свекровь, я приняла окончательное решение. У меня есть друг, прекрасный человек, и он не раз

предлагал мне разделить его судьбу. В тот день я приняла его предложение.

— Вы решились покинуть мужа?

— Да.

— Продолжайте, сударыня.

— Сделав такой выбор, я одна вернулась в лагерь, — тихо проговорила Нэдин. — Моя свекровь сидела у пещеры в одиночестве. И я без всяких предисловий сообщила ей новость.

— Она удивилась?

— Кажется, мои слова произвели очень сильное впечатление. Свекровь казалась и удивленной и раздосадованной одновременно. Увидев, в какую она пришла ярость, я поднялась и ушла.

Голос Нэдин задрожал и перешел почти в шепот.

— Я... я больше не видела ее живой.

Пуаро медленно покачал головой.

— И вы думаете, что новость, которую вы сообщили, ее убила?

— Я почти уверена в этом. Путешествие сильно утомило ее. А моя новость и гнев довершили дело. Я чувствую себя тем более виноватой, что знаю, как нужно обращаться с сердечниками, и более всего должна была бы избежать причинить ей сильное волнение.

— А что вы делали после того, как расстались со свекровью?

— Я унесла стул обратно в пещеру и спустилась в большую палатку, где уже сидел мой муж.

Пуаро изучающе посмотрел в лицо молодой женщине.

— Вы сообщили ему о своем решении или он уже об этом знал?

Нэдин на мгновение заколебалась.

— Именно тогда я ему все и рассказала.

— И как он к этому отнесся?

— Он был ошеломлен.

— И убеждал вас одуматься?

Молодая женщина покачала головой.

— Нет, он не стал особенно настаивать. Мы оба уже давно знали, что это произойдет.

— Простите меня, — сказал Пуаро, — а тот, другой... это мистер Джефферсон Коуп?

Нэдин кивнула.

Наступило недолгое молчание. Потом Пуаро все тем же спокойным тоном спросил:

— У вас есть шприц, сударыня?

— Да... то есть нет.

Пуаро снова изумленно вскинул брови.

— Понимаете, — объяснила Нэдин, — в моей аптечке среди прочих инструментов есть и старый шприц, но все это лежит в чемоданах, которые мы оставили в Иерусалиме.

— Ясно.

— А почему вы об этом спросили, месье Пуаро?

Вместо ответа детектив задал новый вопрос.

— Кажется, миссис Бойнтон принимала лекарство, в котором содержится дигиталин?

— Да.

«Осторожно, — подумал Пуаро, — теперь она будет держаться настороже».

— Это лекарство она принимала от болезни сердца?

— Да.

— А ведь дигиталин, насколько мне известно, в определенном смысле очень сильный яд.

— Думаю, что так, но точно утверждать не могу.

— А если бы миссис Бойнтон приняла слишком большую дозу дигиталина...

Нэдин остановила его резким движением. — Это невозможно! Она всегда была очень осторожна. Да и я тоже, если мне приходилось самой наливать ей лекарство.

— Но могла же в одном из флаконов оказаться большая концентрация препарата? Фармацевты ведь тоже иногда ошибаются...

— Весьма маловероятно, — с живостью возразила Нэдин.

— Лабораторные данные нам это скоро прояснят.

— К несчастью, флакон разбился.

Пуаро изумленно воззрился на нее.

— А? И кто же его разбил?

— Не знаю. Наверняка кто-то из слуг. Когда тело моей свекрови перенесли в пещеру, там столпилось слишком много народу, а освещение плохое. Столик и перевернулся.

Пуаро долго и внимательно смотрел на молодую женщину.

— Очень интересно.

Нэдин Бойнтон заерзала в кресле. Ей явно было не по себе.

— Вы намекаете, что моя свекровь умерла не от потрясения, а от сильной дозы дигиталина? Меня бы это крайне удивило.

Детектив всем телом подался вперед.

— Даже если бы я вам сказал, что доктор Жерар, французский врач, остававшийся в лагере, обнаружил, что из его аптечки исчезло внушительное количество дигитоксиня?

Нэдин побледнела. Пуаро заметил, как она судорожно вцепилась в край стола, потом опустила веки и долго сидела неподвижно, так что ее можно было принять за каменное изваяние мадонны.

— Ну, сударыня, что вы можете мне сказать?

Но секунды текли, а Нэдин по-прежнему хранила молчание. Наконец она подняла голову. Увидев выражение ее глаз, Пуаро слегка подскокил.

— Я не убивала свою свекровь, месье Пуаро. И вам это отлично известно! Когда я уходила, она была жива. И многие свидетели могут это подтвердить. И как невиновная, я хочу спросить вас, по какому праву вы вмешиваетесь в это дело? Если я поклянусь вам честью, что все происшедшее только справедливо, будете ли вы продолжать это расследование? Вы и представить не можете, сколько страданий сеяла вокруг себя эта женщина! И теперь, когда перед нами открылась возможность спокойного счастья, неужели у вас хватит жестокости сознательно все разрушить?

600

Пуаро выпрямился. Глаза его сверкали.  
— Давайте внесем ясность, сударыня! Чего вы от меня хотите?

— Я повторяю вам, что моя свекровь умерла естественной смертью, и прошу вас принять мое мнение на веру.

— Давайте не будем лукавить. Вы думаете, что вашу свекровь убили и хотите угоризить меня покрыть преступление!

— Я прошу у вас лишь сочувствия и понимания!

— Для кого-то, кто этого лишен!

— Вы ничего не понимаете. Речь идет вовсе не об этом.

— Должно быть, сударыня, вы и совершили это преступление, раз так много знаете о нем.

Нэдин спокойно покачала головой.

— Нет, — без тени волнения ответила она. — Когда я уходила, свекровь была живехонька.

— Тогда что же случилось? Вам это известно... или вы лишь подозреваете правду?

— Я слышала, месье Пуаро, что благодаря вам убийство в Восточном экспрессе не имело судебных последствий.

Пуаро кинул на нее любопытный взгляд.

— Кто вам сказал?

— Но это правда?

— Да, только тут... совсем другой случай.

— Да нет же, все очень сходно! Тогда жертвой было зловредное чудовище... а моя свекровь...

Пуаро прервал ее.

— Моральные качества жертвы не меняют дела! Тот, кто присваивает себе право творить справедливость, отнимая жизнь у одного из ближних, опасен для общества. И это говорю вам я, Эркуль Пуаро!

— Вы безжалостны!

— Скорее, непреклонен, сударыня: Никогда я не прощаю убийства! И это последнее слово Эркуля Пуаро!

Нэдин встала. В ее потемневших глазах сверкал гнев.

— Что ж, продолжайте! Мне больше нечего сказать.

— Напротив, сударыня, я думаю, вы могли бы еще немало сообщить нам...

— Нет, это все.

— Неправда! Что произошло после того, как вы расстались со своей свекровью, сударыня? Пока вы и ваш муж вместе находились в палатке?

Молодая женщина пожала плечами.

— Откуда мне знать?

— Либо вам это хорошо известно, либо вы подозреваете правду...

Нэдин посмотрела на детектива в упор.  
— Я ничего не знаю, месье Пуаро.

И, повернувшись на каблуках, она вышла из комнаты.

## Глава VIII

# Показания

## Кэрол

Записав у себя в блокноте: *Н. Б. 4.40*, Пуаро открыл дверь и позвал ординарца, которого полковник Кэрбери предоставил в его распоряжение. Это был расторопный малый, прекрасно владеющий английским. Детектив попросил его разыскать мисс Кэррол Бойнтон.

Пуаро внимательно посмотрел на вошедшую в комнату девушку. Густые каштановые волосы, высокая тонкая шея, изящные, нервные руки...

— Садитесь, мадемуазель.

Девушка послушно села. Ее бледное, словно обескровленное, лицо казалось невозмутимо спокойным.

Пуаро начал с того, что выразил соболезнования и искреннюю симпатию к ней самой, но на бледном лице не отразилось ни малейшего движения чувств.

— А теперь, мадемуазель, расскажите мне, пожалуйста, как вы провели вторую половину того дня?

Девушка ответила без колебаний, и детектив сразу понял, что она хорошо выучила урок.

— После завтрака мы все вышли немного погулять. Я вернулась в лагерь...

— Минутку... — прервал ее Пуаро. — До тех пор вы гуляли все вместе?

— Нет, большую часть времени я провела со своим братом Рэймондом и мисс Кинг, потом гуляла одна.

— Спасибо. Итак, вы говорили, что вернулись в лагерь. Приблизительно в котором часу это было?

— Минут десять шестого.

Пуаро записал: *К. Б. 5. 10.*

— И что же?

— Мама все еще сидела там, где мы ее оставили. Я поднялась поговорить с ней, потом ушла к себе в палатку.

— Не помните точно, о чем вы говорили?

— Я сказала, что очень жарко и я хочу немного отдохнуть. Мама выразила желание остаться. Это все.

— Вас ничто не удивило в ее поведении?

— Нет. По крайней мере...

Кэррол запнулась, умолкла и неуверенно посмотрела на Пуаро.

— Не я должен подсказать вам ответ, — спокойно заметил детектив, — продолжайте, прошу вас...

Девушка покраснела и отвела глаза.

— Я просто задумалась, — пробормотала она. — В то время я не обратила внимания, но теперь...

— Да, я вас слушаю. Что теперь?

— Вы правы. У нее был странный цвет лица. Лицо казалось очень красным, гораздо краснее, чем обычно.

— Может быть, ее что-то сильно взвол-

новало? — предположил Пуаро.

— Взволновало?

— Да. Возможно, у нее возникли осложнения с кем-нибудь из арабских слуг?

Лицо Кэрол прояснилось.

— И в самом деле, очень может быть.

— Она вам не говорила об этом?

— Нет... ни слова!

— А что вы делали потом, мадемуазель?

— Я пошла к себе и легла отдохнуть примерно на полчаса. А потом спустилась в главную палатку. Там уже сидели мой брат с женой и читали.

— А дальше?

— Я немного пошла, потом стала читать журнал.

— По дороге в большую палатку вы не разговаривали с матерью?

— Нет, я даже не смотрела в ее сторону.

— А потом?

— Я сидела в палатке до тех пор, пока мисс Кинг не сообщила нам о смерти мамы.

— Это все, что вам известно, мадемуазель?

— Да.

Пуаро нагнулся к собеседнице и с самым невинным видом спросил:

— И что вы почувствовали?

— Почувствовала?

— Ну да, когда узнали, что ваша мать, вернее, простите, ваша мачеха... ведь она приходилась вам не родной матерью, не так ли? Так вот, что вы почувствовали, узнав, что она умерла?

Кэрол широко открыла глаза.

— Не знаю.

— Вы прекрасно поняли мой вопрос.

Она потупила глаза и неуверенно проормотала:

— Это был тяжелый удар...

— Правда?

К щекам девушки резко прихлынула кровь. Она растерянно поглядела на Пуаро. И в этих глазах детектив прочел страх.

— Так ли уж тяжел был удар, как вы уверяете, мадемуазель? А помните ли вы некий разговор, который произошел у вас с вашим братом Рэймондом однажды вечером в Иерусалиме?

Удар попал в точку. И Пуаро сразу понял это по тому, как смертельно побледнела его собеседница.

— Так вам известно... — прошептала она.

— Да, известно.

— Но как?

— Часть вашего разговора слышало третье лицо.

Кэрол закрыла лицо руками и горько зарыдалась.

Дав ей выплакаться, Пуаро мягко продолжал:

— Вы вместе замыслили убить мачеху.

Кэрол зарыдала еще горше.

— Мы бредили!

— Может быть.

— Вы не можете понять, в каком мы были состоянии.

Девушка выпрямилась, откинула со лба волосы и продолжала уже более спокойно:

— В Америке мы не так отдавали себе в том отчет, но во время путешествия име-

ли возможность сравнить...

— Что именно?

— Нашу жизнь с жизнью других людей. Мы пришли в отчаяние и, главное, страшно беспокоились за Джинни.

— Джинни?

— Это моя сестра. Вы ее еще не видели. Она начала... терять голову. А мать, сама того не замечая, еще больше отягощала ее болезнью. Мы с Рэем боялись, что Джинни окончательно сойдет с ума. Мы догадались, что Нэдин тоже сильно обеспокоена, и, поскольку она мачеха, наши страхи от этого еще больше возросли.

— Прошу вас, продолжайте...

— В тот вечер, в Иерусалиме, напряженные достигли высшей точки. Рэй совсем утратил хладнокровие. Нам с ним обоим ударило в голову. Мать... мать явно была не в своем уме. Не знаю, что вы об этом думаете, но в некоторых случаях убийство ближнего может показаться справедливым и, более того, благородным поступком.

Пуаро покачал головой.

— Очень многие так думали. Это доказано всей историей человечества.

— Во всяком случае, такое было в тот вечер чувство и у меня, и у Рэя. Но мы так и не осуществили свой план. Уже на следующее утро он показался нам нелепым и мелодраматичным... и аморальным тоже. На самом деле, месье Пуаро, мать умерла естественной смертью от сердечного приступа. Мы с Рэем тут ни при чем.

— Вы можете мне поклясться, мадемуазель, что миссис Бойнтон умерла не по вашей вине? — очень спокойно спросил Пуаро.

Девушка подняла голову.

— Клянусь, что никогда не причинила своей мачехе ни малейшего зла, — твердо и ясно проговорила она.

— Хорошо, — сказал Пуаро, облокачиваясь на спинку кресла.

Наступила тишина. Пуаро задумчиво поглаживал свои великопленные усы.

— А в чем именно состоял ваш план? — вдруг спросил он.

— Мой план?

— Да. Вы же с братом должны были придумать какой-то план?

В ожидании ответа Пуаро мысленно считал секунды: одна, две, три...

— У нас не было плана, — наконец проговорила Кэрол. — Так далеко мы не заходили.

Эржюль Пуаро встал.

— Это все, мадемуазель. Будьте любезны, пошлите ко мне, пожалуйста, своего брата.

Кэрол, в свою очередь, поднялась и долго стояла в нерешительности.

— Месье Пуаро... вы верите мне?

— Разве я говорил хоть раз, что ставлю под сомнение ваши слова?

— Нет, но...

— Вы попросите брата прийти ко мне сюда?

— Да.

Девушка медленно пошла к двери. На

пороге она замерла и резко обернулась.  
— Я сказала правду, уверю вас.  
Эржюль Пуаро не ответил.  
Кэрол Бойнтон вышла из комнаты.

## Глава IX

Показания  
Рэймонда

Едва увидев Рэймонда, Пуаро отметил его разительное сходство с сестрой. На бесстрашном лице молодого человека не было ни страха, ни волнения. Он уселся в кресло и твердо взглянул в глаза Пуаро.

— Ну?  
— Сестра разговаривала с вами? — вкрадчиво осведомился детектив.

Рэймонд кивнул.  
— Да. Она передала мне вашу просьбу прийти. Разумеется, я отдаю себе отчет, что у вас возникли вполне законные подозрения. Если вы слышали наш разговор в тот вечер, то, конечно, внезапная смерть нашей мачехи не могла не показаться вам странной. Могу лишь уверить вас, что тогдашние слова были вызваны каким-то приступом безумия. Мы жили в нестерпимом душевном напряжении. Этот фантастический план избавиться от мачехи был для нас... как бы это сказать поточнее... чем-то вроде спасительного клапана—мы спустили пары... и успокоились.

Эржюль Пуаро медленно опустил голову.

— Весьма возможно.  
— На следующее утро все это нам показалось скорее... нелепым. И клянусь вам, месье Пуаро, подобные мысли больше ни разу не смущали наш покой.

Пуаро не ответил, и Рэймонд продолжал:

— Я не ожидаю, что вы поверите мне на слово. Но взгляните на факты. Я разговаривал с матерью незадолго до шести часов. В это время она была жива и здорова. Я пошел к себе в палатку, принял душ и присоединился ко всем остальным. С тех пор ни Кэрол, ни я никуда не отлучались. И все нас видели. Мать умерла от апоплексического удара... Вот и вся правда! Повсюду бродили слуги, они бы видели, если бы произошло что-то другое. Так что предположение о каком-либо насилии просто невероятно.

— А вам известно, — медленно заговорил Пуаро, тщательно взвешивая слова, — что мисс Кинг, освидетельствовав тело в половине седьмого, уверяет, будто смерть наступила часа за полтора, а то и за два до этого?

Рэймонд изумленно воззрился на детектива.

— Сара сама вам это сказала? — почти выдохнул он.

Пуаро кивнул.

— И что вы на это ответите?

— Но... это же невозможно!

— Однако таковы показания мисс Кинг.

Тем не менее вы уверяете, будто ваша мать была жива менее чем за сорок минут до освидетельствования.

— Но я говорю правду!

— Будьте осторожны, мистер Бойнтон!

— Сара, должно быть, ошиблась. Наверное, что-то не учла. Какую-нибудь реверберацию скалы или что-нибудь в этом роде... Могу вас заверить, сэр: около шести мать была жива, и я с ней разговаривал. Лицо Пуаро хранило прежнее спокойствие.

Рэймонд нагнулся поближе к нему.

— Я понимаю, месье Пуаро, все это должно казаться вам очень странным. Но взгляните на факты беспристрастно. Я знаю, что это трудно для профессионала, постоянно живущего в атмосфере преступлений... Любая внезапная смерть вызывает у него подозрения! И в конце концов он утрачивает чувство реального. И однако каждый день множество людей неожиданно умирают, особенно часто это случается с сердечниками, и тут нет ничего особенного!

Пуаро вздохнул.

— Значит, теперь вы решили поучить меня моему собственному ремеслу?

— И не думаю. Я только боюсь, что у вас возникло какое-то предубеждение против нас из-за того злосчастного разговора. Если бы вы не подслушали нас с Кэрол, то смерть нашей матери ничем не привлекла бы ваше внимание.

— Ошибаетесь, — проговорил Пуаро. — Тут есть и кое-что другое: яд, исчезнувший из аптечки доктора Жерара.

— Яд? — Рэймонд широко раскрыл глаза от удивления. — По-вашему, мать отравили?

Немного помолчав, Пуаро небрежно заметил:

— У вас был совсем другой план, правда?

— Наш план? Нет, мы хотели...

Молодой человек умолок и недоверчиво посмотрел на Пуаро.

— Не думаю, что мне следовало бы продолжать...

Он встал.

— Как вам угодно, — не стал настаивать Пуаро.

И детектив проводил глазами молодого человека, взял блокнот и написал своим мелким ровным почерком: *Р. Б. 5.55*. Потом достал большой лист бумаги и принялся за работу. Закончив, Пуаро откинулся на спинку кресла, наклонил голову и погрузился в созерцание написанного:

*Бойнтон и Джефферсон Коуп* выходят из лагеря приблизительно . . . 3.05  
*Доктор Жерар и Сара Кинг* выходят из лагеря приблизительно . . . 3.15  
*Леди Уэстхольм и мисс Пирс* выходят из лагеря . . . 4.15  
*Доктор Жерар* возвращается в лагерь пригл. . . 4.20  
*Леннокс Бойнтон* возвращается в лагерь . . . 4.35  
*Нэдин Бойнтон* возвращается в лагерь и разговаривает с миссис Бойнтон 4.40

<i>Нэдин Бойнтон расстается со свекровью и идет в главную палатку</i>	4.50
<i>Карол Бойнтон возвращается в лагерь</i>	5.10
<i>Леди Уэстхольм, мисс Пирс и Джефферсон Коуп возвращаются в лагерь</i>	5.40
<i>Рэймонд Бойнтон возвращается в лагерь</i>	5.50
<i>Сара Кинг возвращается в лагерь</i>	6.00
<i>Тело миссис Бойнтон обнаружено</i>	6.30

## Глава X

# Знаменательные даты

— Загадка! — заключил Пуаро, сворачивая исписанный лист.

Он вздохнул, подошел к двери и попросил позвать Махмуда.

С губ пузатого и красноречивого гида слова тотчас же посыпались как из рога изобилия:

— Вечно меня изводят упреками. Как только что-нибудь случается — я виноват. Когда леди Эллен Хант, спускаясь с вершины Жертвоприношений, вывихнула ногу, обвинили меня, а меж тем она шла на высоченных каблуках, несмотря на свои шестьдесят лет! Моя жизнь — сплошная череда неприятностей! Ах, сколько горя и несправедливостей причиняют нам евреи...

В конце концов Пуаро удалось прекратить словоизвержение и заставить проводника вернуться к теме.

— Вы говорите, в половине шестого? Нет, не думаю, чтобы кто-то из слуг был там в это время. Второй завтрак подали поздно — в два часа. А потом пришлось убирать со стола. А после ленча у нас всегда отдых. Американцы не пьют чай. В половине четвертого весь персонал отдыхал. В пять часов, поскольку я должен заботиться о том, чтобы всем было удобно и приятно, я вышел, зная, что английские дамы захотят пить чай. Но ни одной из них в лагере не оказалось. Без четверти шесть начались неприятности. Большая английская дама, та, что и в самом деле очень важная персона, вернулась и потребовала чаю, хотя слуги уже накрывали стол к обеду. Она устраивает представление, говорит, что вода должна закипеть и надо за этим проследить.

Пуаро снова прервал поток жалоб:

— Еще один вопрос. Покойница повздорила с кем-то из слуг. Не знаете ли вы, с кем именно и на что жаловалась миссис Бойнтон?

Махмуд воздел руки к небу.

— Как я могу это знать? Невозможно! Мне она не жаловалась.

— А могли бы вы это выяснить?

— Нет, мой добрый господин, это никак невозможно! Никто из слуг правды не ска-

жет. Вы говорите, старая дама разгневалась? Само собой разумеется, ни один не признает вину. Абдул свалит на Мохаммеда, Мохаммед — на Азиза, Азиз — на Айсу и так далее. Эти глупые бедуины не желают ничего понимать.

Махмуд глубоко вздохнул.

— Мне очень повезло, что меня приписали к Миссии. Я могу читать наизусть стихи Китса... Шелли... Пожалуйста: «Иадада-виндесундоедайд».

Пуаро содрогнулся. Хоть английский и не был его родным языком, он понимал его достаточно и был покороблен своеобразной декламацией Махмуда.

— Великолепно! — воскликнул детектив. — Просто восхитительно! Я порекомендую вас всем своим друзьям.

Избавившись от красноречивого гида, детектив отнес листок полковнику Кэрбери, ожидавшему его у себя в кабинете.

Старый вояка поправил галстук, который, как всегда, съехал набок.

— Ну как? Есть что-нибудь новенькое? — спросил он.

Пуаро слел.

— Хотите знать одну из моих любимых теорий?

— Слушаю вас, — с глубоким вздохом отозвался полковник.

За свою долгую жизнь он уже досыта наслаждался всяких теорий!

— Так вот: криминология — самая простая в мире наука! Достаточно предоставить преступнику возможность говорить.



Рано или поздно он сам все выложит.

— Вы уже высказывали нечто похожее. Ну, и кто сделал вам признания?

Пуаро по возможности кратко пересказал все утренние допросы.

— Гм! Вам и в самом деле удалось выяснить несколько важных фактов. Жаль, что все они, кажется, противоречат друг другу. Вы кого-нибудь подозреваете? Вот что мне важнее всего!

— Нет.

— Обратное меня бы удивило, — снова вздохнул полковник.

— Но еще до вечера вы узнаете правду, — заверил его Пуаро.

— Вы мне уже дали такое обещание. Но на сей раз вы совершенно не сомневаетесь в успехе?

— Нисколько.

— Хотел бы я разделять ваш оптимизм! Полковник едва заметно подмигнул, но Пуаро сделал вид, будто ничего не заметил. Он вытащил из кармана лист бумаги.

— Тут все очень ясно, — одобрил работу Кэрбери, внимательно изучив запись.

Он немного помолчал.

— Знаете, о чем я думаю?

— Буду счастлив узнать, — отозвался Пуаро.

— Нам придется снять подозрения с Рэймонда Бойнтон.

— Вы так считаете?

— Да. В детективных романах тот, на кого падают все подозрения, всегда оказывается невиновным. Раз вы слышали, как он угрожал убить старую леди, значит, виновен не он.

— Вы читаете детективы?

— Я прочитал их тысячи, — признался полковник Кэрбери. — Не могли бы вы, следуя примеру классических сыщиков, набросать список фактов, на первый взгляд незначительных, но на самом деле необычайно важных?

— Ах, вот как? — улыбнулся Пуаро. — Значит, вы любитель подобных романов? Что ж, я доставлю вам полное удовлетворение!

Он пододвинул к себе листок бумаги и быстрым четким почерком написал:

1. Миссис Бойнтон принимает лекарство, в котором содержится дигиталин.

2. Доктор Жерар обнаруживает исчезновение шприца.

3. Миссис Бойнтон мешает детям общаться с другими людьми.

4. В тот день миссис Бойнтон поощряет их желание погулять и разрешает оставить ее одну.

5. У миссис Бойнтон есть садистские наклонности.

6. Расстояние между большой палаткой и местом, где сидит миссис Бойнтон, приблизительно двести метров.

7. Мистер Леннокс Бойнтон сначала делает вид, будто не может припомнить, когда вернулся в лагерь, а чуть позже признается, что заводит остановившиеся часы матери.

8. Доктор Жерар и мисс Джиневра Бойнтон занимают соседние палатки.

9. В половине седьмого, когда обед готов, слугу отправляют позвать миссис Бойнтон.

Полковник Кэрбери с довольным видом прочитал запись.

— Великолепно! — воскликнул он. — Вы нарочно все усложняете. Позвольте мне, однако, заметить, что вы опустили один или два факта. Наверное, вы сделали это нарочно... чтобы заставить высказаться профанов?

Пуаро не ответил, только веки его чуть заметно дрогнули.

— Например, номер два, — продолжал полковник Кэрбери, — доктор Жерар замечает исчезновение шприца. Да, но ведь там еще не хватало взрывной части концентрированного раствора дигиталина или чего-то еще в том же роде.

— Эта недостача куда менее важна, чем исчезновение шприца, — сказал Пуаро.

— Замечательно! — восхитился полковник. — Я совершенно ничего не понимаю. А мне-то пропажа дигиталина казалась много важнее! И какое значение имеет слуга? Тот, что сообщил ей насчет обеда? Какому-то другому она грозила палкой... Уж не хотите ли вы уверить меня, будто один из этих бедолаг прикончил старуху? Это было бы нечестно!

Пуаро только улыбнулся в ответ.

Выходя из кабинета полковника, детектив думал про себя: «Эти англичане на всю жизнь остаются большими детьми!»

## Глава XI

### На холме

Сара Кинг, сидя на вершине холма, рассеянно рвала полевые цветы. Рядом с ней на невысоком обломке каменной стены устроился доктор Жерар.

— Зачем вам понадобилось не поднимать шум вокруг этой истории? — неожиданно спросила девушка. — Без вас бы...

— По-вашему, мне следовало молчать?

— Да.

— Хотя я знал?

— Ничего вы не знали!

— Ошибаетесь. Можно что-то предполагать, не испытывая полной уверенности.

— Почему же? — спросила Сара.

— Вы считаете себя непогрешимой, мисс?

— У вас была лихорадка. Мысли путались. Наверняка шприц лежал на месте. И насчет дигитоксина вы могли перепутать. И не исключено, что в вашей аптечке покопался кто-то из слуг...

— Можете не беспокоиться, — цинично заметил доктор Жерар. — Следствие наверняка закончится ничем, и ваши друзья Бойнтоны выйдут сухими из воды.

— Это совсем не то, чего я хочу, — сердито заметила Сара.



— У вас нет логики.

— Самое забавное — то, что в Иерусалиме вы мне советовали никогда не вмешиваться в чужие дела. Смотрите же, что направили вы сами!

— Только не обвиняйте меня в нескромности! Я сказал лишь то, что знал.

— А я утверждаю, что вы ни в чем не уверены. И вот, пожалуйста! Мы вернемся все в том же заколдованном круге!

— Простите меня, мисс Кинг!

— В конце концов, — серьезно проговорила девушка. — Бойнтон никогда не избавится от влияния матери. Она все еще здесь. Даже из могилы она ухитряется давить на них. И мертвая продолжает быть опасной. У меня такое впечатление, что старая ведьма сейчас хихикает над всем, что тут делается.

Немного успокоившись, она добавила:

— Гляди-ка, вон маленький человечек карабкается к нам!

Доктор Жерар повернул голову.

— Наверняка ищет нас.

— Он и вправду такой болван, как кажется? — спросила Сара.

— Пуаро далеко не дурак, и я бы поостерегся его недооценивать, — отозвался врач.

— Этого-то я и боялась!

И она мрачно посмотрела в сторону приближающегося детектива.

«Уф!» — сказал Эркуль Пуаро, добравшись наконец до верха, и вытер со лба пот. Потом печально посмотрел на свои лакированные штиблеты.

— Какая каменная страна! Бедные мои ботинки!

— Вы можете позаниматься обуюной несессер и тряпочку у леди Уэстхольм, — насмешливо заметила Сара. — Она всегда берет с собой в путешествие целый арсенал горничной!

— Это не поможет избавиться от паразитов, мадемуазель, — добродушно ответил Пуаро, покачивая головой.

— Разумеется. А кстати, зачем вы носите здесь такие ботинки?

Эркуль Пуаро слегка поклонился.

— Я хочу иметь приличный вид, мадемуазель.

— На вашем месте, в этой стране я бы отказалась от изысков в одежде, — посоветовала девушка.

— Здесь, в пустыне, женщины не очень то обращают внимание на то, как они одеты, — заметил доктор Жерар. — Это, конечно, не касается мисс Кинг — уж она-то всегда элегантна и прибрана. Но эта леди Уэстхольм! В широком плаще, штанах для верховой езды и сапогах! Какая жуткая женщина! А мисс Пирс! Все ее платье похоже на увядшие капустные листья. И передвигается она под грохот бус, цепочек и ожерелий! Даже у молодой миссис Бойнтон, хоть она и красивая женщина, никакого шика: все ее костюмы отвратительно банальны.

— Неужели месье Пуаро вскарабкался сюда только для того, чтобы болтать о тряпках? — возмущенно остановила его Сара.

— Ни в коей мере, — отозвался маленький детектив. — Я пришел проконсультироваться с доктором Жераром. Его мнение, равно как и ваше, мадемуазель, для меня чрезвычайно важно. Вы молоды и должны, следовательно, хорошо разбираться в психологии. И мне бы хотелось знать все, что вы можете рассказать о миссис Бойнтон.

— Да вы теперь, наверное, уже знаете все о ней наизусть!

— Ничего подобного. У меня сложилось впечатление, более того, я даже уверен, что психология миссис Бойнтон сыграла

очень серьезную роль в этой истории. Доктор Жерар наверняка встречал подобных ей больных.

— Да, и я смотрел на нее, как на крайне любопытный случай.

— Что ж, я вас слушаю.

Доктор Жерар не заставил себя просить и рассказал, как семья Бойнтонов привлекла его любопытство, упомянул о разговоре с Джефферсоном Коупом, который винил во всем избыток материнской любви и заботы.

— Значит, он человек сентиментальный? — спросил Пуаро.

— О, в высшей степени. Оптимист от лениги ума. Что может быть удобнее, чем видеть лишь хорошие стороны человеческой натуры и считать весь мир раем! Джефферсону Коупу не хватает здравого смысла.

— Этот недостаток бывает опасен, — заметил Пуаро.

— Он продолжает считать то, что я бы назвал «феномен Бойнтонов» результатом чрезмерной материнской заботы. Но он и понятия не имеет, сколько под этим кроется ненависти, возмущения, рабства и страданий.

— Ужасно глупо, — проговорил Пуаро.

— Однако даже самый наивный и тупой оптимизм не в силах устоять против некоторых фактов. Думаю, путешествие в Петру несколько подправило зрение мистера Джефферсону Коупу!

Доктор Жерар пересказал разговор, который произошел у него с американцем в день смерти миссис Бойнтон.

— Эта история с изгнанной горничной довольно примечательна, — задумчиво проговорил Пуаро. — Она прекрасно высвечивает характер старой дамы.

— То утро вообще было странным, — продолжал врач. — Вы еще не были в Петре, месье Пуаро? Если поедете туда, непременно взберетесь на гору Жертвоприношений. От этого места исходит... как бы это выразить... очень своеобразная атмосфера.

И, подробно описав место действия, он добавил:

— Здесь присутствующая барышня высказывалась, как молодой судья, о том, что, мол, для блага всех стоит принести в жертву одного. Вы помните, мисс Кинг?

Сара рассердилась.

— Прошу вас, не будем больше говорить об этом проклятом дне!

— Вы правы, — поддержал ее Пуаро. — Поговорим лучше о событиях более отдаленных. Портрет миссис Бойнтон, который вы мне тут набрасываете, доктор Жерар, вызывает у меня все больший интерес. Тут есть одна вещь, которая совершенно превосходит мое разумение. Если миссис Бойнтон держала домашних в полном рабстве, то зачем ей понадобилось устраивать это путешествие за границу, где ее влияние могло ослабнуть?

— Попробую как можно точнее объяснить вам, что произошло, — сказал врач. —

Все старухи схожи, по меньшей мере, в одном: они смертельно скучают. Тем, которые развлекаются составлением пасьянсов, быстро наскучивают уже известные, и они жаждут узнать какой-нибудь новый. То же самое происходит и со старухой, чье единственное наслаждение (как ни чудовищно это звучит!) — тиранить домашних. Миссис Бойнтон, которую можно назвать прирожденной укротительницей, уже выдрессировала своих тигров. Пока они были подростками, она еще испытывала какое-то наслаждение. Женитьба Леннокса и Нэдин была в доме величайшим событием. Потом снова наступили пресные будни. Леннокс так погружен в меланхолию, что его, в сущности, невозможно вывести из спячки. Рэймонд и Керол не выказывали ни малейшей склонности к бунту. Джиневра, это несчастное дитя, тоже не в силах сопротивляться: она поднялась над реальностью и живет фантазиями. И чем больше мать ее угнетала, тем большую тайную радость испытывала бедная девочка — она чувствовала себя преследуемой героиней. Все это стало слишком будничным для миссис Бойнтон. Подобно Александру Македонскому, она стала искать для покорения новые земли. Вот и задумала это путешествие за границу. Там прирученные звери должны были обнаружить разные поводы к бунту, а она сама — случай причинить новые страдания. Все это кажется диким, правда? И однако это так. Ей нужны были острые ощущения.

Пуаро глубоко вздохнул.

— Ваши рассуждения выглядят вполне логично. Я понимаю вашу точку зрения. Мамаше Бойнтон захотелось бурной жизни, и за это она поплатилась.

Сара всем телом подалась вперед, внимательно слушая собеседников. На ее бледном лице неожиданно появилось очень серьезное выражение.

— Другими словами, — проговорила девушка, — старуха зашла слишком далеко, и жертвы восстали против нее... По крайней мере, одна из них?

Пуаро кивнул.

— Но кто же? — едва скрывая волнение, спросила Сара.

Пуаро заметил, как судорожно ее пальцы сжали букет цветов, но не успел ответить — доктор Жерар положил руку ему на плечо.

— Смотрите!

По склону холма шла девушка. Она двигалась с такой необычной грацией, что казалась неземным созданием. Волосы отливали на солнце красным золотом, а кончики румяных губ приподнялись в таинственной улыбке.

— Как она хороша! — воскликнул Пуаро. — Какая легкость движений! Вот такой я представляю себе Офелию. Юная богиня, явившаяся из другого мира, счастливая бежать от человеческих печалей и радостей.

— Вот-вот, — заметил доктор Жерар. — Такое лицо заставляет грезить. Я даже ви-

дел ее во сне. Во время лихорадки мне являлась юная нимфа с неземной улыбкой. Очаровательный был сон...

Потом, вернувшись к реальности, доктор Жерар объявил:

— Позвольте познакомить вас с Джиневрой Бойнтон!

## Глава XII

### Офелия

Через минуту Джиневра уже подошла к ним. Доктор представил ее детективу.

— Мисс Бойнтон — месье Эркуль Пуаро.

Девушка окинула детектива туманным взглядом, сложила руки и стала нервно тереть пальцы. Очарование пропало: нимфа вернулась на землю. Теперь это был всего-навсего неловкий подросток, немного иервный и застенчивый.

— Мне очень повезло, что я встретил вас здесь, мадемуазель. Я тщетно пытался познакомиться с вами в отеле.

— Правда?

Девушка улыбалась, но пальцы по-прежнему нервно тербли застежку пояса.

— Может быть, вы согласитесь немного погулять со мной, мадемуазель?

Девушка покорно последовала за ним. Скоро она каким-то странным голосом спросила:

— Вы... вы полицейский, правда?

— Да, мадемуазель.

— Очень известный полицейский?

— Величайший детектив в мире, — ответил Пуаро так, как если бы говорил о чем-то само собой разумеющемся. — Ни больше ни меньше!

Джиневра Бойнтон вздохнула.

— Вы приехали сюда охранять меня?

Пуаро задумчиво подергал ус.

— Вам угрожает опасность, мадемуазель?

Прежде чем ответить, девушка недоверчиво огляделась по сторонам.

— Да. Я уже сказала об этом пару слов доктору Жерару, когда мы были в Иерусалиме. Он сразу все понял и поехал за мной в то жуткое место, где повсюду торчат красные скалы. Они хотели меня там убить. И мне все время приходилось держаться начеку.

Пуаро, жалея больную девушку, кивнул.

— Он добр и великодушен, — продолжала Джиневра Бойнтон. — И влюблен в меня!

— Вот как?

— Ну конечно! Во сне он произнес мое имя!

Черты ее лица смягчились, и оно снова засияло неземной красотой.

— Я видела, как он метался в постели. А потом назвал меня по имени. Я бесшумно скрылась. Мне подумалось, это он призвал вас сюда. Вокруг меня враги, и порой они меняют обличье.

— Да, — мягко согласился Пуаро. — Но

здесь, в кругу семьи, вам ничто не угрожает.

Девушка гордо выпрямилась.

— Это не моя семья. Они мне никто. Пока я не могу вам сказать, кто я на самом деле. Это великая тайна. Вы бы очень удивились, если бы я вам ее доверила!

— Смерть матери очень огорчила вас?

Джиневра топнула ножкой.

— Повторяю вам: это не моя мать! Мои враги платили ей, чтобы она выдавала себя за мою мать и не давала мне скрыться.

— А где вы были в тот день, когда она умерла?

— В палатке. Там было жарко, но я не решилась выйти. Они могли бы похитить меня. Один даже заглядывал внутрь. Он переоделся, но я его узнала. Шейх послал его украсть меня.

Некоторое время Пуаро шел рядом с девушкой молча.

— Все эти истории, которыми вы себя тешите, просто великолепны.

Девушка остановилась и посмотрела на детектива.

— Но это все правда... все!

И она снова топнула ножкой.

— Во всяком случае, ловко придумано! — пробормотал Пуаро.

— Это все правда! — воскликнула девушка.

Она в бешенстве повернулась и сбежала по склону холма.

Пуаро смотрел вслед. Через некоторое время он услышал у себя за спиной голос:

— Что вы ей сказали?

Пуаро повернулся и увидел слегка запыхавшегося доктора Жерара. Вскоре к ним медленно приблизилась Сара.

— Всего-навсего, что она сочиняет очаровательные истории.

Врач покачал головой.

— А она рассердилась! Это добрый знак. Значит, еще не совсем утратила рассудок. Раз девушка понимает, что это неправда, я ее вылечу.

— Вы решили ее лечить?

— Да. Я разговаривал с молодой миссис Бойнтон и ее мужем. Джиневра придет в Париж и будет лечиться в одной из моих клиник. А потом пойдет учиться актерскому мастерству.

— Она станет актрисой?

— Да. У нее все шансы достигнуть ошеломляющего успеха. И это как раз то, что нужно Джиневре. Как и у покойной ма-тушки, у нее безмерная страсть обратиться на себя внимание, показать себя. Это бедное дитя постоянно угнетали и подавляли все ее желания. Ее честолюбие, любовь к жизни, вся ее яркая, романтическая натура не получали никакого выхода. Мы это все изменим!

Доктор отвесил легкий поклон, извинился и побежал догонять Джиневру Бойнтон.

— Доктор принял это дело близко к сердцу, — заметила Сара.

— Да, действительно, — отозвался Пуаро.

— И все же, по-моему, он напрасно сравнивает эту кошмарную женщину с Жи-

неврой. Хотя как-то однажды я пожалела миссис Бойнтон.

— Когда же это случилось, мадемуазель?

— В день моего отъезда из Иерусалима. Я вам уже рассказывала об этом. Мне вдруг показалось, что я в ней глубоко ошиблась. Знаете, такое чувство иногда возникает, когда смотришь на вещи не с той стороны. Попавшись в собственную ловушку, я и пошла побеседовать со старухой и выставила себя на посмешище.

— Вы преувеличиваете, мадемуазель.

Сара покраснела, как и всякий раз, вспоминая этот унижительный для нее эпизод.

— Я вообразила, что на мне лежит некая духовная миссия, — продолжала она.

— Позже, когда леди Уэстхольм поглядела на меня своими рыбьими глазами и сказала, что видела, как я разговаривала с миссис Бойнтон, я подумала, что она могла слышать мои слова, и окончательно почувствовала себя душой.

— И что же вам сказала миссис Бойнтон? Вы можете точно вспомнить ее слова?

— Еще бы! Они произвели на меня такое сильное впечатление! «Я никогда ничего не забываю!» — вот что она мне сказала. — «Запомните, я никогда ничего не забываю! Ни поступка, ни имени, ни лица!» Она произнесла эти слова с такой злобой, так ядовито! И даже не смотрела на меня.

— Это вас сильно потрясло? — мягко настаивал Пуаро.

— Да. Я не труслива, но иногда во мне мерещится ее ухмыляющаяся физиономия и торжествующий вид. Фу, гадость какая!

Девушка содрогнулась от омерзения и неожиданно резко повернулась к Пуаро.

— Простите мою нескромность, месье

Пуаро, но, скажите, пришли вы уже к какому-нибудь выводу? Обнаружили что-нибудь?

— Да.

Детектив видел, как задрожали губы Сары, когда она спросила:

— Что же?

— Теперь я знаю, с кем разговаривал в тот вечер в Иерусалиме Рэймонд Бойнтон. Это была его сестра Кэрол.

— Вы сказали ему об этом? Вы спросили его...

Девушка не договорила. Слова застыли в горле. Пуаро смотрел на нее серьезно и сочувственно.

— Неужели это для вас так важно, мадемуазель?

— Для меня это вся жизнь! Я во что бы то ни стало хочу знать правду.

— Что ж, — промолвил Пуаро, — могу сообщить вам, что он мне признался, будто сказал это в приступе безумия. Они с сестрой дошли до крайнего предела терпения. И добавил, что на следующее утро эта мысль показала им фантастическую.

— Понимаю...

— Вы можете мне объяснить, чего так боитесь, мисс Сара?

Девушка повернулась к детективу, и он прочитал на ее личике глубокое отчаяние.

— В тот день, когда умерла миссис Бойнтон, мы гуляли вместе. Неожиданно он собрался идти, заявив, что должен немедленно совершить одно дело, пока у него еще хватает мужества. Я думала, что... он просто хотел... хотел ей сказать... Но представьте, что он собирался...

Голос Сары пресекся. Какой бы сильной она ни была, девушка почувствовала, что у нее совершенно сдали нервы.

(Окончание следует)

## Журнал «НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ»

Если вы стали депутатом или работаете в правительстве, министерстве, исполкоме, другом органе управления, если вас, как гражданина, интересует наша парламентская практика, процессы рождения новых законов, деятельность Съездов народных депутатов, Советов всех звеньев, вплоть до сельских и поселковых, а также лучший опыт представителей депутатского корпуса, вам необходим «НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ» — общественно-политический и проблемно-информационный журнал Верховного Совета СССР.

**ЧИТАЙТЕ, ВЫПИСЫВАЙТЕ ЖУРНАЛ «НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ»!** Вы получите серьезное подспорье в вашей повседневной жизни. И не только — журнал поможет вам расширить свой кругозор и деловую компетентность.

Журнал иллюстрирован. Он выходит 18 раз в год. Годовая подписка на него стоит 10 рублей 80 копеек, на полгода — 5 рублей 40 копеек, стоимость одного экземпляра — 60 копеек.

**ИНДЕКС 70870.**

Напоминаем: подписка принимается без ограничений всеми отделениями «Союзпечати», общественными распространителями.

## День рождения СЛЕДОПЫТА

На прошлом уроке мы изучали выборку человека по запаху вещи и рассмотрели один из вариантов специальной методики. Тем, кто не пропускает наших занятий, посоветую: отработывая прием, постепенно увеличивать количество помощников, меняя основного (но не во время одного урока) до тех пор, пока собака не научится безошибочно и четко выбирать хранителя «пропажи». Занятия проводите в одном и том же месте. Переменки — не менее трех часов. И не допускайте участия основного помощника повторно, даже в роли вспомогательного — собака привыкнет

к нему, что, безусловно, исказит чистоту ее работы.

Другой вариант выборки — голосовой. Едва лишь собака подойдет к основному помощнику и начнет тыкаться в него в поисках спрятанного под одеждой предмета, подайте команду «голос». После выполнения ее помощник должен отдать собаке предмет, а она в свою очередь поднесет его вам. Поощрите собаку и повторите упражнение: за одно занятие — три подхода с интервалом в 15—20 минут. В подходе — 10—12 повторений.

Вы уже, наверно, привыкли к тому, что, приступая к очередной теме занятий, мы

отмечаем ее значимость и сложность. И тем не менее, не боясь повториться, скажу, что приучение собаки к работе по запаховому следу человека — наиболее сложный вид дрессировки, требующий большого напряжения физических сил не только от животного, но и от вас. Ведь учиться предстоит одному, а бегать по следу, увы, обоим, а это — нагрузки, и к тому же небольшие. Поэтому, если вы хотите добиться ощутимых результатов, вам необходимо серьезно и самокритично оценить свои кроссовые возможности.

По сей день у специалистов-кинологов нет единой точки зрения на вопрос, в каком возрасте собаки целесообразнее начинать занятия по следовой работе. Одни считают, что это вообще несущественно, другие ориентируются на возраст 12—18 месяцев. У меня же своя позиция — шестой месяц, сразу после смены у щенка молочных

О ЖИЗНИ  
СОБАЧЬЕЙ



СОВЕТЫ  
СПЕЦИАЛИСТА

зубов. Правда, следует оговориться, что подготовительные упражнения возможны уже с трех месяцев.

Практика служебного собаководства предполагает несколько способов постановки собаки на след, однако во внутренних войсках право на жизнь получил только один. О нем мы и поговорим.

Его особенность в том, что базируется он на использовании зрительного эффекта искомого раздражителя, который, в свою очередь, должен отвечать следующим требованиям: иметь запах человека, быть подвижным, приятным для зубов собаки во время схватки, достаточно хорошо защищенным от тех же зубов и иметь необычный внешний вид, практически не встречающийся в обычной жизни.

Как это ни парадоксально, но этим пяти условиям идеально отвечает человек в дрессировочном костюме (человек — вообще классический раздражитель; ничто нас так не выводит из равновесия, как действия себе подобных). Еще с трехмесячного возраста следует начинать активны

выработать у щенка потребность борьбы с этим раздражителем, из которой он постоянно должен выходить победителем. Цель подготовки можно считать достигнутой, если щенок при одном только виде человека в дрессировочном костюме начинает неудержимо рваться с поводка в его сторону, а будучи отпущенным, смело набрасывается на него.

На шестом месяце после выработки нужной поведенческой реакции можно приступать к постановке на след. Делается это так. Подбирается участок местности с травяным покровом и наименьшим числом отвлекающих раздражителей. Исходные условия: раннее утро, собака хорошо выгуляна и находится в положении «рядом» на длинном поводке. В определенном месте (за кустом) затаился помощник в дрессировочном костюме. Подпустив вас на 5—6 метров, он резко поднимается, издает испуганный крик и, размахивая руками, вновь скрывается, после чего пробегает по дуге примерно сто метров и прячется. Только тогда подведите собаку к тому месту,

где только что лежал помощник, подайте команду «след» и отпустите поводок. Когда собака уловит запах следа, подайте команду «след, хорошо, след» и, не трогая поводка, следуйте за ней. На отклонения ее от «маршрута» не реагируйте — пусть работает самостоятельно, без подсказок.

Подпустив собаку на 15—20 метров, помощник вскакивает и как бы пытается убежать, но оказывается достигнутым, что очень важно, именно во время движения. Сначала он энергично сопротивляется, вскрикивает, но затем подчиняется воле победителя и падает на землю без движений. Во время борьбы всячески помогайте собаке, бейте, толкайте помощника, восклицая «хорошо, фас, хорошо». После — отведите собаку в укрытие, предоставив помощнику возможность проложить новый следовой маршрут. И так — 3—4 раза. И заранее примите мои поздравления с днем рождения. С днем рождения следопыта.

**Полковник В. СЕВОДНЯЕВ,**  
начальник службы собак  
Главного управления  
командующего внутренними  
войсками.



Рис. 1. Пуск собаки на запаховый след по запаху вещи.

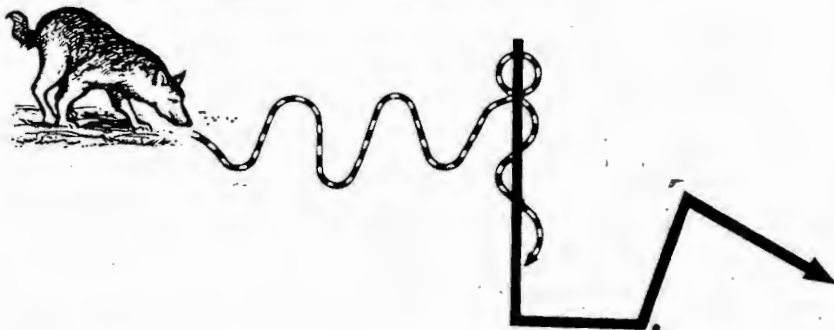


Рис. 2. Пуск собаки на запаховый след с поиском его на местности.



Дорогие участники клуба! Поскольку для некоторых из вас встреча стала уже вполне реальной, убедительно просим при обращении к нам сообщать свой точный и подробный адрес. Иначе вы не застрахованы

от ситуации, в которой оказалась Мина из Тамбовской области: написав в редакцию, она, к сожалению, не назвалась полностью, сообщила лишь имя и просила присылать корреспонденцию на главпочтамт. Но на главпочтамте ей попросту не выдадут писем, если на конверте не указаны фамилия, имя и отчество получателя.

Аналогичным образом поступили Михаил М. и Александр А. из подразделения, дислоцирующегося в Белоруссии: прислав хорошее письмо с просьбой поместить объявление в клубе, они не сообщили своих фамилий. Ну как девушкам с вами, ребята, познакомится! Еще не поздно и Михаилу с Александром, и Нине исправить свою оплошность.

Друзья! Будьте, пожалуйста, внимательны при обращении в клуб. И не стес-

нитесь: все «фамильные» тайны будем хранить свято.

А условия нашей работы те же: чтобы опубликовать объявление, надо перевести по почте 10 рублей, за один адрес понравившегося вам абонента — 5 рублей (военнослужащие срочной службы платят соответственно 5 и 3 рубля) по адресу: 111250, Москва, коммерческий банк «Лефортовский», расчетный счет — № 340616, МФО 201207. Квитанцию об оплате приложите к вашему письму в редакцию.

Сообщаем также, что филиал клуба «Возможная встреча» мы намерены открыть и на страницах приложения к журналу — в еженедельной газете «Ситуация» [индекс—50157]. Подробности об условиях работы филиала сообщим в очередном номере.

000085—М. Ж.

Русоволосая девушка познакомится с юношей—курсантом военного (или мореходного) училища не старше 20 лет, ростом не ниже 170, не имеющим вредных привычек, обладающим чувством юмора и порядочностью. О себе: рост 160, вес 50 кг, учусь в школе, занимаюсь музыкой, люблю стихи, рукоделие. Не выношу грубость и пошлость. Ценю верность, сама умею ждать. Мое созвездие — Весы.

Марина.

000087—С. К.

Познакомлюсь с военнослужащим до 35 лет высокого роста. О себе: 29 лет, рост 155, стройная, симпатичная, блондинка. Есть два сына — 9 лет и полтора года. Образование у меня среднее специальное, но работаю не по специальности. Увлекаюсь фотографией, вяжу. Надеюсь, что откликнется надежный, порядочный человек, который сможет заменить моим детям отца.

Светлана.

песни. Словом, романтик и реалист по характеру. Цель моей жизни — достичь своей мечты. А о мечте расскажу будущему другу.

Светлана.

000089—И. С.

Себя описывать трудно, но все же: спокойная, вроде симпатичная, 18 лет, рост 160, студентка, увлекаюсь туризмом, люблю музыку. Хотелось бы познакомиться с хорошим парнем; желательно военнослужащим, ростом не ниже 170 и обязательно — умеющим ухаживать за девушками, чего сейчас так не хватает нашим современным парням.

Ирина.

000086—А. Б.

Очаровательная представительница слабого пола (19 лет, рост 164, брюнетка, глаза карие) желает познакомиться с симпатичным парнем от 19 до 25 лет (рост 175—185). К отклику на мое объявление желательно приложить фото.

Ангела.

000088—С. А.

Хоть и не уверена, что можно познакомиться по переписке, однако название у клуба очень обнадеживающее — и если «Возможная встреча», то пишу вам в надежде встретить честного, справедливого друга и — нескучного, ну с изюминкой, что ли! Мне 18 лет, я небольшого роста, люблю цветы, хоршие стихи, книги,

000090—А. М.

Мне 27 лет, воспитываю сына 4 лет, русская, внешность — темноволосяя, невысокая, симпатичная. Люблю книги, театр, музыку, домашний уют, хорошо го-

товлю (1). Познакомлюсь с мужчиной до 30 лет, непьющим (1), любящим детей, веселым, отзывчивым, в общем порядочным человеком, желающим создать крепкую семью. Отвечу на письмо с фотографией.

Алевтина.

000091—В. Г.

Так уж получилось, что остались мы вдвоем с дочкой. Живу только для нее и очень устала от одиночества, откровенно говоря. Так нужен любимый человек, с кем можно было бы разделить и беду и радость. Мне 28 лет, рост 157, стройная. Люблю детей, семейный уют, люблю ходить в гости и сама принимать гостей. Если встреча для меня действительно возможна, буду очень рада.

Валя.

000092—Л. К.

Служу прапорщиком во внутренних войсках и не с чужих слов знаю, что такое служба и с плохой, и с хорошей стороны. Надеюсь на встречу с хорошим человеком, который без скептицизма относится к женщинам-военнослужащим. Верю, что в армии еще сохранился дух благородства (несмотря на все вроде развенчивающие ее, армию, публикации). Ценю в людях дружбу, верность и доброту. О себе: 25 лет, рост 162, занимаюсь спортом, имею музыкальное образование, ценю домашний уют и умею его создать. Хорошо готовлю.

Л. К.

000093—Е. В.

Мне 23 года, в браке не состояла, внешность самая обыкновенная, рост 165, увлекаюсь музыкой, люблю путешествовать. Окончила техникум, работаю в проектно-институте. Хотелось бы надеяться, что ваш клуб поможет мне познакомиться с молодым человеком в возрасте 23—27 лет с доброй душой и спокойным характером, который в сложной жизненной ситуации сумеет понять другого. Больше все-

го не люблю предательство, уж лучше горькая правда, чем сладкая ложь.

Елена.

000094—С. Г.

Служу в отдаленном гарнизоне, прапорщик. Ну, девушки, есть среди вас смелые, такие, кто не побоятся жизни в глуши? О себе: родился в августе 1962 г., русский, рост 173, вес 70. Из вредных привычек одна — курю. Увлечения — музыка, книги, охота, рыбалка.

Сергей.

000095—О. М.

Здравствуй, клуб «ВВ»! Помогите, пожалуйста, найти друга! Мне 18 лет, голубоглазая шатенка, симпатичная, работаю. Серьезно занимаюсь служебным собаководством, люблю музыку, книги. В людях ценю верность, доброту, юмор и оптимизм. Буду рада знакомству с порядочным юношей.

Оля.

000096—М. К.

Девушка 17 лет хотела бы познакомиться с хорошим парнем, не имеющим вредных привычек, который ценит бы в человеке искренность и доброту, любил бы животных и понимал бы толк в красивом!

Марьяна.

000097—И. П.

Невысокая, русоволосая девятнадцатилетняя студентка биофака университета, сангвиник. Увлекаюсь кинологией, рисую, играю на пианино. Мне нравится готовить, вязать, люблю путешествовать, знакомиться с новыми людьми. Ценю в окружающих доброту, жизнерадостность, юмор. Хотела бы познакомиться с молодым человеком в возрасте до 23 лет, военнослужащим.

Ирина.

000098—Т. Я.

А вдруг ваш клуб — моя судьба?.. Мне 20 лет, рост 164, волосы русые, глаза зеленые, русская, родилась под знаком Рыбы. Люблю

цветы, животных, особенно кошек, мои увлечения — книги, эстрадная музыка. Буду рада познакомиться с курсантом военного училища или офицером 20—25 лет, желателен славянской народности и обязательно высоким — нравятся мне высокие парни! Единственная просьба — не пить, не курить.

Татьяна.

000099—О. К.

Ребята часто обижаются: я ей верил, а она не дождалась. Да ведь не все, думаю, зависит от девчонки... Преимущество у того, за кого выходит твоя любимая, лишь одно — он рядом, а ты далеко. Так пиши, солдат, ей такие письма, чтоб она чувствовала тебя около, знала, что ты с ней в горе и в счастье. Хотя грешны ведь не только девчата, парни тоже разные бывают...

О себе. Русская, 19 лет, работаю на швейной фабрике, ну и понятно, многое шью себе сама, люблю также готовить, увлекаюсь астрологией (гороскопами). Не прочь послушать веселую музыку, особенно когда на душе кошки скребут. Пишите те, кому созвучны мои интересы.

Ольга.

000100—Н. И.

Интересно было бы переписываться с человеком хорошего характера, чтоб был способен понять другого. И чтоб тому человеку было 20—26 лет. Мне — 19, характер спокойный. Люблю музыку, особенно А. Серова и А. Глызина. Умею и люблю готовить.

Надежда.

000102—Е. К.

Я темноволосая, кареглазая, веселая, 24 года, рост 168, характер нормальный, очень люблю готовить, интересы разносторонние. Хотела бы познакомиться с офицером или прапорщиком 25—30 лет, высокого роста, добрым, верным, любящим детей, с серьезными намерениями.

Елена.



### СООБРАЗИТЕЛЬНЫМ СТАРШИНАМ

1. На складе имеются гвозди в ящиках по 24, 23, 17 и 16 кг. Может ли кладовщик отпустить вам 100 кг гвоздей, не распечатывая ящики? Как это сделать?
2. Груз доставлен на три склада следующим образом: на первый и второй склады доставлено 400 т, на второй и третий — 300 т, на первый и третий — 440 т. Сколько тонн груза на каждом складе в отдельности?
3. На базе имеются 7 одинаковых бочек с растительным маслом, 7 таких же, заполненных наполовину, и 7 таких же пустых. Все их надо развезти по трем подразделениям, так, чтобы каждое получило масла и бочек поровну. Попробуйте это выполнить.

### НА ЧАСАХ

1. В канцелярии роты есть часы с боем. Они отбивают целые часы и одним ударом каждые полчаса. Сколько ударов делают эти часы в сутки?
2. Часы отбивают удар за 1 сек. Сколько времени потребуется часам, чтобы они отбили 12 часов?
3. Как разрезать циферблат часов на 6 частей, чтобы во всех частях сумма чисел была одинаковой?
4. Какой сейчас час, если оставшаяся часть суток вдвое больше прошедшей?

5. В 12.00 часовая и минутная стрелки совпадают. Через сколько минут после этого они совпадут снова?

Сколько раз и когда за время от 0 до 12.00 минутная стрелка совпадет с часовой?

«Математика принадлежит к числу наук, имеющих громадное значение для выработки умения логически мыслить, делать обобщения».

Н. КРУПСКАЯ.

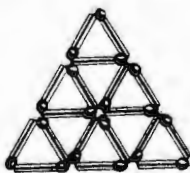
### МАТЕМАТИЧЕСКАЯ СМЕСЬ

1. Расшифруйте запись:

+ РЕШИ  
ЕСЛИ  
СИЛЕН

при условии, что одинаковыми буквами обозначены одинаковые цифры и «наибольшая» цифра в записи числа «СИЛЕН» равна 5.

2. Из спичек сложена фигура, состоящая из 9 равных треугольников. Уберите 5

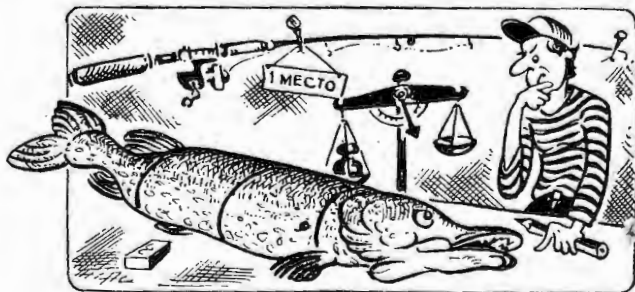


- спичек так, чтобы осталось 5 треугольников.

3. Мотоциклист ехал в поселок. По дороге он встретил три легковые машины и грузовик. Сколько машин шло в поселок?

4. Во взводе 30 солдат. 18 из них занимаются легкой атлетикой, 10 в секции плавания, а трое посещают обе секции сразу. Сколько солдат не занимаются спортом?

5. Рыбак поймал рыбу. Щука была такая большая, что ее вес заинтересовал многих. Когда рыбака спросили, сколько же весит такая красавица, он ответил: «Я думаю, что хвост тянет на 1 кг, голова весит столько, сколько хвост и половина туловища, а само туловище — столько, сколько голова и хвост вместе». Сколько же весила рыба?



### ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 8, 1991 г.

По горизонтали: 1. Проступок. 7. Жерло. 8. Улика. 9. Навык. 10. Натиск. 11. Каратэ. 13. Актив. 18. Адвокат. 19. Огласка. 20. Аудитор. 21. Граница. 26. Опрос. 29. Епифан. 30. Погоня. 31. София. 32. Мегрэ. 33. Вышка. 34. Дружинник.  
По вертикали: 1. Полоса. 2. Схватка. 3. Укрытие. 4. Колпак. 5. Честь. 6. Шквал. 10. Наказание. 12. Эскалация. 14. Фомин. 15. Закон. 16. Егерь. 17. Раунд. 22. Шпионаж. 23. Полигон. 24. Пикет. 25. Разряд. 27. Розыск. 28. Гонка.

# приглашает

ОБРАЩАТЬСЯ В ОТДЕЛ КАДРОВ  
УПРАВЛЕНИЯ МОСМЕТРОСТРОЯ  
ПО АДРЕСУ: МОСКВА, УЛ. КУЙБИШЕВА, 3.  
ТЕЛЕФОНЫ: 921-06-21, 928-07-18.



# МОСКОВСКИЙ МЕТРОСТРОЙ



Нам требуются проходчики-горнорабочие, изолировщики, слесари-монтажники горного оборудования, слесари-сантехники, электросварщики, шоферы, арматурщики, плотники, штукатуры, маляры, плиточники, токари, фрезеровщики, крановщики. Оплата труда сдельная и повременная. Зарплата 400-1000 руб. в зависимости от специальности, квалификации и вида работ. Лица, не имеющие указанных профессий, могут их приобрести в технической школе Мосметростроя.

Трудоустроим также инженерно-технических работников: горных инженеров-строителей, инженеров по строительству мостов и тоннелей, механиков, горных инженеров-механиков, инженеров промышленно-гражданского строительства, инженеров-строителей, сантехников, инженеров-автомехаников. Оклады от 500 до 700 руб.

Мы располагаем разнообразными льготами. Работники, проработавшие 10 и более лет в подземных условиях, имеют право оформить пенсию с 50, а на открытых горных работах – с 55-летнего возраста. Суммарный отпуск рабочих на подземных горных работах до 56, а на открытых горных работах до 39 календарных дней. Инженерно-технические работники – горные мастера на подземных работах имеют отпуск до 56 календарных дней. Начальники и механики участка, маршейдеры – до 52 календарных дней. Рабочие и ИТР Мосметростроя получают премию за ввод объектов в эксплуатацию, экономию материалов и электроэнергии, выполнение целевых заданий, вознаграждения за выслугу лет.

Мосметрострой имеет детские сады и ясли, пионерский лагерь, Дворец культуры, спортивное общество "Локомотив", санаторий-профилакторий, пансионат на берегу Черного моря, в Адлере. Ведется жилищное строительство в Москве.

# Остановите свой выбор



НАШ АДРЕС: 111024, МОСКВА,  
2-Я КАБЕЛЬНАЯ УЛИЦА, 2.  
ТЕЛЕФОНЫ ДЛЯ СПРАВОК:  
273-83-04, 273-82-45.



Арендное предприятие  
"Москабель" приглашает на  
работу:

- волочильщиков проволоки, зарплата - 1500 руб.;
- крановщиков мостовых и башенных кранов - 1000 руб.;
- изолировщиков жил проводов - 1000 руб.;
- опрессовщиков кабеля - 1000 руб.;
- эмалировщиков - 1000-1200 руб.;

- слесарей-ремонтников - 800-1000 руб.;
- электромонтеров - 800-1000 руб.

Не имеющие профессиональной подготовки обучаются непосредственно на рабочем месте.

Завод выпускает силовые кабели, кабели дальней связи, эмалированные и обмоточные провода, цветной прокат, товары народного потребления.

На предприятии имеются: медсанчасть с современным диагностическим оборудованием, благоустроенное общежитие, столовая, кулинария, спортивный комплекс, магазины заказов и промтоваров, детские сады, ясли, база отдыха.

